ФРАНЦ

КАФКА

Пропавший без вести

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Пропавший без вести
Франц Кафка

Аннотация
Франц Кафка. Пропавший без вести (Америка)
Глава первая. Кочегар
Глава вторая. Дядя
Глава третья. Особняк под Нью-Йорком
Глава четвертая. Пешком в Рамзес
Глава пятая. Отель «Оксиденталь»
Глава шестая. Происшествие с Робинсоном
Глава седьмая
Глава восьмая
Фрагмент первый. Отъезд Брунельды
Фрагмент второй

Аннотация

Враждебный и бессмысленный мир. Одиночество и трагическая обреченность человека. И назло всему – беспрестанный поиск спасения…

Все это в незаконченном романе Франца Кафки «Пропавший без вести» («Америка»).

Франц Кафка
Пропавший без вести (Америка)

Глава первая
Кочегар

Когда шестнадцатилетний Карл Росман, высланный родителями в Америку за то, что его соблазнила забеременевшая от него служанка, на усталом, замедляющем ход корабле плавно входил в нью-йоркскую гавань, он вдруг по-новому, будто в нежданной вспышке солнечного света, увидел статую Свободы, на которую смотрел давно, еще издали. Казалось, меч в ее длани только-только взмыл ввысь, а всю фигуру овевают вольные ветры.

«Высоченная!» — подумал он, вовсе не торопясь на берег и даже не заметив, как хлынувшая на палубу толпа носильщиков мало-помалу оттеснила его к самым бортовым поручням.

Молодой человек, с которым они мельком познакомились в дороге, проходя мимо, спросил:

— Вы что же, сходить не думаете?

— Да я-то готов, — ответил Карл с усмешкой и, то ли из озорства, то ли просто от избытка молодых сил, вскинул чемодан на плечо.

Но, едва глянув вслед своему знакомцу, кото-

рый уже удалялся вместе со всеми, небрежно поигрывая тросточкой, Карл вдруг вспомнил, что оставил внизу свой зонтик. Карл тотчас же окликнул молодого человека и попросил о любезности — тот, похоже, не слишком-то был обрадован просьбой — присмотреть за чемоданом, а сам, наскоро оглядевшись, чтобы запомнить место, поспешил вниз. Там, однако, он, к досаде своей, обнаружил, что проход, которым скорее всего можно было добраться, впервые за время поездки почему-то — очевидно, в связи с выгрузкой пассажиров, — заперт, и в поисках другой дороги пустился плутать по бесконечным, к тому же петляющим коридорам по лестницам, хоть и не длинным, но многочисленным, миновал чей-то пустой кабинет с покинутым письменным столом посередине, покуда не понял, — ведь он и ходил-то прежде этим путем всего раз или два, да и то не один, а в компании, — что и вправду окончательно заблудился. От растерянности — ибо вокруг не было ни души, только слышалось над головой шарканье тысяч ног да еще, откуда-то издали, слабый, как дыхание, уже стихающий гул застопоренных машин, — он не долго думая принялся колотить в первую попавшуюся дверь, на которую наткнулся в своих блужданиях.

— Да открыто! — послышалось изнутри, и Карл со вздохом облегчения распахнул дверь. — Что вы колотите как сумасшедший? — недовольно спросил здоровенный мужчина, толком даже не взглянув на Карла.

Через отверстие в потолке тусклый, как бы уже отработанный наверху свет сочился в убогую клетушку, где, тесно прижатые друг к другу, громоздились, словно в кладовке, койка, шкаф, стул и этот мужчина.

— Я заблудился, — признался Карл. — В дороге я как-то не замечал, а это, оказывается, жутко большой корабль.

— Да, тут вы правы, — не без гордости согласился мужчина, не переставая возиться с замком небольшого чемодана, на крышку которого он налегал в предвкушении долгожданного щелчка. — Входите же, — сказал он нетерпеливо. — Нечего на пороге стоять.

— А я не помешаю? — спросил Карл.

— Да чем вы можете помешать?

— Вы — немец? — на всякий случай осведомился Карл, наслышанный об опасностях, которые подстерегают в Америке новоприбывших, особенно со стороны ирландцев.

— Немец, немец, — подтвердил мужчина.

Карл все еще колебался. Внезапно мужчина потянулся к дверной ручке и одним рывком прикрыл дверь, впихнув таким образом Карла в каюту.

— Терпеть не могу, когда на меня глазеют из коридора, — буркнул он, снова принимаясь за непокорный чемодан. — И вот, понимаешь, ходят-глазеют, никакого терпения не хватит.

— Но в коридоре-то никого нет, — удивился Карл, в неудобной позе притиснутый к краю койки.

— Это сейчас никого, — раздраженно возразил мужчина.

«Так ведь и речь о том, что сейчас, — мысленно удивился Карл. — С ним, однако, нелегко сговориться».

— А вы ложитесь на койку, там просторней, — посоветовал мужчина.

С грехом пополам Карл влез на койку и тут же рассмеялся над своей тщетной попыткой покачаться на сетке. Но, не успев толком лечь, спохватился:

— Господи, я же совсем забыл про чемодан!

— А где он?

— На палубе, знакомый один там его стережет. Как же его зовут? — И, порывшись в потайном

кармане, который мама нашила в дорогу на подкладку пиджака, Карл извлек оттуда визитную карточку. — Вот, Буттербаум. Франц Буттербаум.

— Чемодан очень вам нужен?

— Конечно.

— Тогда зачем же вы доверили его чужому человеку?

— Я зонтик внизу забыл, ну, и побежал, а чемодан тащить не хотелось. А теперь вот еще и заблудился.

— Вы один едете? Без взрослых?

— Один. — «Наверно, стоит держаться этого человека, — мелькнуло у Карла, — более надежного друга мне здесь так сразу все равно не найти».

— А теперь еще и чемодан потеряли. О зонтике я уже не говорю. — Мужчина уселся на стул, словно положение Карла только сейчас до некоторой степени стало его занимать.

— Ну, чемодан-то, наверное, еще не пропал.

— Блажен, кто верует, — хмыкнул мужчина и энергично запустил руку в свои темные, короткие и очень густые волосы. — На корабле, знаете ли, какой порт — такие и нравы. В Гамбурге этот ваш Буттербаум, может, еще и посторожил бы чемодан, а здесь скорей всего обоих и след простыл.

— Но тогда мне надо бежать! — вскинулся Карл,

соображая, как бы поскорее выбраться.

— Да лежите вы! — распорядился мужчина и прямо-таки грубо толкнул Карла в грудь, укладывая обратно на койку.

— Это почему же? — запротестовал Карл, начиная злиться.

— Потому что смысла нет, — пояснил мужчина. — Скоро я тоже пойду, вместе и выйдем. А чемодан либо уже украли, и тогда дело дрянь, можете оплакивать его хоть до скончания века, либо этот ваш приятель его стережет, тогда он совсем дурак и пусть постережет еще; ну, а если он просто порядочный человек — значит, чемодан оставил, а сам ушел, народ к тому времени схлынет, легче найдем. И зонтик ваш тоже.

— А вы так хорошо знаете корабль? — спросил Карл недоверчиво, ибо в доводах незнакомца, вообще-то здравых, — дескать, на пустом корабле вещи отыскать легче, — ему почудился некий подвох.

— Так я же тут кочегар, — ответил тот.

— Вы — корабельный кочегар? — вскричал Карл с таким восторгом, будто эта новость превзошла все его ожидания, и даже привстал на локте, рассматривая мужчину во все глаза. — Около каюты, где мы спали со словаком, был такой люк,

и можно было заглянуть в машинное отделение.

— Ну да, там я и работал, — подтвердил кочегар.

— А я всегда техникой интересовался, — продолжил Карл, все еще думая о своем. — И обязательно стал бы инженером, если бы не пришлось вот в Америку отправиться.

— Зачем же тогда отправились?

— Да так, — уклончиво ответил Карл, взмахом руки отметая дальнейшие объяснения.

— Значит, была причина, — рассудил кочегар, и было неясно, то ли он хочет, чтобы Карл об этой причине рассказал, то ли наоборот.

— Теперь вот и я могу стать кочегаром, — сказал Карл. — Моим родителям уже все равно, кем я стану.

— Мое место освобождается, — сообщил кочегар, демонстративно засунул руки в карманы своих мятых, стального цвета дерюжных штанов и, вытянув ноги, забросил их на койку. Карлу пришлось потесниться к стене.

— Вы уходите с корабля?

— Так точно, сегодня отчаливаю.

— Но почему? Вам что, не нравится здесь?

— В том-то и штука, что нашего брата не больно спрашивают, нравится ему или нет. Хотя вооб-

ще-то вы правы, да, мне здесь не нравится. Вы, конечно, не всерьез в кочегары надумали, но учтите, именно так проще всего в кочегары и угодить. Только я вам решительно не советую. Коли вы в Европе хотели учиться — почему бы здесь вам не хотеть того же. Американские университеты даже куда лучше.

— Так-то оно так, — согласился Карл. — Но на это деньги нужны, а у меня их считай что нет. Правда, у кого-то я читал, что днем он работал, а ночами учился, пока не стал доктором и, кажется, даже бургомистром. Но ведь это какое терпение нужно, верно? А у меня, боюсь, терпения не хватит. Да и учился я не особенно хорошо и, честно сказать, не очень-то горевал, когда пришлось школу бросить. А здесь, наверно, в школах еще строже. И английского я почти не знаю. К тому же иностранцев тут, по-моему, не слишком-то жалуют.

— А, вы тоже, значит, это заметили? Ну, тогда все в порядке. Тогда вы свой человек. Сами посудите, ведь мы на немецком корабле, компания «Гамбург — Америка», почему же, спрашивается, здесь работают не одни только немцы? Почему главный механик — румын? Шубаль его фамилия. Это же неслыханно. Нами, немцами, на немецком

корабле помыкает эта скотина! Вы не подумайте, — тут у него от возмущения даже дыхание перехватило, и он замахал руками, — не подумайте, что я вас разжалобить хочу. Я же вижу, вы не бог весть какая птица и сами паренек небогатый. Но уж больно все это мерзко! — С этими словами он несколько раз пристукнул кулаком по столу, не спуская глаз с точки, по которой бил. — Ведь я на стольких кораблях служил! — Тут он одним духом выпалил подряд названий двадцать, Карл совсем запутался. — И отлично служил, меня хвалили, я всегда умел угодить моим капитанам, а на торговом паруснике я даже несколько лет проходил. — Тут он привстал, словно торговый парусник был вершиной всей его жизни. — А здесь, в этом гробу, где все по струночке, где и пошутить нельзя, — здесь я, выходит, ни на что не гожусь, только болтаюсь у Шубаля под ногами, здесь я лодырь, которого давно пора выгнать, а жалованье получаю только из милости. Вы можете это понять? Я — нет.

— Вы не должны этого так оставлять, — сказал Карл взволнованно. Он почти забыл, где находится: шаткий пол корабля, незнакомый континент за бортом — все куда-то ушло, так уютно было ему на койке у кочегара. — А у капитана вы были? У

него искали защиты?

— Эх, шли бы вы, шли бы вы лучше! Зачем вы мне здесь? Не слушаете, что вам говорят, а еще лезете с советами! Ну как, как я пойду к капитану?

И кочегар снова как-то обреченно сел, спрятав лицо в ладонях.

«Лучшего совета я ему дать не могу», — подумал Карл. И вообще, решил он, куда умнее, пока не поздно, сходить за чемоданом, чем давать здесь советы, которые вдобавок считают дурацкими. Когда отец на прощанье вручил ему чемодан, он как бы в шутку заметил: «Долго ли он у тебя проживет?..» — и теперь вот, действительно, чемодан, верный попутчик, кажется, уже не в шутку, а по-настоящему потерян. Тут, пожалуй, только одно утешенье — что отец ничего о пропаже не узнает, как не узнает и о нем самом, даже если вздумает наводить справки. До Нью-Йорка добрался, — вот и все, что ему в корабельной компании сообщат. Жаль только, что он почти не успел попользоваться вещами из чемодана, хотя ему, к примеру, давно бы пора сменить рубашку. Выходит, он проявил бережливость не там, где надо; именно сейчас, на пороге самостоятельной жизни, когда просто необходимо опрятно выглядеть, он будет щеголять в грязной рубашке.

Хорошее начало, нечего сказать! Если бы не это, потерю вполне можно пережить, костюм на нем даже лучше, чем тот, что в чемодане, тот вообще костюм на черный день, мама перед самым отъездом срочно его штопала. Однако тут он вспомнил, что в чемодане осталась еще палка копченой колбасы, веронская салями, мама в последнюю минуту успела ему эту колбасу тайком сунуть, он и отрезал-то всего ничего, есть почему-то всю дорогу не хотелось, и супа, что раздавали на полупалубе, ему хватало за глаза. Но теперь колбаса была бы очень даже кстати, он подарил бы ее кочегару. Таких людей легко расположить, подсунув им любую мелочь, Карл хорошо это знал по отцу, тот всех низших чинов, с которыми приходилось иметь дело, задабривал сигаретами. Теперь же из того, что можно подарить, у Карла остались только деньги, но деньги он пока что — тем более раз уж он и чемодана вроде бы лишился — трогать не будет. Мысли его снова вернулись к чемодану, и теперь он и вправду не мог уразуметь, чего ради всю дорогу за этот чемодан трясся, почти не спал из-за него, если потом так вот запросто отдал его в чужие руки. Он вспомнил, как пять ночей подряд глаз не смыкал, а все из-за маленького словака, который спал

через две койки слева, — Карл наверное знал, что тот на его чемодан зарится. Казалось, он только и ждет, когда Карл, сморенный усталостью, на секунду задремлет, чтобы длинной тростью — он день-деньской с этой тростью то ли играл, то ли упражнялся — перетянуть чемодан к себе. Днем-то этот словак выглядел вполне безобидно, но с наступлением ночи он то и дело приподнимался с койки и грустно так поглядывал на чемодан. Однако Карлу все было видно, благо то тут, то там кто-то из пассажиров, снедаемый страхом неизвестности, зажигал свечу, хоть это и строжайше запрещено корабельным распорядком, и с тревогой вчитывался в загадочные проспекты американских агентств по приему эмигрантов. Если свечка горела поблизости, Карл мог ненадолго прикорнуть, если же свет был далеко или его вообще не было, приходилось смотреть в оба. Вся эта нервотрепка основательно его измотала. А теперь, кажется, эти мучения еще и зазря. Ну уж этот Буттербаум, попадется он ему когда-нибудь!

В этот миг откуда-то издали прежде незыблемую тишину разорвал странный, размеренный стук — точно от множества детских ног, однако стук приближался, нарастал и вскоре превратился в дробный и тяжелый мужской топот.

Очевидно, люди шли гуськом, что, пожалуй, в узком коридоре только естественно, но теперь к их топоту добавился лязг, похожий на бряцанье оружия. Карл, блаженно растянувшийся на койке, чуть было не погрузился в глубокий сон, готовый позабыть и словака, и чемодан, и все на свете, но сейчас встрепенулся и даже успел слегка подтолкнуть кочегара, — тот, казалось, не слышит грозного шествия, которое тем временем почти достигло их двери.

— Корабельный оркестр, — пояснил тот. — Играли наверху, теперь идут укладываться. Значит, и нам пора. Пойдемте.

Он подхватил Карла под руку, в последнюю минуту снял со стены над койкой образок Богоматери, запихнул его в нагрудный карман, схватил чемодан и вместе с Карлом решительно вышел из каюты.

— А теперь я пойду в кают-компанию и выложу этим господам все, что я о них думаю. Пассажиров нет, церемониться нечего. — На все лады повторяя на ходу последние слова, он попытался придавить ногой перебежавшую им дорогу крысу, но только слегка задел и, по сути, подтолкнул ее в нору, до которой та вовремя успела добраться. Он вообще был неповоротлив на своих хоть

и длинных, но каких-то тяжелых, непослушных ногах.

Они прошли через отсек, где была кухня: несколько девушек в грязных передниках — они нарочно их намочили — в больших чанах мыли посуду. Одну из них, некую Лину, кочегар подозвал и, обхватив чуть ниже талии — она в ответ игриво прижалась к его плечу, — попытался увести с собой.

— Там жалованье дают, пойдешь? — спросил он.

— Вот еще, стану я утруждаться. Лучше ты мне сам принеси, — ответила та, выскользнула у него из-под руки и убежала. — Где это ты подхватил такого красавчика? — крикнула она на бегу и, не дожидаясь ответа, скрылась на кухне. Было слышно, как все девушки, видимо, на время прервавшие работу, дружно рассмеялись.

Они же с кочегаром пошли дальше и вскоре уперлись в массивную дверь с изящным резным фронтоном, который поддерживали миниатюрные позолоченные кариатиды. Для отделки корабельной каюты все это выглядело весьма расточительно. Карл, как он успел заметить, в этой части судна за время поездки ни разу не был, вероятно, она предназначалась лишь для

пассажиров первого и второго классов, но сейчас, перед генеральной уборкой, двери, видимо, были настежь и ограничения сняты. Им, и точно, уже попались навстречу несколько матросов со швабрами через плечо, они поздоровались с кочегаром. Карл дивился размаху работ и обилию помещений — у себя на полупалубе он, разумеется, не много успел увидеть. По стенам коридоров змейками тянулись электрические провода, а где-то вдали то и дело позвякивал небольшой колокол.

Кочегар, подобравшись и приосанившись, постучал в дверь и, когда оттуда послышалось «Войдите!», жестом пригласил Карла: мол, смелее. И Карл вошел, но на пороге невольно остановился. Разом из трех огромных окон на него ласково плеснули волны моря, и от их веселого, беззаботного бега у него сильнее забилось сердце, будто и не было пяти долгих, нескончаемых дней, когда он только и видел что море да море кругом. Большущие корабли уверенно бороздили воды залива, ровно настолько поддаваясь качке, насколько им позволяла их солидная стать. Если прищуриться, вообще казалось, что покачиваются они только от собственной тяжести. На их мачтах, туго натянутые встречным ветром, но

иногда опадая, трепетали узкие, длинные флаги. Откуда-то издали, должно быть, с военных кораблей, раздавались залпы салюта, а один из таких кораблей как раз проплывал неподалеку, сверкая на солнце сталью расчехленных орудий, дула которых, казалось, до блеска отполированы ветрами хоть и бурных, но победоносных странствий. Мелкие катера и лодки, различимые — по крайней мере отсюда, с порога, — лишь вдалеке, во множестве сновали между большими судами. А за всем этим, еще дальше, вздымался Нью-Йорк, глядя на Карла всей сотней тысяч глазниц своих небоскребов. Да, в этом зале нельзя было не почувствовать, где находишься.

В центре за круглым столом сидели три господина, один — корабельный офицер в голубой морской форме, двое других — портовые чиновники в черных американских мундирах. На столе перед ними стопками лежали всевозможные документы, офицер, держа наготове авторучку, сперва пробегал их глазами, чтобы уж потом передать чиновникам, которые их то прочитывали, то делали выписки, то откладывали в свои папки, а время от времени один из них, тот, что почти беспрерывно прицокивал зубом, что-то диктовал другому в протокол.

За письменным столом у окна спиной к дверям сидел низенький, плотный господин и рылся в толстенных гроссбухах, поочередно снимая их с массивной полки над столом, где они в строгом порядке были расставлены. Около него стоял раскрытый и, по крайней мере на первый взгляд, пустой сейф корабельной кассы.

Возле второго окна никого не было, из него-то и открывался самый красивый вид. Зато у третьего негромко беседовали два господина. Один, тоже в корабельной форме, прислонился к стене и поигрывал рукояткой шпаги. Его собеседник, стоя лицом к окну, что-то рассказывал, время от времени наклоняясь вперед и открывая часть орденов на груди офицера. Он был в штатском, с изящной бамбуковой тросточкой, которая, поскольку он держал руки на поясе, тоже оттопыривалась, как шпага.

Впрочем, у Карла было не слишком много времени все как следует разглядеть, ибо вскоре к ним подошел слуга и, глядя на кочегара невидящим взглядом, спросил, что ему тут понадобилось. Кочегар так же тихо, как его спросили, ответил, что хотел бы поговорить с господином главным кассиром. Слуга со своей стороны пренебрежительным жестом эту просьбу отклонил, но все же

— на цыпочках, далеко огибая стороной круглый стол — направился к господину с гроссбухами. Было очень хорошо видно, как после слов слуги тот сперва буквально застыл, потом, как бы не веря себе, наконец обернулся на человека, осмелившегося его побеспокоить, сердито замахал руками на кочегара, а заодно, для пущей ясности, и на слугу. После чего слуга, вернувшись к кочегару, тихим, доверительным голосом сообщил:

— Немедленно убирайтесь вон!

Услышав такой ответ, кочегар только безмолвно глянул на Карла, одним этим взглядом поведав ему все невзгоды, обиды и страдания своей бессловесной души. Карл не стал долго раздумывать — сорвался с места, напрямик бросился через зал, даже слегка задев по пути кресло офицера, слуга, растопырив руки и пригнувшись, кинулся за ним, словно пытаясь изловить вредное насекомое, но Карл первым успел к столу главного кассира и крепко ухватился за край на тот случай, если слуга вздумает его оттаскивать.

Вокруг, разумеется, возникло легкое замешательство. Офицер от неожиданности вскочил, портовые чиновники смотрели на Карла спокойно, но с вниманием, два господина у окна придвинулись друг к другу поближе, а слуга,

полагая, очевидно, что там, где уже проявили интерес господа, его вмешательство неуместно, наоборот, почтительно отступил назад. Кочегар у дверей напряженно замер, ожидая, когда понадобится его помощь. Наконец и главный кассир тоже соизволил повернуться в своем кресле.

Порывшись в потайном кармане — перед этими господами он не боялся его обнаружить, — Карл вытащил свой заграничный паспорт и вместо дальнейших представлений в раскрытом виде положил на стол. Главный кассир, похоже, не придал документу особого значения и небрежным щелчком двух пальцев отшвырнул его в сторону, после чего Карл, посчитав, что все необходимые формальности таким образом соблюдены, спрятал паспорт обратно.

— Позволю себе заметить, — начал он, — что по отношению к господину кочегару, на мой взгляд, допущена несправедливость. Тут есть некто Шубаль, который над ним издевается. А он между тем служил на многих кораблях, если надо, он сам их все перечислит, и служил безупречно, прилежен, трудолюбив, честно выполняет свою работу, и совершенно непонятно, почему именно на вашем корабле, где служба вовсе не так тяжела, как, допустим, на торговых парусниках,

он вдруг оказался непригоден. Полагаю, всему причиной только клевета и наветы, которые препятствуют его продвижению по службе и лишают его признания, которым в противном случае он бы давно уже пользовался. Я изложил суть дела в самых общих чертах, а конкретные претензии и жалобы он вам выскажет сам.

Карл обращался с этой своей речью ко всем сразу, поскольку, во-первых, его и в самом деле все слушали, а во-вторых, найти справедливого среди многих казалось ему куда вероятней, чем предположить этого справедливого именно в лице главного кассира. Карл к тому же схитрил, умолчав о том, что знает кочегара совсем недавно. А вообще-то он, наверно, говорил бы еще лучше, если бы не красноватая физиономия того господина с тросточкой, — этот господин, которого он только сейчас увидел в лицо, как-то сбивал его с толку.

— Все правда, точка в точку! — громогласно заявил кочегар, хотя его никто ни о чем не спросил и даже не взглянул в его сторону.

Эта поспешность могла бы дорого ему обойтись, если бы господин в орденах — Карла только сейчас осенило, что это и есть капитан, — уже не принял для себя решение все равно кочегара

выслушать. Он вытянул руку и властным, твердым голосом, которым, казалось, впору монеты чеканить, произнес:

— Подойдите сюда!

Теперь все зависело только от самого кочегара, а уж в правоте его дела Карл не сомневался ничуть.

Кочегар, по счастью, сразу показал себя в подобных вещах человеком бывалым. Сохраняя образцовое спокойствие, он деловито, одним точным движением выхватил из чемодана связку бумаг и записную книжку в придачу, после чего, разом перестав замечать главного кассира, как ни в чем не бывало направился со всем этим прямиком к капитану. Пришлось главному кассиру встать и податься туда же.

— Это же известный скандалист, — пояснил он усталым голосом. — У кассы его куда легче найти, чем в машинном отделении. Послушайте, вы! — напустился он на кочегара. — Вам не кажется, что в своей назойливости вы слишком далеко заходите? Сколько уже раз вас выпроваживали из бухгалтерии, чего вы своими вздорными и абсолютно необоснованными претензиями вполне заслужили? Сколько раз вы бегали оттуда жаловаться в главную кассу? Сколько раз вам по-

хорошему объясняли, что ваш непосредственный начальник — Шубаль и вы как подчиненный обязаны иметь дело только с ним? Так нет же, теперь вы еще сюда заявились и как раз в то время, когда здесь господин капитан, вы даже его не стыдитесь обременять вашими идиотскими дрязгами, нет, у вас еще хватило наглости подучить и привести сюда в качестве ходатая по вашим мерзким делишкам этого юнца, которого я вообще в первый раз на корабле вижу.

С превеликим трудом Карл заставил себя сдержаться. Но капитан и так уже прервал главного кассира, сказав:

— Давайте все же выслушаем человека, раз такое дело. Этот Шубаль, сдается мне, что-то и впрямь стал своевольничать, что, впрочем, еще нисколько не говорит в вашу пользу.

Последнее относилось к кочегару и, разумеется, было только естественно, — не станет же капитан с ходу за него вступаться, — однако пока все шло наилучшим образом. Кочегар приступил к объяснениям и с самого начала сумел пересилить себя, вежливо назвав Шубаля «господином». Как переживал, как радовался за него Карл в эту минуту, стоя, всеми забытый, у стола главного кассира и от полноты удовольствия поигрывая

чашечками почтовых весов! Господин Шубаль несправедлив. Господин Шубаль отдает предпочтение иностранцам. Господин Шубаль выставил его из машинного отделения и послал чистить гальюны, что уж в обязанности кочегара никак не входит. Была подвергнута сомнению даже исполнительность господина Шубаля, скорее показная, чем «всамделишная». В этом месте Карл посмотрел на капитана особенно внушительно и со значением, как на равного себе, лишь бы тот не истолковал неловкое, простецкое выражение кочегара к его невыгоде. К тому же из всех этих пространных речей трудно было уяснить что-либо по существу, и если капитан, в чьем взоре читалась твердая решимость на сей раз выслушать кочегара до конца, все еще смотрел прямо перед собой, то остальные господа стали проявлять нетерпение и рассеянность, так что вскоре голос кочегара уже не господствовал в зале безраздельно, а это был плохой знак. Первым зашевелился господин в штатском — негромко, но внятно начал постукивать тросточкой по паркету. Остальные, разумеется, уже искоса на него поглядывали, портовые чиновники — время их явно поджимало — снова, пока, правда, еще как бы с отсутствующими лицами, зашур-

шали бумагами, офицер, понятное дело, тут же придвинулся к столу, а главный кассир, уже не сомневаясь в своей победе, с притворной иронией испускал глубокие вздохи. Только слугу, кажется, не затронул этот холодок всеобщего равнодушия, он один какой-то частицей души еще сочувствовал невзгодам бедного человека, столь беззащитного среди этих важных господ и, глядя на Карла, серьезно кивал, будто и сам хотел что-то объяснить.

За окнами между тем шла своим чередом хлопотливая портовая жизнь: длинный, плоский грузовой корабль, груженный горой бочек, уложенных, очевидно, с величайшим искусством — ни одна не перекатывалась, — тяжело прополз мимо и на миг погрузил все помещение в полумрак; юркие моторки, — Карл, будь у него побольше времени, с удовольствием бы как следует их разглядел, — послушные малейшему движению рулевого, твердо стоящего у штурвала, закладывали крутые виражи и стрелой неслись дальше; странные плавучие предметы, должно быть, буи, то тут, то там как бы сами собой всплывали над беспокойными водами и, захлестнутые новой волной, мгновенно скрывались от изумленного взора; шлюпки с океанских лайнеров,

повинуясь дружным и спорым усилиям налегающих на весла матросов, спешили к причалу, полные пассажиров, которые смирно и настороженно сидели на скамейках, стиснутые, как сельди в бочке, боясь пошевельнуться, и лишь немногие смельчаки, не в силах удержаться при виде переменчивых портовых декораций, с любопытством вертели головами по сторонам. И всюду движение, движение без конца, и вечное беспокойство, передавшееся от всемогущей стихии бессильным людишкам и творениям их неугомонных рук!

Ситуация, однако, требовала быстроты, четкости, неукоснительной ясности изложения — а что вместо этого делал кочегар? Говорил он, правда, много и с пеной у рта, но бумаги с подоконника давно уже не держались в его трясущихся руках, со всех сторон метал он в Шубаля громы и молнии, и каждого из этих обвинений по отдельности было, на его взгляд, вполне достаточно, чтобы похоронить этого Шубаля раз и навсегда, — однако, нагроможденные перед капитаном скопом, они являли собой лишь плачевную и совершенно невнятную мешанину. Давно уже негромко что-то насвистывал, поглядывая в потолок, господин с тросточкой, портовые чиновники снова взяли

в оборот корабельного офицера, и казалось, уже никогда его не отпустят, а главного кассира так и подмывало вмешаться и сдерживало лишь каменное спокойствие капитана. Слуга в почтительной готовности не сводил с капитана глаз, с секунды на секунду ожидая приказа выставить кочегара вон.

Нет, бездействовать дольше нельзя. И Карл медленно направился к группе, тем лихорадочнее прикидывая на ходу, как бы половчее повернуть все дело. И вовремя, очень вовремя! Еще чуть-чуть — и они с кочегаром в два счета отсюда бы вылетели. Пусть капитан и неплохой человек, к тому же именно сегодня, Карл чувствовал, по каким-то своим причинам он особенно расположен показать себя справедливым начальником, но не игрушка же он, в конце концов, чтобы вертеть им как вздумается, а именно так, увы, и обходился с ним кочегар, правда, без злого умысла, а исключительно по простоте своей безмерно возмущенной души.

И Карл сказал кочегару:

— Вам надо проще все это рассказать, яснее, господин капитан не в состоянии разобраться, когда вы так рассказываете. Разве обязан он знать по фамилиям или, подавно, по именам и кличкам

всех машинистов и младших матросов, которых вы тут подряд называете, как будто ему сразу ясно, о ком речь? Изложите ваши жалобы по порядку, начните с главных, а уж потом, по мере важности, переходите к менее существенным, возможно, большинство из них тогда и вовсе не понадобится упоминать. Мне-то вы всегда так складно все излагали!

«Если в Америке можно красть чемоданы, то и приврать немного тоже не грех», — подумал он в оправдание себе.

Только бы помогло! Не слишком ли поздно? Кочегар, правда, едва заслышав знакомый голос, тотчас же осекся, но его взгляд, затуманенный слезами попранной мужской чести, прошлых жестоких обид, нынешней крайней безысходности, — взгляд его плохо узнавал Карла. Да и как ему, — молча глядя на него, тоже умолкшего, Карл только теперь это осознал, — как ему вдруг, ни с того ни с сего, обучиться иной, более складной речи, особенно сейчас, когда он только что — и без тени успеха — все, что можно было сказать, уже выложил, а, с другой стороны, получается, вроде бы ничего еще не сказал, и нет ни малейшей надежды убедить всех этих важных господ выслушать его еще раз. И вот в такую минуту еще

и Карл, единственная его подмога, принимается учить его уму-разуму, только показывая тем самым, что все, все пропало.

«Надо бы раньше мне вмешаться, чем в окно глазеть!» — подумал Карл, низко склоняя голову под взглядом кочегара и уронив руки по швам в знак того, что надеяться больше не на что.

Но кочегар все истолковал иначе, возможно, в жесте Карла ему почудились какие-то скрытые упреки, и теперь, в благом намерении их опровергнуть, он увенчал свои деяния еще и тем, что принялся с Карлом спорить. Это теперь-то, когда чиновники и офицер за столом уже давно не скрывали возмущения ненужным шумом, который только мешает им в их важной работе, когда главный кассир мало-помалу стал находить долготерпение капитана необъяснимым и уже сам готов был вот-вот взорваться, когда слуга, снова всецело на стороне своих хозяев, испепелял кочегара негодующим взглядом, когда, наконец, господин с тросточкой, на которого сам капитан, как бы извиняясь, — кочегар его вконец допек, больше того, он ему опротивел, — дружелюбно поглядывал, так вот, этот господин извлек из кармана маленькую записную книжечку и, видимо, занявшись каким-то своим делом, переводил

глаза с книжечки на Карла и обратно.

— Да я знаю, знаю, — приговаривал Карл, стараясь, несмотря на спор, сохранить на лице дружескую улыбку и пробиться этой улыбкой сквозь обрушившийся на него поток слов. — Вы правы, правы, я-то никогда в этом не сомневался.

Будь его воля, он бы первым делом схватил и задержал эти безостановочно мелькающие руки, ибо уже всерьез опасался ненароком получить затрещину, еще лучше было бы просто затолкать кочегара куда-нибудь в угол, где их никто бы не услышал, и там шепнуть ему несколько тихих, успокоительных слов. Но куда там — кочегар рвал и метал. Понемногу Карл даже начал черпать нечто вроде надежды в странной, но утешительной мысли, что кочегар, быть может, сумеет убедить присутствующих одной только силой своего отчаяния. А кроме того, он успел заметить на одном из столов пульт управления с множеством кнопок — в случае чего одного нажатия ладони будет достаточно, чтобы в бесконечных коридорах этого корабля, переполненного чужими, враждебными людьми, поднялся невообразимый переполох.

Но тут Господин с тросточкой, прежде столь ко всему безучастный, вдруг приблизился к Карлу и

не слишком громко, но даже сквозь крик кочегара вполне отчетливо спросил:

— А вас, собственно, как зовут?

В ту же секунду, будто кто-то только и ждал этих слов, в дверь постучали. Слуга вопросительно посмотрел на капитана, тот кивнул. Лишь тогда слуга подошел к двери и распахнул ее. На пороге, в потертом армейском кителе, стоял человек среднего сложения, неприметной наружности, в которой ничто не выдавало ни особой склонности, ни причастности к машинам, и тем не менее это был — да, Шубаль. Если бы Карл тотчас не догадался об этом по выражению удовлетворенного злорадства в глазах всех присутствующих, — увы, даже капитана оно не обошло, — он все равно, к ужасу своему, понял бы это по виду кочегара: тот с такой яростью стиснул кулаки, что казалось, нет для него сейчас ничего важнее этого неистового усилия, ради которого он готов пожертвовать всем на свете. Именно там, в кулачищах, сосредоточились все его силы, похоже, даже те, что вообще удерживали его на ногах.

Так вот он, значит, враг, самоуверенный и коварный, даже приодевшийся, с папкой под мышкой — там, наверно, платежные ведомости и табель кочегара, — стоит как ни в чем не бывало

и с наглой беззастенчивостью заглядывает в глаза всем по очереди, чтобы первым делом уяснить, кто и как в данный момент к нему относится. Эти семеро, конечно, уже на его стороне, хоть у капитана и были, а может, только начинали появляться на его счет кое-какие сомнения, но теперь, после всего, что он от кочегара вытерпел, капитан, похоже, ни малейших претензий к Шубалю не имеет. С такими, как кочегар, любой строгости мало, а Шубаля если в чем и можно упрекнуть, то лишь в одном — что так и не сумел обломать этого кочегара до конца и тот даже набрался наглости к нему, капитану, сегодня заявиться.

Оставалось, впрочем, надеяться, что контраст между кочегаром и Шубалем, своей разительностью достойный внимания и куда более высокого форума, не укроется и от присутствующих, ибо этот Шубаль хоть и мастак притворяться, но рано или поздно все равно не сдержится и чем-нибудь себя выдаст. Одной малюсенькой вспышки его подлости будет достаточно, а уж о том, чтобы господа ее заметили, Карл позаботится. Он ведь уже успел наскоро оценить слабости, причуды, меру проницательности каждого, и с этой точки зрения время, проведенное здесь, потрачено вовсе

не зря. Если бы еще кочегар держался получше, но он, похоже, уже совсем не боец. Казалось, подведи, подай ему сейчас этого Шубаля — и он своими кулачищами расколет эту ненавистную черепушку, как гнилой орех. Но вот сделать хотя бы шаг навстречу своему врагу он, видимо, уже вряд ли способен. И как это Карл не предусмотрел такую очевидную и легко предсказуемую вещь — рано или поздно, не по собственному почину, так по вызову капитана Шубаль, конечно же, неминуемо должен был явиться! Почему по дороге сюда они с кочегаром не обсудили точный план боевых действий, вместо того чтобы сдуру, на ура, без всякой выучки и подготовки ломиться в дверь, как они это сделали? В силах ли кочегар вообще говорить, хотя бы отвечать «да» или «нет», если это потребуется на перекрестном допросе, который — впрочем, лишь при самом благоприятном обороте дела — его еще ждет? Он и так еле стоит, ноги расставлены, в коленях дрожь, голова чуть запрокинута, а раскрытый рот с таким присвистом втягивает воздух, будто в груди у него вместо легких испорченный, дырявый насос.

Сам-то Карл ощущал в себе столько сил и такую ясность мыслей, как, пожалуй, никогда прежде

— даже там, дома. Видели бы сейчас родители, как их сын в чужой стране перед этими важными лицами смело отстаивает добро, и пусть пока не довел дело до победы, но готов биться до последнего. Что бы они теперь о нем сказали? Похвалили бы, обласкали, усадили бы между собой? Взглянули бы хоть раз, один лишь разочек в его любящие, преданные глаза? Пустые вопросы, и самое неподходящее время о них гадать!

— Я пришел, поскольку полагаю, что кочегар обвинил меня в каких-то там махинациях. Девушка с кухни сказала мне, что видела, как он сюда направляется. Господин капитан и вы все, господа, с записями в руках, а если понадобится, то и с помощью непредвзятых и беспристрастных свидетелей, которые ждут за дверью, я готов опровергнуть любые обвинения.

Так начал Шубаль. Во всяком случае, это была ясная, осмысленная человеческая речь, и по изменениям в лицах слушателей можно было подумать, что они впервые за долгое время снова слышат членораздельные звуки человеческого голоса. И не заметили, между прочим, что даже в этой распрекрасной речи имеются прорехи! Почему, едва приступив к сути дела, Шубаль сам, первым заговорил о «махинациях»? Может,

именно на этом, а вовсе не на его национальных предрассудках стоило сосредоточить обвинение? Девушка с кухни видела, как кочегар сюда направляется, а Шубаль так сразу и смекнул, что к чему? Что же еще, как не боязнь разоблачения, так обострило его чутье? И свидетелей сразу притащил, да еще не постеснялся назвать их «непредвзятыми и беспристрастными»! Надувательство, чистейшей воды надувательство, а господа все это терпят и даже считают, видимо, приличным поведением! Зачем, спрашивается, Шубаль упустил так много времени от разговора с девушкой до своего прихода сюда?

Да с одной только подлой целью — дождаться, покуда кочегар настолько утомит слушателей, что те утратят способность рассуждать здраво, а именно здравых рассуждений Шубаль и опасается больше всего! Разве не стоял он сперва — и наверняка долго стоял — под дверью, разве не постучался лишь в ту минуту, когда услышал посторонний вопрос того господина и понадеялся, что с кочегаром покончено?

Тут все ясней ясного, и Шубаль, сам того не желая, это только подтвердил, но господам, видимо, надо растолковать это иначе, нагляднее. Надо их встряхнуть хорошенько. Ну же, Карл, живей, не

упусти хотя бы эту минуту, пока не ввалились свидетели и не нагородили бог весть чего.

Но капитан взмахом руки остановил Шубаля — тот, мигом смекнув, что с его делом решили повременить, тут же отступил в сторонку и завел тихую, но оживленную беседу с немедленно примкнувшим к нему слугой, в ходе коей беседы не обошлось без косых взглядов в сторону Карла и кочегара, равно как и без самой недвусмысленной жестикуляции. Похоже, Шубаль репетировал свою следующую, теперь уже большую речь.

— Вы о чем-то хотели спросить этого молодого человека, не так ли, господин Якоб? — во всеобщей тишине обратился капитан к господину с тросточкой.

— Совершенно верно, — отозвался тот, легким поклоном поблагодарив за внимание. И снова спросил у Карла: — Как все-таки вас зовут?

Карл, полагая, что в интересах главного дела лучше уж поскорее отвязаться от этого настырного господина с его вопросами, ответил коротко, не предъявляя, вопреки своему обыкновению, паспорта, за которым еще надо было лезть:

— Карл Росман.

— Позвольте, — вымолвил тот, кого величали господином Якобом, и со слабой улыбкой, как бы

не веря себе, слегка попятился. Странным образом и капитана, и главного кассира, и даже слугу имя Карла повергло в крайнее изумление. Лишь портовые чиновники и Шубаль не выказали по этому поводу никаких чувств.

— Позвольте, — повторил этот господин Якоб и медленным, как бы даже торжественным шагом направился к Карлу. — Но тогда, выходит, я твой дядя Якоб, а ты, значит, мой дорогой племянник! Я так и чувствовал, что это он! — сказал он капитану, прежде чем обнять и расцеловать Карла, который оторопело ему это позволил.

— А вас как зовут? — спросил Карл, когда его выпустили из объятий, спросил хоть и очень вежливо, но как-то отрешенно, силясь предугадать, какими последствиями это новое событие может обернуться для кочегара. Пока что непохоже, чтобы Шубаль на этом что-то мог выгадать.

— Да вы поймите, молодой человек, свое счастье! — воскликнул капитан, посчитав, вероятно, что вопрос Карла каким-то образом задевает достоинство столь важной особы, как господин Якоб, который тем временем отошел к окну и отвернулся, дабы не показывать остальным свое взволнованное лицо, вдобавок осушая его носовым платком. — Это же сенатор Эдвард Якоб, он

согласился признать себя вашим дядей. Теперь вас ждет, полагаю, вопреки всем вашим прежним ожиданиям, самая блестящая карьера. Попытайтесь же это осознать, насколько это вообще возможно в первые минуты, и соберитесь.

— Вообще-то у меня есть дядя в Америке, — сказал Карл, глядя на капитана. — Но, сколько я понял, Якоб — это ведь фамилия господина сенатора?

— Именно так, — подтвердил капитан, все еще не понимая, в чем дело.

— Ну вот, а моего дядю, брата моей матери, Якобом зовут по имени, а фамилия у него, конечно, должна быть та же, что у моей матери, урожденной Бендельмайер.

— Что, господа, каково! — воскликнул сенатор, бодро возвращаясь с места своей кратковременной передышки и, видимо, имея в виду заявление Карла.

Все, исключая портовых чиновников, дружно рассмеялись — одни с умилением, другие как-то неопределенно.

«Ничего такого особенно смешного я вроде бы не сказал», — подумал Карл.

— Господа! — вновь воскликнул сенатор. — Против воли — и моей, и вашей — вы стали

соучастниками небольшой семейной сцены, а посему считаю своим долгом дать вам необходимые разъяснения, поскольку, как я понимаю, лишь господин капитан — упоминание о капитане имело следствием взаимный поклон — осведомлен о деле полностью.

«Теперь надо и впрямь следить за каждым словом», — сказал себе Карл и несколько приободрился, краем глаза успев заметить, что кочегар начинает подавать слабые признаки жизни.

— Долгие годы моего пребывания в Америке, — впрочем, слово «пребывание» не слишком подобает американскому гражданину, а я всей душой американский гражданин, — так вот, все эти долгие годы я живу совершенно обособленно от моей европейской родни, по причинам, которые, во-первых, к делу не относятся, а во-вторых, рассказ о них увел бы нас слишком далеко. Я даже слегка побаиваюсь той минуты, когда вынужден буду поведать о них моему дорогому племяннику, и уж тогда, к сожалению, нам не избежать разговора начистоту и об его родителях, и об остальных сородичах.

«Да, несомненно, это мой дядя, — подумал Карл и стал слушать еще внимательней. — Должно быть, он изменил фамилию».

— Родители моего дорогого племянника, — давайте назовем вещи своими именами, — попросту решили от него избавиться, как избавляются от надоевшей кошки, вышвыривая ее за дверь. Этим я вовсе не хочу приукрасить проступок моего племянника, за который он был так жестоко наказан, — приукрашивать вообще не в обычаях американцев, — однако провинность его такого свойства, что одно лишь ее название содержит в себе достаточно поводов и причин ее простить.

«Говорит он, конечно, складно, — подумал Карл, — но я не хочу, чтобы он всем это рассказывал. Да и не может он всего знать. Как, откуда? Но погоди, вот посмотришь, он все знает лучше всех».

— Просто-напросто, — продолжал дядя, опершись на бамбуковую трость и слегка покачиваясь взад-вперед, чем ему и впрямь удалось лишить свой рассказ чрезмерной напыщенности, которая в противном случае была бы неизбежна, — просто-напросто его соблазнила служанка, Иоганна Бруммер, особа лет тридцати пяти. Говоря «соблазнила», я вовсе не хочу оскорбить чувства моего племянника, но, право же, более подходящее слово я просто затрудняюсь подобрать.

Карл, уже довольно близко подошедший к дяде,

в этом месте его рассказа резко обернулся, чтобы видеть лица присутствующих. Нет, никто не смеется, все слушают терпеливо и серьезно. Да и нельзя, в самом деле, смеяться над племянником сенатора при первом удобном случае. Скорее уж, пожалуй, кочегар, но и то едва заметно, улыбается Карлу, что, во-первых, отрадно само по себе как еще один признак жизни, а во-вторых, вполне простительно, поскольку в разговоре с ним Карл пытался покрыть эту историю завесой тайны, а теперь вот она оглашена во всеуслышанье.

— Так вот, эта самая Бруммер, — продолжил дядя, — забеременела от моего племянника и родила превосходного мальчика, окрестив его Якобом, несомненно, в честь вашего покорного слуги, который — даже по упоминаниям моего племянника, наверняка случайным и несущественным, — произвел на девушку большое впечатление. Добавлю от себя: по счастью. Ибо родители моего племянника во избежание уплаты алиментов и, видимо, прочих грозивших им скандальных неприятностей — придется подчеркнуть, что мне не слишком известны как тамошние законы, так и особые семейные обстоятельства, помню только два давних нищенских письма от родителей мальчика, которые я хоть

и оставил без ответа, но все время хранил, чем, кстати говоря, и исчерпывается вся наша, к тому же односторонняя переписка за все эти годы, — итак, поскольку родители во избежание уплаты алиментов и скандала попросту посадили своего сына, моего дорогого племянника, на корабль и отправили в Америку, снарядив его, как нетрудно заметить, для такого путешествия непростительно безответственно и скудно, то мальчик, брошенный на произвол судьбы, полагаю, затерялся бы и погиб в первом же портовом переулке Нью-Йорка, если бы не чудеса и счастливые совпадения, возможные только в Америке и больше нигде, и если бы не та служанка, ибо она в отправленном на мое имя письме, которое после долгих блужданий лишь вчера попало в мои руки, поведала всю эту историю, подробно указав в конце приметы моего племянника, а также — что было весьма предусмотрительно — и название корабля. Если бы мне вздумалось поразвлечь вас, господа, я не преминул бы зачитать избранные отрывки из этого послания. — Тут он вынул из кармана два огромных, убористо исписанных листа и помахал ими в воздухе. — Оно, несомненно, возымело бы успех, ибо написано с простоватой, но подкупающей хитростью и исполнено

неподдельной любви к отцу ее ребенка. Но я не хочу ни развлекать вас дольше, чем это надобно для необходимого разъяснения, ни, тем паче, особенно в первые минуты встречи, бередить, возможно, еще не угасшие чувства моего племянника, — он, если пожелает, сможет в назидание себе прочесть это письмо в тиши своей комнаты, которая его уже ждет.

Но у Карла не было никаких таких чувств к этой служанке. В суете и сумятице уходящих в безвозвратное прошлое дней она так и осталась где-то там, на кухне, где она сидела возле буфета, локтями опершись на его нижнюю тумбу. Она смотрела на Карла, когда он изредка заходил на кухню — отнести отцу стакан воды или по каким-то маминым поручениям. Иногда, примостившись в неловкой позе все у того же буфета, она сочиняла письмо и, поглядывая на Карла, казалось, черпала вдохновение в его лице. А часто просто сидела, прикрыв глаза рукой, и тогда обращаться к ней было совершенно бесполезно. Бывало, Карл мимоходом и не без испуга замечал в приоткрытую дверь, как она молится в своей каморке возле кухни, стоя на коленях перед деревянным распятием. В иные же дни она металась по кухне, как ведьма, и с жутким смехом отскаки-

вала, если Карл попадался ей на дороге. Или вдруг, стоило Карлу зайти на кухню, закрывала дверь и, прислонившись к ней спиной, до тех пор держала ручку, покуда Карл сам не потребует его пропустить. Порой зачем-то приносила Карлу какие-то безделушки, совершенно ему ненужные, и молча совала в руку. Но однажды она вдруг сказала: «Карл!» — и со странными вздохами и ужимками повела его, все еще изумленного столь неожиданным обращением, в свою каморку, дверь которой тут же заперла. Там она обхватила его за шею и стала душить в объятиях, зачем-то упрашивая Карла ее раздевать и при этом раздевая его, потом уложила в свою постель, словно решив отныне никому его не отдавать и нежить и лелеять его до скончания века. «Карл, о мой Карл!» — восклицала она, будто видит его впервые в жизни и хочет навсегда оставить в своем владении, в то время как он ровным счетом ничего не видел, ему было жарко и тесно под кучей подушек и одеял, которую она, похоже, заранее приготовила и теперь на него навалила. Потом она сама легла к нему и все допытывалась о каких-то тайнах, а он ничего не мог ей на это ответить, и она сердилась не то в шутку, не то всерьез, тормошила его, слушала его сердце, предлагала послушать свое, пытаясь

притянуть его голову к своей груди, но Карл так и не дал ей этого сделать, прижималась к его телу голым животом и до того отвратительно шарила у него между ногами, что Карл уже почти было выбрался из-под подушек, но тут она несколько раз как-то по-особенному ткнулась в него животом, Карл вдруг ощутил, что она как бы стала частью его самого, и может, именно поэтому его охватило чувство тоскливой беспомощности. Наконец, после ее многочисленных и пылких просьб о новых встречах, Карл, весь в слезах, ушел спать к себе в комнату. Вот как все было, но дядя даже из этого сумел сочинить целую историю. А служанка, значит, все-таки тоже о нем помнит и известила дядю о его приезде. Что ж, очень трогательно с ее стороны, за это, если надо, Карл, пожалуй, отблагодарил бы ее еще раз.

— А теперь, — воскликнул сенатор, — теперь я хочу, чтобы ты во всеуслышанье заявил, дядя я тебе или не дядя?

— Ты мой дядя, — сказал Карл, целуя ему руку, за что был удостоен поцелуя в лоб. — И я очень рад, что тебя встретил, но ты заблуждаешься, если думаешь, будто мои родители говорили о тебе только плохое. Но и помимо этого были в твоем рассказе кое-какие ошибки, то есть, я

хотел сказать, на деле не все обстояло так, как ты рассказываешь. Но отсюда, издалека, тебе и вправду трудно судить о наших делах, к тому же, я думаю, большой беды не будет, если господа с некоторыми неточностями узнают об истории, которая вряд ли их слишком волнует.

— Отлично сказано, — подхватил сенатор и, подведя Карла к капитану, который всем видом выказывал живейшее участие, спросил: — Ну, разве не молодчина у меня племянник?

— Я счастлив, господин сенатор, познакомиться с вашим племянником, — ответил капитан с поклоном, на какой способны лишь люди военной выучки. — Для моего корабля это особая честь — стать местом столь знаменательной встречи. Вот только путешествие на полупалубе прошло, должно быть, весьма скверно, ну да разве угадаешь, где кого везешь. Мы однажды даже первенца какого-то знатного венгерского магната — фамилию вот только забыл, и почему так получилось, тоже не помню — через весь океан на полупалубе везли. Я только потом, задним числом об этом узнал. Правда, мы делаем все, чтобы по мере возможности облегчить людям путешествие на полупалубе, по крайней мере гораздо больше, чем, скажем, американские компании, но пре-

вратить подобную поездку в удовольствие пока что выше наших сил.

— Да ничего мне не сделалось, — успокоил его Карл.

— Ему ничего не сделалось, — громко повторил сенатор со смехом.

— Вот только чемодан я, боюсь... — И тут Карл, вспомнив обо всем, что случилось и что еще предстоит сделать, оглянулся по сторонам и обнаружил, что все вокруг так до сих пор и стоят на своих прежних местах, онемев от изумления и почтительности и не сводя с него глаз. Лишь портовые чиновники, насколько можно было заключить по выражению их самодовольных, непроницаемых физиономий, видимо, сожалели о том, что пришли в столь неудачное время, — карманные часы, лежавшие перед ними на столе, были для них куда важней всего, что произошло и еще, возможно, могло произойти в этом зале.

Любопытно, что первым, кто после капитана выразил Карлу свое участие, оказался именно кочегар.

— От всей души вас поздравляю, — сказал он, тряся Карлу руку и желая, видимо, выказать таким образом свою признательность. Однако когда он с теми же словами потянулся было к

сенатору, тот отпрянул с таким видом, будто кочегар превысил все дозволенные ему права; кочегар, впрочем, тут же и отступился.

Зато остальные теперь-то уж сообразили, что делать, и вокруг Карла и сенатора незамедлительно поднялась суматоха. Вышло так, что Карл получил поздравления даже от Шубаля, принял их и поблагодарил. Последними, когда уже снова водворилось спокойствие, подошли портовые чиновники и сказали несколько слов по-английски, что произвело довольно комичное впечатление.

Сенатор, явно смакуя удовольствие, был расположен оживить в памяти, а заодно и донести до собравшихся даже мелкие, незначительные подробности, что, разумеется, было встречено не только с вежливым вниманием, но и с величайшим интересом. Так, он припомнил, что занес в свою записную книжку наиболее броские из упомянутых в письме служанки примет Карла, на тот случай, если понадобится воспользоваться ими на месте. И вот, пока кочегар нес свою невообразимую околесицу, он, сенатор, исключительно с одной только целью — отвлечься, достал эту самую книжицу и забавы ради попытался найти во внешности Карла хоть что-то общее с наблюдениями кухарки, наблюдениями, в плане

криминалистики, прямо скажем, не вполне совершенными.

— Вот так находят племянников! — заключил он таким тоном, будто не прочь еще раз получить поздравления.

— А что теперь будет с кочегаром? — спросил Карл, как бы пропустив мимо ушей этот дядин рассказ. Он полагал, что теперь, в новом положении, можно что думаешь, то и говорить.

— С кочегаром поступят, как он того заслуживает и как сочтет нужным господин капитан, — сухо ответил сенатор. — И вообще, по-моему, довольно с нас кочегара, сверх всякой меры довольно, в чем, смею полагать, каждый из присутствующих господ меня поддержит.

— Дело же не в этом, дело в справедливости, — возразил Карл. Он стоял как раз посередине между дядей и капитаном и, должно быть, благодаря такой расстановке полагал, что право решения в его руках.

Но кочегар уже ни на что больше не надеялся. Руки он засунул за ремень, который от его взволнованных движений давно вылез из-под куртки вместе с полоской узорчатой нательной рубашки. Его это ничуть не беспокоило, он высказал все, что наболело, теперь пусть поглядят на тряпье,

которым он прикрывает наготу, а там пусть хоть выносят. Он уже прикинул, что эту последнюю услугу ему, должно быть, окажут слуга и Шубаль как низшие здесь по рангу. Шубаль вздохнет наконец спокойно, никто не будет доводить его до отчаяния, как соизволил выразиться главный кассир. Капитан наймет одних румын, все начнут говорить по-румынски, глядишь, дело и впрямь пойдет замечательно. Никто не будет устраивать скандалы у главной кассы, а его последний скандал запомнится всем даже как событие весьма приятное, потому что оно, сенатор ведь ясно сказал, косвенно содействовало опознанию племянника. Этот племянник, кстати, действительно, и не один раз честно пытался ему помочь, так что загодя и более чем сполна отблагодарил его, кочегара, за это нечаянное содействие; у него, кочегара, и в мыслях нет ждать от парнишки чего-то еще. Да и вообще, пусть он и племянник сенатора, но до капитана ему далеко, а капитан рано или поздно еще скажет свое суровое слово. Соответственно этим своим рассуждениям кочегар, будь его воля, и не смотрел бы на Карла, но в этом зале, где сплошь одни враги, его взгляду, увы, больше не на ком было задержаться.

— Не суди опрометчиво, — сказал сенатор Кар-

лу. — Допускаю, что тут дело в справедливости, но еще и в дисциплине. И то, и, в особенности, другое здесь, на корабле, целиком в ведении господина капитана.

— Вот именно, — буркнул кочегар. Все, кто слышал и разобрал его реплику, отчужденно улыбнулись.

— Мы и без того отвлекли капитана от его служебных обязанностей, которых у него именно сейчас, по прибытии в Нью-Йорк, невероятно много, так что самое время нам с тобой покинуть корабль, а не обременять господина капитана еще и бесполезным вмешательством в мелкую свару двух машинистов, раздувая из нее бог весть какое событие. Впрочем, я вполне понимаю твои добрые побуждения, дорогой племянник, но именно это и дает мне право срочно тебя отсюда увести.

— Я немедленно распоряжусь спустить для вас шлюпку, — сказал капитан, к удивлению Карла, ничуть не возразив на слова дяди, которые, несомненно, отдавали притворным самоуничижением. Главный кассир опрометью кинулся к столу и по телефону передал приказ капитана боцману.

«Время не ждет, — размышлял Карл, — но я ни-

чего не могу поделать, не оскорбив при этом всех. Не могу же я бросить дядю, который и так еле меня нашел. Капитан, правда, вежлив, но не более того. Когда дело доходит до дисциплины, вся его вежливость кончается, тут дядя наверняка прав и высказал его сокровенные мысли. С Шубалем я говорить не хочу, даже досадно, что я подал ему руку. А все остальные здесь так, мелкая сошка».

Медленно, все еще в раздумье, он подошел к кочегару, вытянул его правую руку из-под ремня и так, на весу, задержал в своей.

— Почему же ты ничего не скажешь? — спросил он. — Почему позволяешь все это?

Кочегар только собрал в складки лоб, словно мучительно подыскивал то, что ему нужно сказать. Сам же смотрел вниз, на свою руку в руке Карла.

— Ты же пострадал от несправедливости, как никто на этом корабле, я точно знаю. — И Карл медленно пропустил и сплел свои пальцы с пальцами кочегара, который, подняв голову, смотрел на всех влажным взглядом, словно на него снизошло неизъяснимое блаженство и никто не вправе его за это осуждать.

— Но ты должен защищаться, говорить хотя бы «да» и «нет», иначе люди никогда не узнают

правды. Обещай мне, что так и сделаешь, потому что сам я, боюсь, по многим причинам уже ничем не смогу тебе помочь.

И тут, целуя кочегару руку, Карл, наконец, расплакался и прижал эту шершавую, почти безжизненную ладонь к своей щеке, словно расстается с самым дорогим, что у него есть на свете.

Однако к нему уже подоспел дядюшка-сенатор и хоть и ласково, но непреклонно тянул в сторону.

— Кочегар, видно, совсем тебя обворожил, — приговаривал он, через голову Карла многозначительно поглядывая на капитана. — Ну конечно, ты был совсем один, нашел своего кочегара, ты благодарен ему, все это, разумеется, весьма похвально. Но прошу, хотя бы ради меня, умерь свои чувства и учись помнить о своем положении.

За дверью неожиданно возник шум, послышались крики и даже удар о стенку, как будто кого-то с силой пихнули. Вошел матрос, порядком встрепанный и в женском переднике.

— Там люди! — выпалил он и дернул локтем, словно все еще от кого-то отбиваясь. Наконец пришел в себя, хотел отдать капитану честь, но тут заметил передник, сорвал его и в ярости

швырнул на пол. — Вот черт, они мне еще передник нацепили, — воскликнул он. И уже потом щелкнул каблуками и отдал честь.

Кто-то попробовал засмеяться, но капитан строго спросил:

— Это еще что за шуточки? Кто это там?

— Это мои свидетели, — сказал Шубаль, делая шаг вперед. — Покорнейше прошу извинить их неподобающее поведение. Но после плавания, в порту, люди иногда просто как с цепи срываются.

— Немедленно их сюда! — приказал капитан и, обернувшись к сенатору, любезно, но уже почти скороговоркой сказал: — А теперь, будьте добры, многоуважаемый господин сенатор, следуйте вместе с вашим господином племянником за этим матросом, он посадит вас в шлюпку. Излишне говорить, какое удовольствие и какая честь для меня лично познакомиться с вами, господин сенатор. Весьма надеюсь, что вскоре мне выпадет возможность снова встретиться с вами и продолжить нашу прерванную беседу о положении дел в американском флоте, если только нас опять не прервут столь же приятным образом, как сегодня.

— Пока что хватит с меня одного племянни-

ка! — со смехом ответил дядя. — Позвольте и мне поблагодарить вас за любезное гостеприимство и пожелать всего наилучшего. Кстати, отнюдь не исключено, что мы, — тут он нежно прижал к себе Карла, — во время следующей поездки в Европу сойдемся с вами покороче.

— Всей душой буду рад, — поклонился капитан.

Оба господина обменялись рукопожатиями, Карл же едва успел без слов протянуть капитану руку, ибо тот уже всецело переключился на новых посетителей, человек пятнадцать, которые во главе с Шубалем хоть и не без робости, но все равно с шумом заходили в кают-компанию. Матрос, испросив у сенатора разрешения идти первым, проложил им дорогу, так что они легко прошли сквозь коридор почтительно кланяющихся людей. Похоже, все эти в общем-то добродушные люди воспринимали спор Шубаля с кочегаром как уморительный спектакль, потешность которого не могло устранить даже присутствие капитана. Карл заметил среди них и кухарку Лину, которая, озорно ему подмигнув, повязывала сброшенный матросом передник, — значит, передник был ее.

Следуя за матросом, они вышли из кают-ком-

пании, свернули в боковой коридорчик, который вскоре привел их к узкой дверце, а уж за ней открылся и трап, спущенный к приготовленной для них шлюпке. Матросы в шлюпке, куда одним молодецким прыжком соскочил их провожатый, встали и отдали честь. Сенатор как раз предупреждал Карла спускаться осторожнее, когда тот, еще на верхней ступеньке, вдруг разрыдался. Ласково обхватив Карла за подбородок, сенатор прижал его к себе и другой рукой поглаживал, стараясь успокоить. Так, тесно обнявшись, они медленно, ступенька за ступенькой, спустились вниз и сошли в лодку, где сенатор заботливо усадил Карла напротив себя. По знаку сенатора матросы оттолкнулись и дружно налегли на весла. Не успели они отплыть и нескольких метров, как Карл неожиданно для себя обнаружил, что они оказались на той же стороне, куда выходят окна кают-компании. Ко всем трем окнам прильнули сейчас свидетели Шубаля, они радостно их приветствовали, махали на прощанье, так что даже дядя жестом их поблагодарил, а один из матросов вообще исхитрился, не бросая весел, все же послать им воздушный поцелуй. Словно и не было никогда никакого кочегара! Карл пристальней взглянул на дядю, который сидел

совсем близко, почти прикасаясь к нему коленями, и засомневался: сумеет ли этот человек хоть когда-нибудь заменить ему кочегара. К тому же дядя почему-то отводил глаза и смотрел на волны, весело плясавшие вокруг шлюпки.

Глава вторая
Дядя

В доме дяди Карл быстро освоился с непривычной обстановкой. Правда, и дядя охотно потакал ему во всякой мелочи, так что Карлу не пришлось ничему учиться на горьком опыте, который на первых порах так омрачает обычно жизнь эмигранта на чужбине.

Комната Карла находилась на шестом этаже большого здания, пять нижних этажей которого, да еще три подвальных занимала дядина фирма. Свет, приветливо лившийся в комнату через два окна и балконную дверь, всякий раз повергал Карла в веселое изумление, когда он по утрам выходил сюда из своей крохотной спальни. А где бы он ютился сейчас, сойди он на берег жалким, бедным эмигрантом? Да его вообще — дядя, насколько он был сведущ в законах об эмигрантах, считал это вполне вероятным, — вообще могли не впустить в Соединенные Штаты, а отправили бы обратно домой, ничуть не заботясь о том, что ему некуда возвращаться. Ибо на сострадание здесь рассчитывать не приходится, в этом отно-

шении все, что Карл читал об Америке, оказалось именно так; лишь счастливцы — зато уж в полной мере — наслаждались здесь своим счастьем в окружении беззаботных улыбок себе подобных.

Узкий балкон простирался по стене во всю длину комнаты. Но с этого балкона, который в родном городе Карла наверняка был бы самой высокой смотровой площадкой, здесь открывался вид, можно считать, лишь на одну улицу, что между двумя рядами буквально обрубленных поверху домов пролегала идеальной стрелой и именно потому как бы улетала и терялась вдали, где в самом конце сквозь тяжелое, сизое марево грозно дыбились мрачные контуры гигантского собора. И утром, и днем, и самой глубокой ночью вся улица жила суматошным, беспрерывным движением, которое, если смотреть сверху, представлялось копошащимся и ползущим во все стороны месивом из перекошенных, сплющенных человеческих фигурок и крыш автомашин и экипажей всех видов и форм, а от него поднималось ввысь другое, еще более многообразное и дикое месиво шумов, пыли и запахов, и все это было охвачено и пронизано нестерпимо ярким светом, который, отражаясь от плоскостей и дробясь на гранях, рассыпаясь и сливаясь вновь, был

ощутим обескураженным оком как нечто столь телесное, что казалось, будто над этой улицей, по всей ее площади, ежесекундно вдребезги разбивают огромный лист стекла.

Дядя, осторожный во всем, советовал Карлу до поры до времени ни за что всерьез не браться. Пусть сперва оглядится, присмотрится, но особенно увлекаться и вникать в подробности пока не стоит. Ведь первые дни европейца в Америке — все равно что второе рождение, и хотя обживаешься здесь куда скорей, чем при вступлении в наш мир из небытия, — так что слишком пугаться тоже не стоит, — надо все-таки иметь в виду, что первые впечатления всегда обманчивы, и нельзя допустить, чтобы они затронули или, не дай Бог, нарушили последующие, более устойчивые, с которыми Карлу предстоит здесь жить. Он, дядя, сам знавал некоторых новоприбывших, которые, к примеру, вместо того, чтобы следовать этому правилу, целыми днями простаивали на балконе, глазея на улицу, как бараны. А это кого угодно собьет с толку! Подобное безделье, в полном одиночестве взирающее с высоты на многотрудные нью-йоркские будни, пристало, а возможно, хотя тоже не без оговорок, даже полезно какому-нибудь праздному туристу, но

для всякого, кто решил здесь остаться, это просто порча, да, применительно к данному случаю можно спокойно употребить это слово, пусть оно и отдает некоторым преувеличением. Лицо дяди и вправду перекашивалось от досады, когда он, приходя к Карлу, — а такие визиты случались лишь раз в день, но всегда в самое разное время, — заставал того на балконе. Карл вскоре это заметил и впредь старался отказывать себе в этом удовольствии — по возможности.

Балкон, впрочем, был далеко не единственной его отрадой. В комнате у него стоял американский письменный стол лучшей марки, о каком годами мечтал отец, разыскивая его по всевозможным аукционам и надеясь приобрести по сколько-нибудь доступной цене, что при его скромных средствах так и не удалось. Разумеется, те якобы американские письменные столы, что самозванцами всплывают на европейских аукционах, с этим столом нечего было и сравнивать. У этого, к примеру, в надставке была целая сотня отделений, так что даже сам президент Соединенных Штатов нашел бы здесь полочку для каждой из своих государственных бумаг. Но, кроме того, сбоку имелся еще и регулятор, поворачивая рукоятку которого можно было менять и переставлять

отделения по своему усмотрению и вкусу. Тонкие боковые перегородки послушно накренялись и укладывались, превращаясь в дно или крышку новых отделений, одного поворота рукоятки было достаточно, чтобы вся конструкция преобразилась полностью, причем происходило все это, повинуясь малейшей прихоти руки, то медленно и плавно, то невероятно быстро. Хоть это было и новейшее изобретение, но оно живо напомнило Карлу ясли Христовы, какие дома, на родине, словно магнитом притягивали к себе детвору на всех рождественских базарах, и сам Карл тоже не раз в восторге замирал перед ними, завороженно следя, как вместе с оборотами ручки, которую крутил приставленный к этому делу старик, движется волшебная карусель рождественских чудес, вышагивают запинающейся, кукольной походкой три волхва, вспыхивает, проплывая в небе, огонек звезды, тихо вершится своя укромная жизнь в святом вертепе. И ему все казалось, что мама, стоявшая у него за спиной, смотрит не очень внимательно, он тянул ее за руку, пока не прижимался к ней совсем, и до тех пор с громким криком показывал ей всякие мелочи — какого-нибудь зайчонка, который, приближаясь, все больше вырастал из травы, а потом, поднявшись

столбиком и навострив ушки, стремительно убегал, — пока мама не прикрывала ему рот ладонью, очевидно, снова впадая в свою рассеянную задумчивость. Стол, понятно, не для того был предназначен, чтобы напоминать о подобных вещах, но в истории самого изобретения, наверное, все же была какая-то смутная связь с ними, как и в воспоминаниях Карла. Дядя в отличие от Карла новомодный стол решительно не одобрял, он-то хотел купить Карлу нормальный приличный письменный стол, однако с недавних пор все столы были снабжены таким вот новейшим устройством, которое — и в этом тоже заключалось одно из его преимуществ — за небольшую плату можно было вделывать и в столы старого образца. Хоть стол ему и не нравился, дядя все же не преминул посоветовать Карлу регулятором по возможности не пользоваться вовсе, а чтобы совет звучал весомей, не раз предупреждал, что вся эта механика чертовски капризна и легко ломается, ремонт же обходится непозволительно дорого. Нетрудно было заметить, что подобные рассуждения — всего лишь уловка, но, с другой стороны, отдавая дяде должное, надо признать, что регулятор ничего не стоило просто закрепить намертво, а он этого делать не стал.

В первые дни, когда Карл, понятно, чаще виделся и говорил с дядей, он среди прочего однажды упомянул, что у себя дома хоть и совсем немного, но с удовольствием играл на пианино, одолев, правда, только азы, которым его обучила мама. Карл, конечно же, прекрасно понимал, что подобный рассказ равносилен просьбе, но он уже достаточно огляделся, чтобы усвоить: дядя отнюдь не бедствует. Просьба, однако, была исполнена совсем не сразу, но все же примерно неделю спустя дядя тоном почти недобровольного согласия сообщил, что пианино доставлено и Карл, если желает, может проследить за транспортировкой инструмента в комнату. Это была, конечно, не бог весть какая трудная работа, впрочем, не намного легче самой транспортировки, поскольку в доме имелся специальный грузовой лифт, куда с лихвой вошел бы целый вагон мебели, — в этом-то лифте пианино и приплыло на шестой этаж к дверям комнаты Карла. Сам Карл тоже мог подняться в одном лифте с пианино и грузчиками, но, поскольку рядом пустовал пассажирский лифт, он поехал в пассажирском и с помощью рукоятки управления держался вровень с грузовым, сквозь стеклянные стенки неотрывно разглядывая прекрасный инструмент,

который теперь был его собственностью. Когда наконец пианино поставили в комнате и Карл взял первые аккорды, его обуял такой дурацкий восторг, что он, прекратив игру, на радостях даже подпрыгнул и, встав поодаль и уперев руки в боки, снова принялся рассматривать пианино со всех сторон. Да и акустика в комнате была отличная, благодаря чему чувство первоначального неуюта от жизни в стальном доме постепенно исчезло совсем. И в самом деле, сколь ни враждебно смотрелся поблескивающий металлом дом снаружи, внутри, в комнате, ничто не напоминало о его стальной сущности и ни одна даже самая незначительная мелочь обстановки не могла вспугнуть ощущение полнейшего покоя и удобства. В первое время Карл возлагал большие надежды на свою игру и даже не стеснялся, по крайней мере на сон грядущий, помечтать о благотворном непосредственном воздействии своей музыки на сумбурную американскую жизнь. Оно и впрямь звучало странно, когда Карл, настежь распахнув окна, наперекор волнам уличного шума играл старинную солдатскую песню своей родины, ту, которую по вечерам, вторя друг другу, распевали солдаты, свесившись из окон казармы и поглядывая на опустевший, темный плац, — но,

выглянув в окно, он убеждался, что улица все та же, всего лишь крохотная частица великой круговерти, которую невозможно остановить, не ведая всех таинственных сил, что гонят ее по кругу. Дядя терпел его игру безропотно, ни слова не говоря (тем более что и Карл, опасаясь упреков, не слишком часто позволял себе это удовольствие), — больше того, он как-то даже принес Карлу ноты американских маршей и, разумеется, национального гимна, однако только любовью к музыке вряд ли можно объяснить тот случай, когда он без всяких шуток спросил, не желает ли Карл обучаться еще игре на скрипке или валторне.

Естественно, первым и главным делом Карла был английский. Молодой преподаватель высшего коммерческого училища каждое утро появлялся в комнате Карла ровно в семь и неизменно заставал своего ученика либо за письменным столом над тетрадями, либо расхаживающим по комнате, зазубривая что-то наизусть. Карл прекрасно понимал, что в изучении английского любых успехов недостаточно, а кроме того, именно тут ему открывались самые благоприятные возможности чрезвычайно порадовать дядю незаурядными достижениями. И действительно,

если поначалу в разговорах с дядей весь английский ограничивался словами приветствия и прощанья, то теперь Карлу все чаще удавалось подолгу переходить в этих беседах на английский, что, кстати, способствовало все большей их задушевности. Первое американское стихотворение — что-то о пламенных страстях, — которое Карл однажды вечером продекламировал дяде, повергло того в состояние глубокой и умиротворенной задумчивости. Они оба стояли тогда у окна в комнате Карла, дядя смотрел вдаль, где с меркнущего неба уже смазались все светлые краски, и прочувствованно выбивал такт в ладоши, а Карл, стоя рядом навытяжку, с застывшим взглядом выдавливал из себя трудные стихи.

Чем приличней звучал английский Карла, тем с большим удовольствием дядя сводил его со своими знакомыми, распорядившись, впрочем, на всякий случай, чтобы английский преподаватель на этих встречах неизменно присутствовал и всегда держался от Карла поблизости. Самым первым, кому Карл был представлен, оказался стройный, невероятно гибкий молодой человек, которого дядя, буквально осыпая комплиментами, однажды перед обедом ввел к Карлу в комнату. Это был, очевидно, один из многих — по

мнению родителей, совершенно неудавшихся — миллионерских сынков, чей досуг протекал таким образом, что всякий нормальный человек без сердечной боли не смог бы проследить за жизнью этого юноши. А он, словно понимая это и чувствуя, стойко нес свое бремя, покуда достанет сил, с неизменной улыбкой счастья на устах и во взоре, даруя эту улыбку себе, собеседнику и вообще всему свету.

С этим молодым человеком, господином Маком, при безусловном и горячем одобрении дяди было тут же договорено каждое утро, в половине шестого, кататься верхом — либо в манеже, либо просто так, на природе. Карл сперва колебался, он в жизни не садился на лошадь и хотел сперва немного подучиться, но дядя и Мак так настойчиво его уговаривали, так дружно уверяли, что верховая езда — одно удовольствие и полезный спорт, а вовсе никакое не искусство, что он в конце концов согласился. Теперь, правда, ему приходилось подниматься уже в половине пятого, о чем он порой горько сожалел, так как здесь, в Америке, вследствие постоянной сосредоточенности, его то и дело клонило ко сну, однако в ванной комнате все сожаления вскоре улетучивались. Над чашей ванны во всю ее длину и ширину

протянулось мелкое сито душа, — у кого из его одноклассников, будь он даже богач из богачей, там, дома, могло быть хоть что-либо подобное, да еще на себя одного! — а Карл, пожалуйста, лежит, и даже руки в этой ванне может раскинуть, и по своему усмотрению, хочешь — по всей площади, хочешь — частями, низвергает на себя упругие потоки теплой, потом горячей, потом снова теплой, а под конец — обжигающе ледяной воды. Так он лежал, храня в проснувшемся теле уходящее блаженство недавнего сна, и особенно любил подставлять сомкнутые веки последним, отдельным каплям, которые ласково щекотали кожу, струйками стекая по лицу.

В манеже, куда Карла доставлял гордый, как крейсер, дядин лимузин, его уже дожидался английский преподаватель, тогда как Мак неизменно приходил чуть позже. Но он-то мог задерживаться сколько угодно, ибо настоящая, увлекательная езда все равно начиналась лишь с его приходом. Кто объяснит, почему, едва он входил, лошади стряхивали с себя прежнюю полудрему и начинали вставать на дыбы, почему щелк хлыста разносился теперь на весь зал, откуда на галерее, что опоясывала манеж, группами и поодиночке возникали люди — конюхи,

ученики, просто зрители и бог весть кто еще? Ну, а время до прихода Мака Карл тоже старался использовать, чтобы освоить хотя бы самые начальные азы верховой езды. Был там один жокей, до того длинный, что, лишь слегка приподняв руку, доставал до холки самой крупной лошади, вот он-то и давал Карлу первые уроки, продолжительность которых, впрочем, не превышала обычно и четверти часа. Надо сказать, что успехи Карла были здесь не слишком велики, и на протяжении занятий он не раз имел возможность попрактиковаться в жалобных английских восклицаниях, когда, задыхаясь, выкрикивал их своему английскому преподавателю, который, прислонившись всегда к одному и тому же дверному косяку, почти засыпал стоя. Но приходил Мак — и почти все тяготы верховой езды мигом кончались. Долговязого тут же куда-то отсылали, и вскоре в еще полутемном манеже исчезало все — только слышался стук копыт на галопе, только виднелась вскинутая рука Мака, отдающая Карлу команды. Полчаса этого удовольствия пролетало как сон — и все было кончено. Мак, всегда в страшной спешке, прощался с Карлом, иногда, если был особенно им доволен, трепал по щеке и исчезал, не находя времени даже на то, чтобы

вместе с Карлом дойти до двери. Карл сажал преподавателя в автомобиль, и они ехали домой на английский урок — как правило, кружными путями, ибо в сутолоке большой улицы, которая вообще-то вела напрямик от дядиного дома к манежу, терялось слишком много времени. Вскоре, впрочем, преподаватель перестал его сопровождать хотя бы сюда, — Карл, терзаясь угрызениями совести, что понапрасну таскает с собой в манеж замученного человека, тем более что общение с Маком было донельзя бесхитростным, попросил дядю избавить преподавателя от этой повинности. После некоторого раздумья дядя его просьбе уступил.

Прошло довольно много времени, прежде чем дядя согласился показать Карлу, да и то наспех, свою фирму, хотя Карл давно его об этом упрашивал. Это была своего рода торгово-посредническая и экспедиционная фирма, о каких Карл, сколько ни старался припомнить, в Европе вообще не слыхивал. Фирма хоть и занималась посреднической торговлей, но товар поставляла не от производителей к потребителям или торговцам, а осуществляла посредническое снабжение товарами и всеми видами сырья для крупных фабричных картелей и между ними.

Таким образом, в задачи фирмы входили закупка, складирование, продажа и доставка огромных партий различных товаров, а также поддержка бесперебойного и абсолютно точного телефонного и телеграфного сообщения с клиентами. Телеграфный зал был здесь не меньше, а, пожалуй, больше, чем телеграф в родном городе Карла, в служебные помещения которого он однажды проник стараниями вхожего туда одноклассника. В телефонном зале, куда ни глянь, ходуном ходили двери телефонных кабинок, и трезвон стоял умопомрачительный. Одну из этих дверей, самую ближнюю, дядя открыл: в залитой ярким электрическим светом кабине, безразличный к любым посторонним шумам за спиной, сидел стенографист, голова туго перехвачена стальной лентой, прижимавшей к ушам наушники. Правая рука, отяжелевшая и будто прикованная, покоилась на столике, и лишь пальцы, стиснувшие карандаш, дергались с нечеловеческой быстротой и ритмичностью. Изредка он бросал скупые, отрывистые реплики в переговорную трубку, и иногда казалось даже, что он порывается что-то возразить или переспросить поточнее, однако слова собеседника на другом конце провода вынуждали его, подавив в себе этот порыв, снова

опустить глаза и записывать. Он и не должен ничего говорить, тихо объяснил Карлу дядя, ибо то же самое сообщение одновременно с ним принимают еще два стенографиста, и все три текста потом тщательнейшим образом сверяются, так что ошибки и недоразумения почти исключены. Едва они вышли из кабины, в дверь тут же прошмыгнул практикант и сразу же выскочил со свежеисписанным листком очередного сообщения. По центру зала, на проходе, толчея была, как на улице. Люди сновали взад-вперед, никто не здоровался, приветствия здесь были упразднены, каждый применялся к побежке впереди идущего и смотрел либо в пол, как бы надеясь ускорить его продвижение под ногами, либо в свои бумаги, выхватывая оттуда, вероятно, лишь отдельные, прыгающие на бегу слова и цифры.

— Ты и вправду широко развернулся, — заметил Карл во время одной из таких вылазок на фирму, весь осмотр которой — даже если просто ненадолго заглядывать в каждый отдел — потребовал бы многих дней.

— И притом заметь, я сам все это поставил. Тридцать лет назад у меня была только маленькая контора возле порта, и если там в день отпускали пять ящиков, это считалось много и

я шел домой, пыжась от гордости. А сегодня мои склады — третьи в порту по вместимости, а в той конторе теперь столовая и подсобка пятьдесят шестой бригады моих грузчиков.

— Но ведь это почти чудо, — изумился Карл.

— А тут все быстро делается, — сказал дядя, обрывая разговор.

Однажды дядя зашел к нему перед самым обедом, который Карл, как обычно, думал проглотить в скучном одиночестве, велел ему немедленно надеть черный костюм и идти обедать к нему: он пригласил двух своих приятелей и компаньонов. Пока Карл переодевался в соседней комнате, дядя присел за письменный стол и, просмотрев только что законченное задание по английскому, хлопнул ладонью по столу и громко воскликнул:

— И впрямь отлично!

После такой похвалы и переодевание пошло у Карла быстрей, но он в самом деле был уже довольно спокоен за свой английский.

В дядиной столовой, которую Карл запомнил еще с первого вечера своего приезда, навстречу поднялись два высоких, весьма упитанных господина, один — некто Грин, второй — некто Полландер, как выяснилось в ходе дальнейшей застольной беседы. Ведь дядя, как правило, даже

вскользь не говорил с Карлом о своих знакомых, предоставляя племяннику самому во всем разбираться и извлекать для себя все необходимое и интересное. После того как непосредственно за едой были доверительно обсуждены сугубо деловые вопросы, что с успехом заменило Карлу обстоятельную лекцию по английским коммерческим выражениям, — самого Карла в это время не замечали вовсе, предоставив ему тихо заниматься своей едой, будто на дитя малое, которого первым делом следует хорошо накормить, — господин Грин, весь подавшись вперед и явно стараясь как можно разборчивей выговаривать родные английские слова, задал Карлу простейший вопрос о его первых американских впечатлениях. В наступившей тишине, искоса поглядывая на дядю, Карл ответил довольно подробно, постаравшись, дабы сделать собеседнику приятное, окрасить свою речь нью-йоркскими словечками. Одно из таких его выражений было встречено дружным смехом, Карл даже испугался, уж не сделал ли ошибку, но нет, как тут же заверил его господин Полландер, он, напротив, высказался весьма удачно. Этот господин Полландер, похоже, вообще проникся к Карлу особым расположением, и, покуда дядя с господином

Грином снова углубились в разговор о делах, он, жестом пригласив Карла перебраться вместе с креслом к нему поближе, сперва расспрашивал о всякой всячине, поинтересовавшись его именем, происхождением, подробностями его путешествия, а потом, чтобы дать наконец Карлу передышку, смеясь и покашливая, скороговоркой рассказал о себе и своей дочери, с которой они живут на небольшой вилле неподалеку от Нью-Йорка, где он-то, правда, бывает только по вечерам, поскольку он банкир, а это ремесло целыми днями держит его в городе. Карл, кстати, тут же был весьма сердечно приглашен на эту виллу выбраться, ведь он, новоиспеченный американец, наверняка испытывает потребность иногда отдохнуть от Нью-Йорка. Карл, не откладывая, спросил у дяди, разрешит ли тот принять столь любезное приглашение, на что дядя ответил вежливым и вроде бы даже радостным согласием, не оговорив, однако, против ожиданий Карла и господина Полландера, точных сроков поездки и, похоже, даже не думая их намечать.

Однако уже назавтра Карл был срочно вызван в дядин кабинет — у него в одном только этом доме было десять разных кабинетов, — где застал дядю и господина Полландера, с довольно замкнутым

видом возлежащими в креслах.

— Господин Полландер, — проговорил дядя, лица которого в вечернем сумраке было почти не видно, — приехал забрать тебя к себе на виллу, как мы вчера договорились.

— Я не знал, что это уже сегодня, — ответил Карл. — Если б знал, я бы собрался.

— Если ты не собрался, может, стоит отложить визит на другой раз? — рассудил дядя.

— Какие там сборы! — вскричал господин Полландер. — Молодой человек всегда должен быть в боевой готовности!

— Дело не в нем, — возразил дядя, поворачиваясь к своему гостю. — Но ему пришлось бы подниматься к себе в комнату, а это вас задержит.

— Ничего, и на это времени хватит, — заверил господин Полландер. — Я предвидел заминку и пораньше покончил с делами.

— Видишь, сколько хлопот уже причиняет твой визит, — укоризненно сказал дядя.

— Мне очень жаль, — смущенно пробормотал Карл. — Но я в два счета. — И уже собрался умчаться.

— Да не торопитесь вы так, — успокоил его господин Полландер. — Ни малейших хлопот

вы мне не причинили, напротив, ваш визит для меня большая радость.

— Но ты пропускаешь завтра манеж, надеюсь, ты отменил занятия?

— Нет, — признался Карл. Эта поездка, которой он так обрадовался, уже начинала его тяготить. — Я же не знал.

— Однако все равно хочешь ехать? — не унимался дядя.

Но господин Полландер, этот милейший человек, и тут пришел ему на выручку:

— Мы по дороге заедем в манеж и все уладим.

— Что ж, это еще куда ни шло, — уступил дядя. — Но Мак тебя будет ждать.

— Ждать он меня не будет, — ответил Карл, — но прийти придет.

— Ну и? — проговорил дядя таким тоном, словно ответ Карла ни в коей мере не являлся оправданием.

Но и тут последнее слово осталось за господином Полландером.

— Но ведь Клара (это была дочь господина Полландера) тоже его ждет, причем уже сегодня вечером, и, видимо, имеет право на предпочтение?

— Безусловно, — неохотно согласился дядя. —

Ну что ж, беги к себе в комнату, — сказал он и несколько раз как бы в рассеянности пристукнул ладонью по подлокотнику кресла.

Карл был уже в дверях, когда дядя остановил его еще одним вопросом:

— Но на английский урок завтра утром ты, надеюсь, явишься?

— Но позвольте! — в изумлении воскликнул господин Полландер, тщетно пытаясь повернуться в кресле всем своим грузным телом. — Неужели ему нельзя провести у нас хотя бы завтрашний день? А послезавтра к утру я привез бы его обратно.

— Ни в коем случае, — отрезал дядя. — Я не могу до такой степени запускать его занятия. Позднее, когда он начнет жить размеренной трудовой жизнью, я с удовольствием разрешу ему воспользоваться столь любезным и лестным приглашением даже на более длительный срок.

«Что у них за споры?» — недоумевал Карл.

Господин Полландер заметно погрустнел.

— На один вечер и одну ночь, пожалуй, и впрямь не стоит.

— Вот и я так полагал, — сухо заметил дядя.

— Надо брать, что дают, — решил вдруг господин Полландер и снова рассмеялся. — Итак, я

жду! — крикнул он Карлу, который, благо дядя ни слова больше не проронил, стремглав бросился наверх.

Когда Карл, готовый к отъезду, вскоре вернулся в кабинет, он застал там только господина Полландера, а дяди уже не было. Господин Полландер, сияя от счастья, схватил Карла за обе руки и начал трясти, словно изо всех сил хотел увериться, что Карл и вправду с ним едет. Карл, еще разгоряченный от спешки, ответил ему тем же, так он был рад, что его все-таки отпустили.

— Дядя не очень сердился, что я еду?

— Да нет же! Это он так, больше для виду. Просто он слишком близко к сердцу принимает ваше воспитание.

— Это он вам сам так сказал, что сердится больше для виду?

— Ну, конечно, — протянул господин Полландер, доказав тем самым, что врать он умеет плохо.

— Странно, что он так неохотно меня отпустил, ведь вы его друг.

Господин Полландер, хоть и не признавался в открытую, тоже не находил объяснения этой странности, и оба они, плавно катя в автомобиле господина Полландера сквозь теплый вечер,

еще долго об этом раздумывали, беседуя, правда, совершенно о другом.

Они сидели тесно, бок о бок, и господин Полландер, рассказывая, держал руку Карла в своей. Карл хотел побольше услышать о барышне Кларе, словно ему не терпелось поскорее приехать и рассказы господина Полландера способны домчать их до цели быстрее, чем его автомобиль. И хотя он ни разу еще не ездил по вечерним нью-йоркским улицам, а вокруг, по тротуарам и мостовым, ежесекундно меняя направление, как под порывами штормового ветра, волнами раскатывался многоголосый шум, производимый, казалось, не людьми, а какой-то чуждой стихией, Карл словно ничего этого и не замечал, стараясь не пропустить ни одного слова господина Полландера и не сводя глаз с его темной жилетки, на которой, тяжело опадая, покоилась золотая цепочка. С улиц, где оголтелая публика в паническом страхе опоздать, летящей припрыжкой и в машинах, выскакивая из них чуть ли не на ходу, устремлялась к толкучке театральных подъездов, они выбрались в районы потише, потом на окраины и, наконец, в предместья, где их автомобиль то и дело начали останавливать и сворачивать в переулки конные полицейские, поскольку все главные улицы, как

оказалось, заняты демонстрацией бастующих металлистов и открыты лишь для поперечного проезда на нескольких перекрестках, да и то в случае крайней необходимости. Когда потом, выныривая из темноты узких, глухим рокотом отзывающихся переулков, автомобиль пересекал какую-нибудь из этих улиц, шириною с целую площадь, по обе стороны в безнадежных, нескончаемых перспективах взгляду открывались тротуары с протянувшимися по ним черными вереницами людей, которые медленно, мелкими шажками куда-то двигались, а всю улицу заполняло их пение, более слитное, чем голос одного человека. На расчищенной от толпы проезжей части кое-где можно было заметить то полицейского на неподвижно застывшем коне, то людей с флагами или протянутыми через всю улицу транспарантами, то какого-нибудь рабочего вожака в окружении соратников и ординарцев, то вагон электрического трамвая, который недостаточно шустро убегал от демонстрации и вот теперь, настигнутый, стоял с темными, пустыми окнами, а водитель и кондуктор коротали время, усевшись на подножке. Горстки зевак, глазея на демонстрантов, держались от них подальше, но с места не двигались, хоть и не знали толком, что

тут, собственно, происходит. Карл, безмятежно откинувшись на руку господина Полландера, обнявшего его за плечи, тоже ни о чем таком не помышлял, счастливая уверенность, что скоро он будет желанным гостем в уютном, освещенном доме, под защитой надежных стен, под охраной сторожевых псов, наполняла его душу блаженным покоем, и хоть из-за подступающей сонливости он уже не все речи господина Полландера воспринимал отчетливо или по крайней мере без пропусков, однако время от времени он встряхивался и протирал глаза, желая еще раз ненадолго убедиться, что господин Полландер его сонливости не замечает, ибо уж этого-то Карл любой ценой хотел избежать.

Глава третья
Особняк под Нью-Йорком

— Вот и приехали, — раздался голос господина Полландера как раз в один из таких упущенных Карлом промежутков.

Автомобиль стоял у ворот особняка, который, на манер всех загородных вилл нью-йоркских богачей, был куда выше и внушительней, чем это необходимо для загородного дома на одну семью. Поскольку светились лишь нижние окна здания, невозможно было даже приблизительно оценить высоту его укутанных тьмой очертаний. За решеткой ограды шелестели каштаны, меж которыми — калитка была уже распахнута — пролегала прямая дорожка к сбегающей навстречу парадной лестнице. По тому, как затекло все тело, Карл рассудил, что ехали они все-таки довольно долго. Во мраке каштановой аллеи девичий голос неожиданно близко произнес:

— А вот наконец и господин Якоб!

— Моя фамилия Росман, — ответил Карл, беря протянутую ему руку девушки, чей силуэт он только теперь угадал в темноте.

— Он же только племянник Якоба, — пояснил господин Полландер. — А зовут его Карл Росман.

— Это нисколько не умаляет нашу радость его здесь видеть, — сказала девушка, видимо, вообще не придавая именам особого значения.

Тем не менее Карл, направляясь между девушкой и господином Полландером к дому, на всякий случай спросил:

— А вы, сударыня, наверно, и есть Клара?

— Да, — ответила она, повернув к нему теперь уже различимое в свете окон лицо. — Просто я не хотела в темноте представляться.

«Что же, она так и ждала нас у калитки?» — успел удивиться Карл, на ходу постепенно просыпаясь.

— У нас, кстати, сегодня еще один гость, — сообщила Клара.

— Быть не может! — воскликнул господин Полландер с досадой.

— Господин Грин, — добавила она.

— А когда он приехал? — спросил Карл, словно осененный каким-то неясным предчувствием.

— Да прямо перед вами. Я думала, вы слышали его машину.

Карл взглянул на господина Полландера, стараясь понять, как он расценивает этот визит, но

тот, держа руки в карманах, только чуть грузнее затопал по дорожке.

— Никакого толку жить просто под Нью-Йорком, покоя все равно не дадут. Нет, надо переезжать еще дальше. Пусть я хоть полночи буду домой добираться.

У лестницы они остановились.

— Но господин Грин давно у нас не был, — робко заметила Клара, очевидно, полностью согласная с отцом, но желая как-то его успокоить.

— Да, но кто его просил приезжать именно сегодня! — воскликнул господин Полландер, и казалось, речь его яростно слетает прямо с толстой нижней губы, которая мясистым розовым валиком так и запрыгала над подбородком.

— Это уж точно, — согласилась Клара.

— Может, он скоро уедет? — предположил Карл, сам удивляясь, как быстро оказался заодно с этими еще вчера совершенно чужими людьми.

— О нет, — сказала Клара, — у него к папе какое-то серьезное дело, и разговор, наверное, будет долгий, он уже в шутку грозился, что, если я хочу прослыть вежливой хозяйкой, мне придется сидеть с ними до утра.

— Этого еще не хватало! Значит, он останется на ночь, — простонал Полландер, как будто

теперь наконец сбылись самые худшие его предположения. — По правде говоря, — продолжил он, и от этой новой мысли лицо его сразу просветлело, — по правде говоря, лучше уж мне, господин Росман, сразу усадить вас в автомобиль и отвезти обратно к дяде. Сегодняшний вечер, можно считать, заведомо пропал, а кто знает, когда ваш дядя снова вас к нам отпустит. Если же я вас сегодня привезу, он в следующий раз не сможет нам отказать.

И он уже подхватил было Карла под руку, намереваясь осуществить свой замысел. Но Карл не тронулся с места, да и Клара стала просить его оставить, по крайней мере ей и Карлу господин Грин нисколько не помешает, так что и сам Полландер мало-помалу начал колебаться в своем намерении. А кроме того — и это, видимо, решило дело, — с верхней площадки парадной лестницы внезапно раздался зычный голос господина Грина, взывающий во тьму сада:

— Эй, где вы там?

— Пошли! — сказал Полландер и шагнул на лестницу.

Следом за ним двинулись Карл и Клара, осторожно присматриваясь друг к другу в наплывающем свете.

«Какие у нее губы алые», — мелькнуло у Карла, и, вспомнив о губах господина Полландера, он подивился, как прекрасно преображены они на лице его дочери.

— Когда отужинаем, — так она выразилась, — мы с вами, если не возражаете, сразу пойдем в мою комнату, чтобы хоть нам избавиться от этого господина Грина, раз уж папе все равно с ним заниматься. И вы не откажете в любезности немножко мне поиграть, папа мне уже рассказал, как замечательно вы это умеете. А я, к сожалению, к занятиям музыкой совсем не способна и к своему пианино не притрагиваюсь, хотя вообще-то музыку ужасно люблю.

Такое предложение, конечно, пришлось Карлу по душе, хоть он был бы и не прочь завлечь в их общество еще и господина Полландера. Однако при виде гигантской фигуры Грина — к размерам Полландера Карл уже как-то попривык, — которая вырастала на глазах по мере того, как они поднимались по лестнице, всякая надежда каким-либо образом вызволить сегодня господина Полландера из лап этого великана оставила Карла напрочь.

Господин Грин встретил их очень деловито, словно многое предстояло наверстать, сразу

взял господина Полландера под руку и, слегка подталкивая перед собой Карла и Клару, увлек всех в столовую, которая — особенно благодаря цветам на столе, клонившим стебли из всплеска свежей, остролистой зелени, — выглядела очень нарядно и вдвойне заставляла сожалеть о назойливом присутствии господина Грина. Не успел Карл, стоя у стола и дожидаясь, пока сядут остальные, порадоваться тому, что большая дверь в сад обеими своими створками распахнута настежь и в комнате, словно в садовой беседке, веет свежестью и благоуханием, как господин Грин, пыхтя, принялся ее закрывать, нагнулся к нижней щеколде, потянулся к верхней, и все это с такой юношеской резвостью, что подоспевший было слуга остался совершенно не у дел. Первыми словами господина Грина за столом были слова удивления по поводу того, что Карл получил добро дяди на этот визит. Отправляя в рот одну ложку супа за другой, он объяснял, обращаясь то направо к Кларе, то налево к господину Полландеру, почему его это так удивляет, и как дядя над Карлом трясется, и сколь вообще велика любовь дяди к Карлу, — мол, не всякий родитель питает к своему чаду столь же пылкие чувства.

«Мало того, что он сюда без спросу заявился, так

он еще лезет в мои отношения с дядей!» — возмутился Карл и не мог больше проглотить ни ложки ароматного, мерцающего золотистыми глазками супа. Но потом, не желая показывать, как неприятен ему весь этот разговор, все-таки снова начал есть, молча заглатывая ложку за ложкой. Ужин тянулся мучительно, как пытка. Только господин Грин и еще, быть может, Клара были оживлены и иногда находили случай немного посмеяться. Господин Полландер лишь изредка вступал в беседу, когда господин Грин заводил разговор о делах. Но он и от таких разговоров как-то быстро отключался, пока господин Грин спустя некоторое время не застигал его врасплох очередным вопросом. Вообще же Грин как-то особенно напирал на то, — именно в этом месте Клара напомнила Карлу, который внимательно и встревоженно прислушивался, что он все-таки за ужином и у него стынет жаркое, — что он вовсе не намеревался наносить сегодня этот неожиданный визит. Потому что дело, о котором речь еще впереди, хоть и вправду весьма срочное, однако в общих чертах его можно было обсудить сегодня в городе, а уж всякие мелочи отложить до завтра или вообще на потом. Он и вправду еще задолго до закрытия зашел к господину Полландеру в

банк, однако его уже не застал, вот и пришлось звонить домой, предупреждать, что ночевать он не будет, и ехать сюда.

— В таком случае я должен попросить извинения, — громко произнес Карл, прежде чем кто-либо успел хоть слово сказать. — Это из-за меня господин Полландер сегодня раньше ушел из банка, о чем я весьма сожалею.

Господин Полландер поспешил прикрыть лицо салфеткой, а Клара хоть и улыбнулась Карлу, но не сочувственно, а скорее как бы пытаясь его одернуть.

— Да какие там извинения, — возразил господин Грин, уверенными, точными движениями разделывая жареного голубя у себя на тарелке. — Совсем напротив, я очень рад провести вечер в столь приятном обществе, чем ужинать в одиночестве дома под присмотром моей старухи экономки, которая настолько одряхлела, что с превеликим трудом доходит от двери до моего стола и я успеваю неплохо отдохнуть в своем кресле, наблюдая за этим ее путешествием. Лишь недавно мне удалось добиться, чтобы из кухни до дверей столовой блюда доставлял слуга, ну а уже проход от двери до стола она, как я понимаю, никому не уступит.

— Господи, — воскликнула Клара, — вот это верность!

— Да, не перевелась еще верность на свете, — изрек господин Грин, отправляя в рот очередной кусок, где его, как ненароком заметил Карл, с жадностью подхватил розовый, влажный и сильный язык.

Карлу едва не сделалось дурно, и он встал. В ту же секунду господин Полландер и Клара с двух сторон схватили его за руки.

— Что вы, что вы, сидите, — всполошилась Клара. А когда он сел, шепнула: — Скоро мы вместе сбежим. Наберитесь терпения.

Господин Грин между тем преспокойно продолжал есть, словно это самое обычное для господина Полландера и Клары дело — успокаивать Карла, если тому чуть не стало дурно по его милости.

Трапеза особенно затянулась из-за обстоятельности, с которой господин Грин воздавал должное каждому новому блюду, сохраняя, впрочем, недюжинные силы и энтузиазм для последующих, — похоже, он и впрямь вознамерился как следует отдохнуть от забот своей старушки экономки. Он то и дело принимался хвалить искусницу Клару, которая так замечательно ведет хозяйство, и той это явно льстило, тогда как Карлу казалось,

будто Грин на нее посягает, и все время хотелось его осадить. Но господин Грин одной Кларой не довольствовался, не поднимая глаз от тарелки, он частенько сожалел о столь очевидном отсутствии аппетита у Карла. Господин Полландер даже взял Карла под защиту, хотя ему-то как гостеприимному хозяину, наоборот, полагалось бы Карла потчевать. Ощущая в течение всего ужина странную подавленность, Карл до того разнервничался, что, при всей своей расположенности к господину Полландеру, и вправду истолковал это заступничество как нелюбезность. Ничего удивительного, что при таком своем состоянии он то вдруг принимался есть неприлично быстро и много, то снова замирал, устало опустив нож и вилку, впадая в столь отрешенное оцепенение, что подающий блюда слуга не знал, с какой стороны к нему подступиться.

— Завтра же расскажу господину сенатору, как вы огорчили бедняжку Клару своим неважным аппетитом, — пообещал господин Грин, соизволив подчеркнуть шутливость этих слов лишь тем, как он расправляется с бифштексом. — Вы только посмотрите на девочку, она же просто в отчаянии, — продолжил он, беря Клару за подбородок. Та не противилась, только закрыла глаза. — Ах

ты, куколка моя! — воскликнул он и расхохотался, багровея сытым, наевшимся лицом.

Тщетно силился Карл понять необъяснимое поведение господина Полландера. Потупившись над тарелкой, тот не поднимает глаз, будто именно там, в тарелке, происходит все самое интересное. Он не придвинет стул Карла к себе поближе, а если что и говорит, то обращается ко всем сразу, лично же с Карлом ему вроде и не о чем побеседовать. Он, напротив, терпеливо сносит выходки Грина, этого старого прожженного нью-йоркского холостяка, который с недвусмысленными намерениями трогает его дочь, оскорбляет Карла, его гостя, или по меньшей мере обходится с ним как с ребенком, и вообще одному Богу известно, для каких таких дел он тут подкрепляется и что замышляет.

По окончании трапезы — Грин, почувствовав наконец общее настроение, встал первым и тем как бы подал команду остальным — Карл в одиночестве отошел в сторонку, к одному из больших, с узкими белыми продольными рейками окон, что вело на террасу и оказалось при ближайшем рассмотрении даже не окном, а дверью. Куда подевалась былая неприязнь, которую господин Полландер и Клара поначалу вроде бы

испытывали к Грину и которую он, Карл, счел сперва даже несколько непонятной? Теперь же они стоят возле этого Грина и только кивают. Дым от сигары господина Грина, которой угостил его Полландер, — сигары такой толщины, что, наверное, именно о таких иногда рассказывал дома отец как о диковине, которую он своими глазами в жизни не видывал, — расползался по зале и как бы разносил присутствие Грина даже в такие уголки и ниши, куда сам он ни за что не смог бы протиснуться. Как ни далеко стоял Карл, но все равно он чувствовал этот дым и у него щипало в носу, а все поведение господина Грина, на которого он отсюда лишь разок мельком оглянулся, представлялось ему просто беспардонным. Теперь он уже не исключал мысль, что дядя потому только так упорно пытался возбранить ему эту поездку, что, зная слабохарактерность господина Полландера, если не в точности предвидел, то уж наверняка допускал, что Карла каким-то образом могут в этом доме обидеть. Да и американская девица тоже ему не нравилась, хоть внешностью, надо признать, почти не обманула его ожиданий. А с тех пор, как Грин стал за ней увиваться, Карл даже поражался красоте, на которую, оказывается, способно ее лицо, в

особенности же неукротимому блеску ее буйных, стреляющих глаз. И юбок вроде этой, чтобы так обтягивали тело, он отродясь не видывал, — вон как подернулась мелкими тугими складочками тонкая прочная желтоватая ткань. Но все равно Карлу она безразлична, и чем тащиться с ней в ее комнату, он, будь его воля, с радостью распахнул бы дверь, за ручку которой он сейчас на всякий случай обеими руками держался, и сел бы в машину или, если шофер уже спит, отправился бы до Нью-Йорка один, хоть пешком. Ясная ночь приветливым светом луны манила на свои просторы, и страшиться чего-либо там, на воле, казалось Карлу совсем уж глупым. Он вообразил — и впервые в этих стенах у него стало веселей на душе, — как поутру, раньше-то он вряд ли доберется, он ошеломит дядю своим возвращением. Он, правда, еще ни разу не был в дядиной спальне и даже не знает, где она находится, но уж как-нибудь отыщет. Он постучится в дверь и в ответ на сухое «войдите» вихрем ворвется в комнату и застигнет своего милого дядю, которого и видел-то прежде всегда только при костюме, только застегнутым на все пуговицы, врасплох — на кровати, в ночной рубашке, с изумлением взирающим на дверь. Само по себе это, конечно,

не бог весть какое событие, но, если подумать, сколько же всего оно может за собой повлечь! Быть может, они впервые вместе с дядей позавтракают, дядя еще в постели, Карл рядом в кресле, а завтрак между ними на маленьком столике; быть может, такой совместный завтрак войдет у них в обыкновение, и, быть может, благодаря таким вот завтракам — да, пожалуй, это почти неизбежно, — они станут видеться чаще, чем всего раз в день, как было прежде, и, разумеется, научатся проще, откровеннее, задушевней говорить друг с другом. Если он сегодня и был с дядей несколько непослушен, чтобы не сказать упрям, так ведь это только от недостатка откровенности! И даже если сегодня ему придется остаться здесь на ночь — к сожалению, все, похоже, к тому и клонится, хоть его и бросили тут у окна одного, предоставив самому развлекать себя как угодно, — быть может, злосчастный этот визит повернет к лучшему их с дядей отношения, и, как знать, возможно, дядя сейчас у себя в спальне обдумывает такие же мысли?

Слегка утешив себя, он обернулся. Перед ним стояла Клара.

— Вам совсем у нас не нравится? — спросила она. — И совсем не хочется почувствовать себя

как дома? Пойдемте, я попытаюсь в последний раз.

Через всю залу она повела его к дверям. В сторонке за столиком сидели Грин и Полландер, перед каждым в высоком бокале пенился какой-то неизвестный Карлу напиток, которого и он, кстати, не отказался бы попробовать. Господин Грин, облокотившись на столик и весь подавшись вперед, склонил лицо к господину Полландеру и что-то ему нашептывал; если не знать господина Полландера, впору было подумать, что они не сделку обсуждают, а задумали какое-то злодейство. И если господин Полландер дружеским взглядом проводил Карла до самой двери, то Грин, напротив, даже не подумал оглянуться, хотя это только естественно — проследить за взглядом собеседника, из чего Карл заключил, что Грин всем своим поведением как бы дает ему понять: либо ты, либо я, пусть каждый бьется за себя, а уж необходимые светские условности будут восстановлены только после победы одного и полного уничтожения другого.

«Если он так думает, — решил про себя Карл, — то он совсем дурак. Мне до него и дела нет, пусть и он оставит меня в покое». Едва оказавшись в коридоре, он успел подумать, что, наверное, повел

себя невежливо, ибо так завороженно озирался на Грина, что Кларе чуть ли не силой пришлось вытаскивать его из комнаты. Тем охотнее пошел он теперь рядом с ней. Они шли по коридорам, и сперва Карл просто не поверил своим глазам, когда через каждые двадцать шагов им попадался замерший у стены слуга в богатой ливрее и с подсвечником, который он обеими руками держал на весу за массивное основание.

— Электричество провели пока только в столовую, — объяснила Клара. — Мы этот дом недавно купили и целиком перестраиваем, насколько вообще можно перестроить старый дом, да еще с такой прихотливой архитектурой.

— Значит, и в Америке уже есть старые дома, — заметил Карл.

— Конечно, — рассмеялась Клара, увлекая его дальше. — Странные у вас, однако, представления об Америке.

— Нечего надо мной смеяться, — сказал он сердито. В конце концов, он-то уже видел и Европу, и Америку, а она только Америку.

По пути, слегка протянув руку, Клара распахнула одну из дверей и, не останавливаясь, сообщила:

— Здесь вы будете спать.

Карлу, разумеется, захотелось туда заглянуть, но Клара раздраженно, почти срываясь на крик, заявила, что с этим успеется, а пока что пусть идет за ней. Карл заупрямился, они немного потягались у двери, но в конце концов Карл решил, что негоже ему во всем потакать девчонке, вырвал руку и вошел в комнату. Внезапно обступивший его мрак понемногу рассеялся лишь у окна, где мерно и тяжело покачивало всею кроной старое дерево. Слышалось пение птиц. В самой комнате, куда лунный свет еще не добрался, было трудно что-либо различить. Карл пожалел, что не взял с собой электрический карманный фонарик — подарок дяди.

В таком доме фонарик просто необходим, несколько фонариков — и можно спокойно отправить прислугу спать. Он сел на подоконник и, вглядываясь во тьму, прислушался. Вспугнутая птица спросонок забилась в листве могучего дерева. Далеко разнесся по округе гудок нью-йоркского пригородного поезда. И снова упала тишина.

Но ненадолго — в комнату нервно вошла Клара.

— Что все это значит?! — крикнула она с нескрываемой злостью и от ярости даже хлопну-

ла себя по ляжкам. Будь она повежливей, Карл бы ответил. Но она, не дожидаясь, подскочила к нему и с криком: «Так идете вы или нет?» — то ли с умыслом, то ли просто в сердцах ткнула его в грудь, да так, что он неминуемо выпал бы из окна, если бы в последнюю секунду не успел зацепиться пятками за стенку и, еле удержав равновесие, соскользнул с подоконника, ощутив под ногами спасительный пол.

— Я чуть не свалился, — сказал он с упреком.

— И зря не свалились. Почему вы такой нескладный? Вот возьму — и снова вытолкну.

С этими словами она и вправду обхватила Карла и, слегка приподняв, — Карл, почувствовав, как напряглось все ее неожиданно сильное, тренированное тело, совсем опешил и в первую секунду даже не сопротивлялся, — едва не донесла до окна. Но тут, опомнившись, Карл резким движением вывернулся и сам ее схватил.

— Ах, вы мне делаете больно, — тут же пролепетала она.

Ну уж нет, теперь он ее не отпустит. Правда, Карл дал ей свободу идти куда вздумается, но рук не разжимал. К тому же в этом узком платье ее так легко держать.

— Пустите меня, — прошептала она. Ее разго-

ряченное лицо было совсем рядом, даже трудно смотреть ей в глаза, до того она близко. — Пустите меня, я вам что-то дам.

«Почему она так дышит, — удивлялся Карл, — ей вроде не больно, я ее даже не стиснул», — а сам и не думал ее отпускать.

Секунда молчаливого, неосмотрительного ожидания — и внезапно он снова почувствовал на себе нарастающую силу ее упругого тела: она вырвалась, провела хорошо отработанный верхний захват, каким-то неизвестным приемом ловко отбила его ногу, когда он попытался поставить ей подножку, и, великолепно держа дыхание, потащила его куда-то к стене. Там, однако, оказалась тахта, на нее-то она и бросила Карла, после чего, опасаясь, впрочем, слишком низко к нему наклоняться, сказала:

— А теперь только попробуй у меня шелохнуться!

— С ума сошла?! Вот бешеная! — только и смог выдавить Карл, испытывая бессилие, ярость, стыд, — все вместе.

— Думай, что говоришь, — сказала она и, скользнув рукой по его шее, так сдавила горло, что Карл, не в силах продохнуть, только хватал ртом воздух, в то время как другой рукой она

уже поглаживала его по щеке, время от времени отрывая ладонь и отводя ее все дальше, как бы примериваясь влепить ему пощечину. — А что, если, — приговаривала она при этом, — что, если в наказание за такое обращение с дамой я надаю тебе пощечин и отправлю домой? Воспоминание у тебя, конечно, будет не из приятных, зато хороший урок на будущее. Да жалко, ты довольно смазливенький мальчик и, если бы обучался джиу-джитсу, наверно, мигом бы со мной управился. И все-таки, все-таки так и подмывает отхлестать тебя по мордасам, уж больно хорошо ты лежишь. Потом я, наверно, сама жалеть буду, так что имей в виду, если я это и сделаю, то почти против воли. Но уж конечно, одной оплеухой я не ограничусь, буду лупить направо и налево, пока у тебя все щечки не заплывут. А ты, как человек чести — а я почти верю, что ты человек чести, — не вынесешь позора этих пощечин и лишишь себя жизни. Вот только не пойму — чем я тебе не угодила? Или я тебе не нравлюсь? Неужели неохота пойти со мной в мою комнату? Стоп! Вот видишь, еще чуть-чуть, и я бы не удержалась и вмазала. Так что если сегодня тебе это сойдет, то впредь будь повежливей. Я тебе не дядя, чтобы вокруг тебя тут плясать. Но вообще-то учти, что, если я

отпущу тебя сегодня без пощечин, ты не должен думать, будто по кодексу чести это одно и то же — оказаться в твоем беспомощном положении или действительно схлопотать пощечину, а если ты не улавливаешь разницу, тогда уж лучше бы мне и вправду тебя отхлестать. То-то Мак посмеется, когда я ему все расскажу.

Вспомнив о Маке, она Карла отпустила, так что в его спутанном сознании Мак предстал чуть ли не избавителем. Какое-то время он еще чувствовал ее руку на своей шее, потом осторожно высвободился и затих.

Клара велела ему встать, но он не ответил, даже не пошелохнулся. Чиркнула спичка, в комнате стало светлее, из темноты проступил голубой узор плафона, но Карл лежал, откинувшись на подушки тахты, все в той же позе, в какой он оказался по милости Клары, и даже головы не поворачивал. Клара расхаживала по комнате, узкая юбка шуршала по ногам, потом, видимо, возле окна она надолго остановилась.

— Надулся? — донесся до него ее голос.

Карлу все это становилось в тягость — даже в этой комнате, отведенной ему господином Полландером для ночлега, его не оставляют в покое. С какой стати тут разгуливает эта девица,

останавливается, что-то говорит, хотя она уже до смерти ему надоела? Поскорее уснуть, а завтра уехать — вот единственное его желание. И не надо никакой постели, он останется на тахте, лишь бы его никто не трогал. Он не мог дождаться, когда же Клара наконец уйдет, чтобы одним прыжком подскочить к двери, щелкнуть задвижкой и снова броситься на тахту. Так хотелось потянуться, зевнуть — но не при Кларе же? Так он и лежал, уставившись в пустоту, чувствовал, как постепенно деревенеет лицо, перед глазами мелькала кружившая над ним муха, но даже ее он толком не замечал.

Клара снова подошла, склонилась над ним, перехватила его взгляд, так что ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не смотреть ей в глаза.

— Я сейчас уйду, — сказала она. — Может, немного погодя тебе все-таки захочется ко мне заглянуть. Моя дверь — четвертая отсюда по этой же стороне коридора. Так что ты выйдешь, три двери пройдешь, а четвертая будет моя. В зал я больше не спущусь, останусь у себя в комнате. Ты меня тоже порядочно вымотал. Не думай, что я тебя буду ждать, но если захочешь зайти — милости прошу. Не забудь, ты ведь обещал мне

поиграть. Но, может, я тебя слишком утомила и тебе даже пошевельнуться трудно — тогда оставайся тут и спи, а папе я о нашей стычке пока что ни слова не скажу — это я на тот случай, чтоб ты зря не беспокоился.

И с этими словами она бодро — несмотря на свою якобы усталость — выбежала из комнаты.

Карл тотчас же сел — лежать было уже совсем невмоготу. Чтобы размяться немного, он прошелся до двери, выглянул в коридор. Ну и темнотища! Он поскорей закрыл и замкнул дверь, лишь после этого, у стола, при свете свечи, ему стало полегче. Решение он принял такое: в этом доме он больше не останется, спустится сейчас к господину Полландеру, напрямик расскажет, как обошлась с ним Клара — признаться в своем поражении ему ничуть не стыдно, — и по этой вполне уважительной причине попросит разрешить ему уехать или даже уйти домой. Если же господин Полландер будет возражать против его немедленного отъезда или ухода, Карл в таком случае попросит, чтобы кто-то из слуг проводил его до ближайшей гостиницы. Конечно, подобным образом не очень-то принято поступать с радушными хозяевами, но поступать с гостями, как поступила с ним Клара, не принято и подав-

но. И она еще думает, что, пообещав ничего пока не рассказывать господину Полландеру об их стычке, делает ему любезность — это уж вообще неслыханная наглость! Его что, бороться сюда пригласили? Тогда, может, и впрямь было бы позорно, что его уложила на лопатки девчонка, которая, наверно, большую часть жизни только тем и занималась, что борцовские приемы отрабатывала. Вон, даже сам Мак ей уроки давал. Пусть рассказывает ему сколько угодно, уж Мак-то человек разумный, Карл точно знает, хоть у него ни разу и не было случая самому в этом убедиться. Зато он, Карл, знает и другое: если бы Мак взялся его обучать, уж он-то, Карл, добился бы куда больших успехов, чем Клара, и тогда ж в один прекрасный день явился бы сюда, очень может быть, что и без приглашения, сперва, конечно, хорошенько обследовал бы место предстоящей схватки — большое преимущество Клары как раз и было в том, что она точно знала место, — а уж после скрутил бы эту самую Клару в бараний рог и выколотил бы ею всю пыль из той самой тахты, на которую она его сегодня бросила.

Теперь весь вопрос лишь в том, как найти обратную дорогу в зал, где он, кстати, по всей видимости, позабыл шляпу, оставив ее — так ему

было поначалу неловко, — наверное, в самом неподходящем месте. Свечу он, конечно, прихватит с собой, но даже со светом тут непросто разобраться. Он, к примеру, напрочь не помнит, вот эта комната на том же этаже, что и зал, или выше? Когда сюда шли, Клара его всю дорогу так тащила, что он и оглядеться-то не успел. А тут еще этот Грин в голове да лакеи с подсвечниками, — короче, он просто понятия не имеет, проходили они одну лестницу или две, а может, и вообще лестниц не было? Так-то, на глаз, комната довольно высоко, поэтому он почти убедил себя, что по каким-то ступенькам они вроде бы поднимались, но, с другой стороны, из сада они тоже по лестнице вошли, да и эта сторона дома может быть выше! Если бы еще в этом проклятом коридоре хоть полоска света из-под двери или голос чей-нибудь, пусть издали, пусть тихий!

Карманные часы — дядя подарил — показывали одиннадцать, он взял свечу и шагнул в коридор. Дверь он оставил настежь — чтобы в случае чего, если поиски окажутся тщетными, хотя бы до своей комнаты добраться, а уж по ней — но это на самый худой конец! — найти и комнату Клары. Для пущей надежности, чтобы дверь ненароком сама не захлопнулась, он припер ее креслом. В ко-

ридоре сразу же обнаружилась досадная помеха: в лицо Карлу — а пошел он, понятно, не к Клариной двери, а налево — повеяло сквозняком, хоть и слабым, но вполне достаточным, чтобы загасить свечу, так что пришлось ему прикрывать пламя ладонью, да еще то и дело останавливаться, давая чахлому, трепещущему огоньку спасительную передышку. Медленное это было продвижение, и оттого путь казался вдвое длинней. Карл уже миновал нескончаемый, как тоннель, пролет коридора, где вовсе не было дверей, и терялся в догадках, что скрывается за этими глухими стенами. Потом опять одна за другой пошли двери, многие он пробовал открыть, но они были заперты, а комнаты явно нежилые. Какое чудовищное расточительство, Карл невольно подумал о восточных районах Нью-Йорка, которые дядя обещал ему показать, — там, по слухам, в одной комнатушке живут по нескольку семей, а весь приют одного семейства составляет жалкий закуток, где дети кучей копошатся вокруг родителей. А тут столько комнат пропадает совершенно зазря, лишь для того, чтобы пустотой отзываться на стук в дверь! Не иначе, какие-нибудь горе-приятели сбили господина Полландера с пути, да и дочь задурила голову, вот они все его и испортили.

Дядя-то, уж конечно, давным-давно его раскусил, и только его твердое правило никак не влиять на суждения Карла о других людях послужило виной тому, что он, Карл, сюда приехал и теперь вот плутает по этим бесконечным коридорам. Завтра же он дяде так и скажет, а дядя в соответствии со своим твердым правилом охотно и спокойно выслушает суждение племянника о себе лично. К тому же это дядино правило — пожалуй, единственное, что Карлу в дяде не нравится, да и то «не нравится» — слишком сильно сказано, скорее уж не совсем нравится.

Неожиданно стена по одну из сторон коридора оборвалась, уступив место ледяному мрамору перил. Карл поставил свечку подле себя и осторожно свесился. На него дохнуло черным мраком пустоты. Если это парадный зал — в блике свечи вроде выхватился кусок сводчатого потолка, — тогда почему они через этот зал не входили в дом? И зачем вообще такое громадное, просто бездонное помещение? Здесь, наверху, чувствуешь себя как на церковных хорах. Карл уже почти сожалел, что не останется здесь до завтра, он с удовольствием обошел бы с господином Полландером весь дом, чтобы хозяин сам ему все показал и разъяснил.

Перила, впрочем, тянулись недолго, и вскоре его снова поглотил черный зев коридора. На каком-то неожиданном повороте Карл со всего маху наткнулся на стену, и лишь его неослабная забота о свече, которую он судорожно сжимал в руке, слава Богу, уберегла ту от падения — а если бы она упала и погасла? А коридор все не кончался, и нигде ни оконца, чтобы хоть выглянуть, и ни малейшего движения, ни звука, ни шороха, — Карл уже стал подумывать, а не идет ли коридор по кругу, он уже надеялся снова увидеть распахнутую дверь своей комнаты, но ни дверь, ни знакомые мраморные перила не возвращались. До сих пор он крепился и удерживался от крика, как-то неудобно шуметь в чужом доме, да еще в столь поздний час, но теперь решил, что в такой пустынной и темной громаде это, пожалуй, вполне простительно, и уже собрался огласить в обе стороны коридора громкое «Эй, кто-нибудь!», как вдруг где-то далеко позади, там, откуда он пришел, завидел слабый, зыбкий, но несомненно приближающийся огонек. Только теперь Карл смог оценить длину этого нескончаемого коридора — да это не дом, а целая крепость! Он так обрадовался, что, забыв о всех предосторожностях, ринулся на этот спасительный свет,

и свеча в его руке в тот же миг погасла. Но Бог с ней, со свечой, она ему больше ни к чему, зачем свеча, когда вот же идет навстречу старый слуга с фонарем, уж он-то покажет ему дорогу.

— Кто вы такой? — спросил слуга и приблизил фонарь к лицу Карла, высветив тем самым и свое. Вид у него оказался весьма внушительный — главным образом из-за пышной, окладистой бороды, которая волнами ниспадала на грудь, завиваясь на концах тонкими шелковистыми колечками. «Должно быть, это очень верный слуга, раз ему позволяют носить такую бороду», — подумал Карл, с изумлением разглядывая эту бороду со всех сторон и ничуть не смущаясь тем, что самого его тоже весьма пристально рассматривают. Он, впрочем, тут же объяснил, что он гость господина Полландера, хотел из своей комнаты добраться до столовой, да вот заблудился.

— Ах, вон что, — сказал слуга. — Мы еще не провели электричество.

— Я знаю, — ответил Карл.

— Не хотите зажечь свечу от моей лампы? — предложил слуга.

— Ой, будьте добры, — признательно откликнулся Карл и протянул ему свечу.

— Здесь в коридорах дует ужасно, — заметил

слуга, — свеча сразу гаснет, поэтому я и хожу с фонарем.

— Да, с фонарем гораздо удобней, — согласился Карл.

— Вы вон и закапались свечой, — сказал слуга и осветил фонарем костюм Карла.

— Ой, как же это я не заметил! — воскликнул Карл и не на шутку огорчился: ведь это его парадный черный костюм, про который дядя говорил, что он идет ему лучше всех. К тому же и схватка с Кларой вряд ли пошла костюму на пользу, вспомнил он. Слуга был настолько любезен, что принялся тотчас же костюм чистить — наспех, разумеется; Карл поворачивался перед ним так и эдак, указывая то на одно, то на другое пятно, а слуга послушно их соскребал.

— Почему, собственно, здесь так дует? — спросил Карл, когда они снова двинулись в путь.

— Так ведь еще строить сколько, — пояснил слуга. — Перестройку-то, правда, уже начали, но дело движется очень медленно. А тут еще и строители бастуют, вы, наверно, слыхали. Одна морока с этим строительством. Стены-то в двух местах проломили, а замуровать некому, вот и гуляет сквозняк по всему дому. Я уж ватой уши затыкаю, а то совсем беда.

— Может, мне погромче говорить? — спросил Карл.

— Нет-нет, у вас ясный голос. Так вот, раз уж мы о стройке: тут, около часовни — ее вообще-то потом обязательно от остального дома отгородят, — такие сквозняки, просто сил нет.

— Значит, та мраморная лестница из коридора ведет в часовню?

— Ну да.

— Я так сразу и подумал.

— Часовня тут знатная, — заметил слуга. — Если бы не часовня, господин Мак, может, и не стал бы этот дом покупать.

— Господин Мак? — удивился Карл. — Я полагал, дом принадлежит господину Полландеру.

— Оно конечно, — подтвердил слуга. — Только последнее слово при покупке дома все-таки было за господином Маком. Или вы с ним незнакомы?

— Ну как же, — возразил Карл. — Но кем он приходится господину Полландеру?

— Так он жених нашей барышни, — сообщил слуга.

— Вот как. Этого я не знал, — сказал Карл и даже остановился.

— Вас это так удивляет? — спросил слуга.

— Вообще-то нет, просто как-то неожиданно.

Когда не знаешь таких вещей, можно ведь и впросак попасть, — ответил Карл.

— Странно, что вам об этом не сказали, — удивился слуга.

— И в самом деле, — окончательно смешался Карл.

— Наверно, думали, вы и так знаете, — предположил слуга. — Это ведь не новость. Вот мы и пришли, — добавил он, распахнув дверь, за которой, и вправду, сбегала крутая лестница к дверям все так же, как и по приезде, сиявшей огнями столовой. Прежде чем Карл вошел в столовую, откуда все еще, как и добрых два часа назад, доносились голоса господина Полландера и господина Грина, слуга сказал: — Если хотите, я могу вас тут обождать и потом отведу в вашу комнату. А то с непривычки, да еще вечером, у нас трудновато разобраться.

— Я не вернусь к себе в комнату, — ответил Карл и, сам не зная почему, как-то вдруг погрустнел при этой мысли.

— Ничего, бывает и хуже, — сказал слуга со снисходительной улыбкой и даже слегка потрепал Карла по плечу.

Видимо, он истолковал слова Карла в том смысле, что Карл собирается всю ночь просидеть с

господами в столовой и пить с ними. Карлу не хотелось пускаться в откровенности, а кроме того, он вдруг сообразил, что этот слуга, понравившийся ему больше других здешних слуг, может ведь потом показать ему дорогу к Нью-Йорку, и потому сказал:

— Раз уж вы сами предложили меня подождать, что, конечно, большая любезность с вашей стороны, я с благодарностью ею воспользуюсь. В любом случае я скоро вернусь и уж тогда скажу, что собираюсь делать. Полагаю, мне еще понадобится ваша помощь.

— Хорошо, — согласился слуга, поставил фонарь на пол и сел на низкий постамент, почему-то совершенно пустой, что, вероятно, тоже каким-то образом было связано с ремонтом. — Тогда я жду здесь. Свечу, кстати, тоже можете мне оставить, — добавил он, заметив, что Карл собрался идти в освещенный зал с горящей свечой.

— Ах да. Что-то я совсем не в себе, — пробормотал Карл, отдавая свечу слуге, который на это лишь кивнул, и неясно было — то ли он согласился с утверждением Карла, то ли просто пригладил рукой бороду.

Карл отворил дверь, которая тут же громко задребезжала — не по его, впрочем, вине, а потому,

что сделана была из цельного стекла и почти прогибалась, когда ее так резко тянули за ручку. Карл, перепугавшись, даже не стал ее закрывать, он-то хотел войти как можно тише. Не оборачиваясь, он тем не менее спиной почувствовал, как слуга, должно быть, соскочив с постамента, прикрыл за ним дверь — аккуратно и без малейшего шума.

— Извините, что помешал, — обратился он сразу и к Полландеру, и к Грину, поднявшим на него свои большие удивленные лица. Одновременно он окинул взглядом весь зал — не лежит ли где на видном месте его шляпа. Но шляпы нигде не было, обеденный стол уже прибран, не иначе, шляпу по курьезному недоразумению унесли на кухню.

— Где же вы бросили Клару? — спросил господин Полландер, ничуть, похоже, не раздосадованный вторжением, ибо с живостью откинулся в кресле и всем корпусом повернулся к Карлу.

Господин Грин, напротив, с напускным безразличием извлек свой бумажник неописуемой толщины и столь же невероятных размеров и теперь с сосредоточенным видом что-то искал в бесчисленных его отделениях, заодно проглядывая и другие бумаги, которые попадались ему под руку во время этих поисков.

— У меня к вам одна просьба, только не поймите меня, пожалуйста, неправильно, — выпалил Карл, быстрым шагом подойдя к господину Полландеру, и в знак доверительности притронулся к подлокотнику его кресла.

— Что же это за просьба? — спросил господин Полландер, глядя на Карла простодушным, открытым взглядом. — Считайте, что она уже исполнена.

И, обняв Карла за пояс, притянул его к себе между колен. Ему Карл охотно это позволил, хотя вообще-то он давно уже не ребенок, чтобы так с ним обращаться. Да и просьбу теперь высказать, конечно, гораздо трудней.

— А как вам вообще у нас нравится? — спросил господин Полландер. — Не правда ли, после города здесь, на природе, как говорится, отдыхаешь душой? Вообще-то, — тут он, пользуясь тем, что Карл его заслонил, недвусмысленно покосился в сторону господина Грина, — вообще-то у меня здесь каждый вечер такое вот отдохновенное чувство.

«Можно подумать, — мелькнуло у Карла, — будто он говорит вовсе не об этом жутком доме и знать не знает о бесконечных коридорах, часовне, пустующих комнатах, кромешной тьме

повсюду».

— Ну? — подбодрил господин Полландер. — Так где же просьба?

И он дружески встряхнул Карла, который все еще безмолвствовал.

— Я прошу, — начал Карл, и, как ни приглушал он свой голос, сидящий рядом господин Грин неминуемо должен был все услышать, хотя от него-то эту свою просьбу, вполне возможно, оскорбительную для господина Полландера, Карл очень хотел утаить. — Прошу вас, отпустите меня домой, прямо сейчас, ночью. — И, поскольку самое трудное уже было сказано, все остальное прорвалось само собой, и он, торопясь и даже не привирая ни чуточки, заговорил вдруг о вещах, о которых прежде и думать не думал. — Понимаете, мне очень хочется, очень нужно домой. Я с удовольствием приеду еще, потому что рядом с вами, господин Полландер, мне всегда хорошо. Но сегодня я никак не могу остаться. Вы же знаете, дядя неохотно разрешил мне эту поездку. Наверняка у него были на то свои веские основания, как и во всем, что он делает, а я заупрямился и вопреки его доброй воле буквально вырвал у него разрешение. Я попросту злоупотребил его любовью. Какие уж у него были сомнения насчет

моей поездки, это теперь не важно, но одно я знаю совершенно точно: в этих сомнениях нет, да и быть не может ничего для вас обидного, господин Полландер, потому что вы лучший, самый лучший дядин друг. Он настолько вам предан, что тут никто даже отдаленно не может с вами сравниться. Это единственное, что извиняет мое непослушание, но извиняет недостаточно. Вы, должно быть, не вполне представляете себе наши с дядей отношения, поэтому я сейчас о них скажу — главное, конечно. Пока я не выучу как следует английский и не освоюсь хоть немного с практикой торгового дела, я целиком буду зависеть от дядиной щедрости, которой, конечно, как кровный его родственник, я вообще-то могу пользоваться. Но не думайте, что я уже сейчас сумел бы честным трудом — а от всяких иных способов упаси меня Бог — зарабатывать себе на хлеб. Для этого, к сожалению, мне не привили никаких практических навыков. Я окончил — да и то средним учеником — четыре класса европейской гимназии, а для денежного заработка это даже хуже, чем вообще ничего, потому что в наших гимназиях совершенно допотопные учебные программы. Знали б вы, чему нас там только учили — смех один. Конечно, если дальше учить-

ся, гимназию окончить, потом университет, все это, наверно, постепенно как-то выравнивается и в итоге можно получить законченное образование, которое еще на что-то годится и дает человеку хотя бы решимость зарабатывать деньги. Но я, к сожалению, из этой связной цепочки выпал, мне иногда кажется, что я вообще ничего не знаю, да если б и знал что — для Америки это ничтожно мало. Правда, сейчас у меня на родине кое-где открыли так называемые реформенные гимназии, там преподают и современные языки, и основы коммерческих наук, но, когда я начальную школу заканчивал, их еще не было. Отец, правда, хотел, чтобы я брал уроки английского, но, во-первых, не мог же я предвидеть, какая беда со мной приключится, а во-вторых, мне и для гимназии ужасно много приходилось зубрить, так что на другое времени все равно бы почти не оставалось.

Я к тому все это рассказываю, чтобы вы поняли, до какой степени я от дяди зависим и сколь многим, следовательно, ему обязан. Согласитесь, при таком моем положении не могу я себе позволить хоть в чем-то поступить против его, пусть даже предполагаемого желания. Вот почему, чтобы хоть частично загладить свою провинность, мне

и нужно как можно скорее попасть домой.

Длинную речь Карла господин Полландер выслушал очень внимательно, порой, особенно при упоминаниях о дяде, слегка, хоть и незаметно, привлекая Карла к себе и не однажды бросив серьезный и как бы выжидающий взгляд на господина Грина, который с прежней сосредоточенностью занимался своим бумажником. Карл, однако, чем яснее осознавал в ходе речи свои с дядей взаимоотношения, тем становился беспокойнее, непроизвольно порывался высвободиться из-под руки Полландера, все вокруг угнетало и теснило его, а путь к дяде — через стеклянные двери, по лестнице, по аллее, потом проселками, пригородами, предместьями и, наконец, по широкой городской улице, что так плавно притекает к дядиному дому, — путь этот предстал ему во всей своей строгой непреложности, ровный, открытый, прямой, он словно расстелился у ног и властно звал к себе Карла. Куда-то отступили, расплываясь, и доброта Полландера, и мерзость Грина, ему ничего, ничего не нужно в этой дымной, прокуренной комнате, лишь бы поскорее откланяться и уйти. С господином Полландером он, правда, вежливо сдержан, с Грином — начеку и, если что, готов к бою, но что-то еще,

какой-то безотчетный страх заполняет все вокруг, толчками заволакивая ему взор.

Он отступил на шаг и теперь стоял на одинаковом отдалении от Полландера и Грина.

— Вы ничего не хотите ему сказать? — обратился господин Полландер к господину Грину и, словно прося о чем-то, даже схватил того за руку.

— Вот уж не знаю, что я такого мог бы ему сказать, — ответил господин Грин, отыскав наконец в своем бумажнике какое-то письмо и кладя его перед собой на стол. — Похвально, конечно, что он хочет вернуться к дяде, и по человеческому разумению можно бы предположить, что дядю он этим несказанно обрадует. Если только прежде он своим непослушанием не слишком дядю разгневал, а это, разумеется, тоже возможно. И тогда, конечно, ему уж лучше остаться здесь. Так что тут трудно сказать что-либо определенное, и хоть мы оба друзья его дяди и было бы весьма непросто установить в нашей дружбе какие-то ранги и различия, однако в душу к нему заглянуть мы, конечно, не можем, особенно сидя здесь, в стольких километрах от Нью-Йорка.

— Пожалуйста, господин Грин, — сказал Карл и, пересилив себя, даже приблизился к Грину, — я же по вашим словам и по голосу слышу, вы тоже

считаете, что мне лучше сейчас же вернуться.

— Вовсе я этого не утверждал, — возразил господин Грин и углубился в созерцание письма, водя по краям конверта двумя пальцами. Он всем видом как бы давал понять, что вопрос ему задал господин Полландер, ему он и ответил, а до Карла ему, собственно, и дела нет.

Тем временем господин Полландер подошел к Карлу и мягко увлек его от господина Грина в сторонку, поближе к одному из огромных окон.

— Дорогой господин Росман, — начал он, чуть склонившись к уху Карла, и, помолчав, отер лицо платком, который затем еще задержал у носа, и высморкался. — Надеюсь, вы не думаете, что я намерен удерживать вас против вашей воли. Об этом и речи нет. Машину, правда, я вам предоставить не могу, машина отсюда далеко, в общественном гараже, оборудовать гараж здесь, в доме, где еще все строится, я пока что не успел. Да и шофера нет, он ночует не здесь, а где-то неподалеку от гаража, я, по правде сказать, и сам не знаю где. К тому же он вовсе и не обязан здесь ночевать, он обязан только рано утром точно в срок подать машину. Но это все, конечно, не препятствует вашему отъезду, и, если вы настаиваете, я немедленно провожу вас до ближайшей

пригородной станции, до которой, впрочем, отсюда тоже неблизко, так что домой вы успеете не намного раньше, чем завтра со мной в машине, ведь я уже в семь утра выезжаю.

— В таком случае, господин Полландер, я предпочел бы все-таки поехать поездом, — сказал Карл. — О поезде я как-то не подумал. Вы же говорите, что поездом я доберусь раньше.

— Но разницы-то почти никакой!

— Тем не менее, господин Полландер, тем не менее, — настаивал Карл. — А я, помня о вашей любезности, всегда с удовольствием буду к вам приезжать, если, конечно, вы меня пригласите после такого моего поведения, и тогда, в следующий раз, я, наверно, лучше сумею объяснить, почему сегодня, торопясь увидеться с дядей, я дорожу буквально каждой минутой. — И, словно уже испросив разрешение уйти, он добавил: — Только ни в коем случае не надо меня провожать. Это совершенно излишне. За дверью ждет слуга, он охотно проводит меня до станции. Теперь бы мне еще шляпу свою найти.

Последние слова он произнес уже на ходу, решив напоследок пробежаться по комнате — вдруг шляпа где и отыщется.

— Может, я кепкой вас выручу? — спросил

господин Грин, неожиданно доставая из кармана кепку. — Вот эта, часом, не подойдет?

Карл озадаченно остановился и сказал:

— Зачем же мне отнимать у вас вашу кепку? Прекрасно и без шляпы могу уйти. Не надо мне ничего.

— Да это не моя. Ну же, берите!

— Тогда спасибо, — пробормотал Карл, лишь бы отделаться, и взял кепку. — Он натянул ее и даже усмехнулся — кепка оказалась в самый раз, — потом снял, повертел в руке, пытаясь понять, что в ней такого особенного. Да вроде ничего, кепка как кепка, только совершенно новая. — В самый раз! — сказал он.

— Вот видите, в самый раз! — воскликнул Грин и пристукнул ладонью по столу.

Карл уже направился к двери, чтобы позвать слугу, но тут Грин нехотя встал, сладко потянулся после сытной еды и приятного отдыха, удовлетворенно похлопал себя по груди и тоном то ли совета, то ли приказа произнес:

— Прежде чем уйти, вам надо попрощаться с Кларой.

— Да, это надо, — сказал господин Полландер, тоже поднимаясь.

Но слышно было, что слова эти идут не от серд-

ца, он безвольно уронил руки по швам, а теперь теребил, то застегивая, то расстегивая, пуговицу своего пиджака, скроенного по последней моде очень коротко и едва прикрывавшего бедра, что таких толстяков, как господин Полландер, совсем не красит. Кстати, именно сейчас, когда он вот так стоял рядом с господином Грином, бросалось в глаза, что полнота его какая-то нездоровая: ватная спина понуро сгорблена, рыхлый живот вываливается мешком, настоящее брюхо, а бледное лицо смотрит устало и измотанно. Господин Грин, напротив, хоть с виду даже, пожалуй, потолще господина Полландера, но это ладная, крепко сбитая, со всех сторон уравновешенная полнота: ноги по-солдатски сомкнуты, голова молодецки посажена на упругой шее, казалось, в прошлом он был великим атлетом, а теперь стал тренером.

— Так что сходите сперва к Кларе, — продолжал господин Грин. — Вам это наверняка доставит удовольствие, да и меня по времени такой расклад вполне устраивает. Дело в том, что я действительно имею сообщить вам кое-что интересное до вашего ухода, к тому же известие это, полагаю, решит и все вопросы с вашим возвращением. Но, к сожалению, я связан строжайшим

приказом ни о чем не уведомлять вас до полуночи. Как понимаете, мне и самому это совсем не с руки, ибо лишает меня заслуженного сна, но я обязан придерживаться данного мне поручения. Сейчас четверть двенадцатого, я как раз успею обсудить с господином Полландером все свои дела, чему ваше присутствие могло бы только помешать, вы же тем временем проведете, так сказать, приятные минуты в обществе обворожительной Клары. А ровно в двенадцать явитесь сюда, где и узнаете все дальнейшее.

Ну как же было не выполнить это требование, напомнившее Карлу о простейшем долге вежливости и благодарности перед господином Полландером, да еще устами даже столь грубого, бездушного человека, как Грин, тем более что сам господин Полландер, которого все это непосредственно касалось, деликатно помалкивал и прятал глаза? И что там такое интересное, что ему дозволено узнать лишь в полночь? Если эта новость не ускорит его возвращение по меньшей мере на те же сорок пять минут, на которые сейчас задерживает, то она мало его интересует. Но главное сомнение было в другом: стоит ли вообще идти к Кларе, к этой врагине? Будь у него с собой кастет — подаренное дядей пресс-па-

пье, — еще куда ни шло. А так комната Клары представлялась весьма опасным логовом. Но сейчас здесь против Клары и заикнуться нельзя, ведь она дочь господина Полландера, да еще, как он только что услышал, и невеста Мака. Поведи она себя с Карлом хоть чуточку иначе — и он бы из одной только симпатии к Полландеру и Маку во всеуслышанье ее расхваливал. Так он размышлял, пока не заметил, что никаких размышлений от него не ждут, ибо господин Грин уже распахнул дверь и сказал слуге, мигом соскочившему с постамента:

— Отведите этого молодого человека к госпоже Кларе.

«Вот как выполняют приказы», — успел подумать Карл, когда слуга почтя бегом, кряхтя от старческой немощи, каким-то особенно коротким коридором потащил его в Кларину комнату. Проходя мимо своей комнаты, дверь которой по-прежнему стояла настежь, Карл захотел было — просто так, успокоения ради — туда заглянуть. Но слуга не позволил.

— Нет-нет, — возразил он. — Вам же надо к барышне, вы сами слышали.

— Но я только на минуточку! — запротестовал Карл, а сам подумал, как хорошо бы сейчас при-

лечь для разрядки на тахту, заодно и время до полуночи пролетит быстрее.

— Не затрудняйте мне исполнение моей службы, — строго сказал слуга.

«Он, похоже, думает, что к Кларе меня послали в наказание», — мелькнуло у Карла, и он, пройдя несколько шагов, теперь из упрямства остановился.

— Пойдемте же, молодой человек, — с укором настаивал слуга, — раз уж вы все равно здесь. Я знаю, вы еще нынче ночью хотели уйти, но не все желания сбываются, я же вам сразу сказал, что это вряд ли возможно.

— Да, я хотел уйти и уйду, — вспылил Карл, — а сейчас хочу просто попрощаться с вашей барышней.

— Вот как, — заметил слуга, и по глазам его Карл понял, что тот ни одному его слову не поверил. — Что же вы тогда не торопитесь попрощаться? Пойдемте же.

— Кто там идет? — разнесся по коридору голос Клары, и тут же показалась она сама, высунувшись из ближайшей двери с большой, в красном абажуре, настольной лампой в руках.

Слуга поспешил к ней с докладом, Карл неохотно поплелся за ним.

— Поздновато вы приходите, — сказала Клара.

Ничего ей покуда не отвечая, Карл тихо, но твердо — он уже раскусил его натуру, — тоном строгого приказа сказал слуге:

— Подождите меня здесь, прямо у двери.

— А я уже собиралась спать, — сказала Клара, ставя лампу на стол. Как и недавно в столовой, слуга и здесь неслышно прикрыл за Карлом дверь. — Ведь уже половина двенадцатого.

— Половина двенадцатого? — переспросил Карл, словно бы испуганно прислушиваясь к самому звучанию чисел. — Но тогда я вынужден сразу же попрощаться, — спохватился он. — Ровно в двенадцать мне нужно быть внизу, в столовой.

— Какие такие у вас неотложные дела, — то ли спросила, то ли заметила Клара, небрежно обирая складки свободного, ниспадающего пеньюара; все лицо ее светилось, и она беспрерывно чему-то улыбалась. Карл с рблегчением почувствовал, что опасность новой ссоры вроде бы ему не грозит. — А разве вы мне не поиграете, как вчера обещал папа, а сегодня вы сами?

— А не поздно? — спросил Карл. Он был бы только рад ей угодить, ведь вон и она совсем не та, что прежде, словно каким-то образом вступи-

ла в фазу влияния Полландера и даже Мака.

— Вообще-то поздно, конечно, — ответила Клара, и, похоже, от ее страстной любви к музыке и следа не осталось. — К тому же здесь любой звук по всему дому отдается, и, боюсь, если вы начнете играть, мы перебудим даже прислугу на чердаке.

— Тогда лучше отложим, я надеюсь непременно приехать еще, да и вы, кстати, если не сочтете за труд, могли бы как-нибудь посетить моего дядю, а при случае и ко мне заглянуть. Пианино у меня замечательное. Дядя подарил. И уж тогда, если вам будет угодно, я сыграл бы вам все свои вещицы, их, к сожалению, не так много, да они и не слишком подходят для столь ценного инструмента, на котором не меня, а виртуозов надо бы слушать. Но и это удовольствие будет вам доставлено, если вы заблаговременно известите меня о вашем визите, ведь дядя намерен вскоре пригласить ко мне знаменитого педагога — представляете, как я этому рад, — а уж его игра несомненно будет стоить того, чтобы наведаться ко мне во время урока. Если совсем начистоту, я даже рад, что уже поздно и играть не надо, я ведь еще ничего не умею. Вы бы сами удивились, как мало я умею. А теперь позвольте откланяться, время и вправду позднее, вам пора спать. — И,

поскольку Клара смотрела на него по-доброму, даже в мыслях вроде бы не поминая их недавней стычки, он с улыбкой добавил, протягивая ей руку: — Как говорят у меня на родине: «Спи спокойно, сладких снов!»

— Подождите, — сказала она, не притрагиваясь к его руке. — Может, вам все-таки придется сыграть. — И исчезла за маленькой боковой дверцей как раз возле пианино.

«Это еще что? — недоумевал Карл. — Долго я ждать не могу, как она ни мила».

Из коридора в дверь тихо постучали, и слуга, не отваживаясь отворить дверь целиком, прошептал в щелочку:

— Извините, меня вызывают, я не могу больше ждать.

— Ладно уж, идите, — смилостивился Карл, почему-то вдруг решив, что и сам найдет дорогу в столовую. — Только фонарь под дверью оставьте. Который час, кстати?

— Скоро без четверти, — ответил слуга.

— Как медленно время идет, — пробормотал Карл.

Слуга уже хотел прикрыть дверь, но тут Карл вспомнил, что не дал ему на чай, достал из кармана брюк монету — мелочь он теперь носил в кар-

манах брюк, на американский манер небрежно ею позвякивая, а бумажки, наоборот, в жилетном кармане — и протянул слуге со словами:

— Это вам за добрую службу.

Клара уже снова вошла, обеими руками поправляя на ходу тугой узел прически, когда Карл спохватился, что зря, наверно, отпустил слугу — кто теперь отведет его на станцию? Ну да ладно, найдется у господина Полландера другой слуга, а может, и этого вызвали туда же в столовую и потом предоставят в его распоряжение.

— Я все-таки попрошу вас сыграть что-нибудь. Здесь так редко услышишь музыку, что упускать такую возможность просто грех.

— Тогда не будем терять времени, — сказал Карл и без раздумий сел за пианино.

— Может, вам ноты нужны? — спросила Клара.

— Спасибо, я их и читать толком еще не умею, — ответил Карл, уже беря первые аккорды.

Это была простенькая песенка, которую — Карл прекрасно это понимал, — чтобы хоть как-то донести настроение, надо играть довольно медленно, особенно для иностранцев, он же отбарабанил ее в темпе разухабистого марша. Он уже кончил, а звуки еще долго метались в испуганной тишине огромного дома, пока не улеглись.

Наступила неловкая, томительная пауза.

— Очень мило, — произнесла наконец Клара, но Карл понимал: мир еще не изобрел формулу вежливости, чтобы благодарить за такую безобразную игру.

— Который час? — спросил он.

— Без четверти двенадцать.

— Тогда еще есть немножко времени, — сказал он, подумав про себя: «Была не была. Все десять песен, что я умею, играть не обязательно, но уж одну-то я могу сыграть как следует».

И он начал свою любимую, солдатскую. Так медленно, так протяжно, чтобы растревоженная душа слушателя тянулась, рвалась к каждой ноте, а он, Карл, эту ноту удерживал и все не хотел, не хотел отдавать. Он и так-то, играя все свои песенки, сперва искал клавиши глазами, но сейчас, он чувствовал, в нем возникала какая-то особая, иная песня, готовая пролиться за края знакомой мелодии и там, за краями, стать собой — но не могла, не проливалась, не становилась.

— Я же не умею играть, — сказал Карл, когда песня кончилась, и посмотрел на Клару со слезами на глазах.

За стеной из соседней комнаты вдруг раздались громкие одобрительные хлопки.

— Нас кто-то слушает! — всполошился Карл.

— Это Мак, — тихо сказала Клара.

А из-за стены его уже звал голос Мака:

— Карл Росман! Карл Росман!

В один миг Карл обеими ногами перемахнул через скамеечку и кинулся к дверце. Открыв ее, он увидел огромный шатер кровати, под которым полусидя, небрежно накинув на ноги одеяло, возлежал Мак. Голубого шелка балдахин был единственным и, пожалуй, несколько девчоночьим украшением в общем-то простой, тяжелого дерева, прочно, но без затей сработанной кровати. Рядом на ночном столике горела лишь одна свечка, но постельное белье и рубашка Мака были такой белизны, что слабый свет отражался от них с нестерпимой, почти ослепительной яркостью; и балдахин, по крайней мере по кромкам полога, матово мерцал своими чуть волнистыми, свободной натяжки складками тяжелого шелка. Зато за спиной Мака и постель, и все нутро балдахина проглатывала кромешная тьма. Клара, облокотись на высокие подушки, уже не сводила с Мака влюбленных глаз.

— Привет, — сказал Мак, протягивая Карлу руку. — Вы, оказывается, очень недурно музицируете, прежде я мог оценить только ваше

жокейское искусство.

— Да я ни того, ни другого толком не умею, — смутился Карл. — Если б я знал, что вы здесь, ни за что бы не сел играть. Но поскольку ваша… — Тут он осекся, не решаясь выговорить «невеста», слишком очевидно было, что Мак и Клара друг с другом спят.

— Я давно подозревал, что вы играете, — как ни в чем не бывало продолжал Мак, — вот и пришлось Кларе заманить вас сюда из Нью-Йорка, иначе где бы я смог вас послушать. Чувствуется, конечно, что это еще первые шаги, и даже в этих песенках, которые вы все-таки разучивали и которые, что скрывать, весьма примитивно сложены, вы несколько раз ошиблись, однако мне было очень приятно, не говоря уж о том, что ничью игру я не считаю достойной презрения. Но не хотите ли присесть, поболтать с нами немного? Клара, дай же ему кресло.

— Благодарю, — пробормотал Карл запинаясь. — Я не могу остаться, как бы мне этого ни хотелось. Слишком поздно я узнал, что в этом доме есть такие уютные комнаты.

— О, я здесь все перестрою в том же духе, — сказал Мак.

В тот же миг двенадцать мощных колокольных

ударов, один за другим, торопясь и подгоняя друг друга, прогремели в ночи, и Карл почувствовал, как потрясенный тяжелой раскачкой колоколов воздух испуганными волнами лизнул его по щекам. Что же это за деревня, если у нее такие колокола?!

— Время! Мне пора, — сказал Карл, лишь протянул, не пожимая, Маку и Кларе руки и выбежал в коридор. Фонаря он там не обнаружил и пожалел, что преждевременно дал слуге чаевые. Он решил ощупью, по стенке, добраться до раскрытой двери своей комнаты, но не прошел и половины пути, когда завидел вдали поспешающего вразвалку господина Грина с поднятой свечой. В той же руке, что и свечу, он держал письмо.

— Росман, где вы пропадаете? Почему заставляете себя ждать? Чем вы там у Клары занимались?

«Сколько вопросов, — усмехнулся про себя Карл. — А сейчас, чего доброго, еще притиснет к стене и раздавит», — ибо Грин действительно уже грозно нависал над Карлом, которому, прислонившись к стене, некуда было отступить. Под сводами коридора и без того необъятная фигура Грина разрослась уже просто до смешного, и Карл в шутку задался вопросом, не сожрал ли он, часом, добрейшего господина Полландера.

— Вы и вправду не держите слово. Обещали в двенадцать быть внизу, а сами шастаете под дверью у Клары. Я же, напротив, обещал вам к полуночи кое-что интересное и вот принес сам.

С этими словами он протянул Карлу письмо. На конверте было написано: «Карлу Росману. Передать в полночь лично в руки, где бы он ни находился».

— В конце концов, — бубнил господин Грин, пока Карл вскрывал конверт, — по-моему, спасибо надо сказать, что я из-за вас в такую даль из Нью-Йорка притащился, а не гонять меня вместо этого взад-вперед по коридорам.

— От дяди, — сказал Карл, едва он заглянул в конверт. — Я этого ожидал, — добавил он, обращая лицо к Грину.

— Ожидали вы этого или нет, мне до чертиков все равно. Читайте! — буркнул он и протянул Карлу свечу.

В ее свете Карл прочел:

> Любимый племянник!
>
> Как ты, надеюсь, успел усвоить за время нашей, к сожалению, увы, слишком непродолжительной совместной жизни, я до мозга костей человек принципов. Не

только для окружающих, но и для меня самого это свойство весьма неприятно и, быть может, даже прискорбно, но лишь своим принципам я обязан всем, что я есть, и никто не вправе требовать от меня оторваться от этой взрастившей меня почвы, никто, включая и тебя, любимый племянник, хотя ты, несомненно, был бы первым в ряду других, кому бы я это позволил, вздумай я допустить подобное всеобщее посягательство на мои жизненные устои. Будь оно так, тебя и только тебя прежде других подхватили бы мои руки, которые сейчас держат и исписывают этот лист, да, подхватили бы и радостно подняли в воздух. Но поскольку ничто пока не указывает на вероятность подобной моей уступки, я вынужден после сегодняшнего происшествия всенепременно тебя отторгнуть и убедительно прошу впредь ни самому, ни письменно либо через посредников не искать со мной ни встреч, ни сообщения. Вопреки моей воле ты решил сегодня вечером меня покинуть, а раз так, оставайся при своем решении всю жизнь, только тогда

это решение будет достойно мужчины. Для передачи тебе этого известия я избрал господина Грина, лучшего моего друга, который, не сомневаюсь, найдет для тебя достаточно утешительных слов, ибо мне в данную минуту, поверь, утешить тебя просто нечем. Он человек влиятельный и из одной только любви ко мне поддержит тебя в первых твоих самостоятельных шагах советом и делом. Чтобы осознать наш разрыв, который сейчас, в конце этого письма, в очередной раз представляется мне немыслимым, я вынужден снова и снова повторять себе: от твоей семьи, Карл, ничего хорошего ждать нельзя. Если господин Грин забудет вручить тебе твой чемодан и твой зонт, напомни ему об этом. Желаю тебе всяческих благ в дальнейшем.

Твой преданный дядя Якоб.

— Вы готовы? — спросил Грин.

— Да, — ответил Карл. — Чемодан и зонтик вы принесли?

— Принес, — сказал Грин и поставил у ног Карла старый дорожный чемодан, который до этого

каким-то образом прятал в левой руке за спиной.

— А зонтик? — настойчиво повторил Карл.

— Все здесь, — успокоил его Грин, выхватывая из темноты зонтик, который, оказывается, висел у него за ручку из кармана брюк. — Эти вещи принес некто Шубаль, главный механик корабельной компании «Гамбург — Америка». Он утверждал, что нашел их на корабле. Так что сможете поблагодарить его при случае.

— Ну вот, хотя бы старые вещи опять при мне, — сказал Карл и положил зонтик на чемодан.

— Только впредь следите за ними получше. Господин сенатор так и просил вам передать, — заметил господин Грин, а затем, уже из чистого любопытства, поинтересовался: — А что это за чемодан у вас такой странный?

— С таким чемоданом у нас на родине отправляют в армию призывников, — объяснил Карл. — Это старый солдатский чемодан моего отца. Вообще-то он очень удобный. — И с улыбкой добавил: — Если, конечно, не оставлять его где попало.

— Что ж, полагаю, жизнь достаточно вас проучила, — изрек господин Грин, — а второго дядю вы в Америке вряд ли найдете. Вот вам билет третьего класса до Сан-Франциско. Я выбрал для

вас это направление, во-первых, потому что там возможности заработка куда предпочтительней, а во-вторых, потому что здесь во всяком деле, к какому вы ни вздумаете пристроиться, у вашего дяди свой интерес имеется, встречаться же вам с ним никак нельзя. А во Фриско вы без помех сможете работать, начните спокойненько с самого низу и постепенно, постепенно выбивайтесь наверх.

Карл не улавливал в его словах ни крупицы злости, роковая весть, что распирала Грина целый вечер, теперь наконец передана, и он разом предстал вполне безобидным человеком, с которым, пожалуй, говорить даже легче и проще, чем с кем-либо еще. На его месте и самый задушевный добряк, нежданно-негаданно избранный посланцем столь секретного и тягостного сообщения, поневоле бы, покуда держит при себе такое, выглядел весьма подозрительным субъектом.

— Я намерен, — сказал Карл, ища поддержки в суждении более опытного человека, — немедленно покинуть этот дом, поскольку принят здесь лишь как племянник моего дяди, теперь же я посторонний и, следовательно, мне тут больше делать нечего. Не будете ли вы так любезны показать, где тут выход и где дорога, чтобы добраться

до ближайшей гостиницы.

— Но только быстро, — буркнул Грин. — С вами хлопот не оберешься.

Однако при виде гигантского шага, который сделал Грин, срываясь с места, Карл тотчас остановился — что за подозрительная спешка — и, ухватив Грина за фалду пиджака, пронзенный внезапной истинностью своей догадки, сказал:

— Одно только еще вы мне должны объяснить. На конверте, что вы мне вручили, ведь ясно написано, что передать мне его следует в полночь, где бы я ни находился. Почему же в таком случае вы, ссылаясь на это самое письмо, меня удержали, когда я собрался отсюда уходить в четверть двенадцатого? Ведь вы тем самым превысили свои полномочия.

Грин предварил свой ответ красноречивым жестом, с преувеличенной наглядностью показывающим всю вздорность, да и бесполезность подобных препирательств.

— Может, на конверте еще написано, что мне надо, высунув язык, гоняться за вами повсюду? — спросил он язвительно. — Или, может, содержание письма позволяет толковать надпись именно в таком духе? Не удержи я вас, значит, пришлось бы вручать вам письмо ровно в пол-

ночь где-нибудь в чистом поле.

— Нет, — возразил Карл, не давая сбить себя с толку, — это не совсем так. По сути-то, на конверте написано «передать после полуночи». Раз уж вы так устали, могли вовсе за мной не ходить, или, что правда, даже господин Полландер отрицает, я бы к полуночи успел доехать до дяди, а может, ваш долг состоял как раз в том, чтобы усадить меня в свой автомобиль, о котором вы почему-то даже не заикнулись, и отвезти обратно к дяде, ведь я рвался к нему вернуться. Разве надпись не ясно указывает, что полночь — последний для меня срок? И вы, вы один виновны в том, что я этот срок упустил.

Впившись в Грина глазами, Карл, кажется, заметил, как на лице его стыд внезапного разоблачения борется с удовлетворенным злорадством. Наконец Грин собрался и резким тоном, будто решив на полуслове оборвать Карла, хотя тот и так давно молчал, бросил:

— Ни слова больше! — и, подтолкнув Карла, едва успевшего подхватить чемодан и зонтик, к какой-то узкой дверце, которую он вдруг распахнул, выставил его вон.

Карл с изумлением огляделся. Узкая, пристроенная к дому лесенка без перил круто сбегала

вниз. Надо только спуститься по ней, свернуть направо к аллее, а там уж и до проселка рукой подать. При такой ясной луне просто невозможно заблудиться. Правда, снизу доносился разноголосый лай псов, которые беспривязно бегали по саду в черной тени деревьев. В тишине хорошо были слышны их азартные прыжки и тяжелое, всеми четырьмя лапами, плюханье в траву.

Однако псы его не тронули, и Карл благополучно выбрался из сада. Он затруднялся определить, в какой стороне Нью-Йорк, когда ехали сюда, он не слишком-то присматривался к дороге, а зря, пригодилось бы. В конце концов он сказал себе, что ему совсем не обязательно в Нью-Йорк, где его никто особенно не ждет, а кое-кто не ждет и подавно. А коли так — он выбрал направление наугад и тронулся в путь.

Глава четвертая
Пешком в Рамзес

В небольшой гостинице, куда Карл вскоре добрался, — по сути, это был последний на подъезде к Нью-Йорку придорожный трактир, где на ночлег мало кто останавливался, — Карл потребовал койку, самую дешевую, какая есть, ибо твердо решил, что сразу же начнет экономить. В соответствии с запросом хозяин взмахом руки, словно коридорного, отправил Карла вверх по лестнице, где его встретила заспанная, растрепанная старуха, злющая оттого, что ее подняли среди ночи, и, почти не слушая Карла, зато шикая, чтобы не топал, отвела в комнату, дверь которой, не преминув напоследок еще раз прошипеть «тсс!», тут же за ним затворила.

Сперва Карл вообще не мог понять, то ли в комнате наглухо задернуты шторы, то ли в ней вовсе нет окон, — такая была вокруг темнотища; наконец он заприметил оконце, скорее даже просто люк, занавешенный какой-то тряпкой, которую он отодвинул, чтобы хоть что-то разглядеть. В комнате обнаружились две койки, но обе уже

были заняты. Карл узрел на них двух молодых людей, погруженных в мертвецкий сон, и вид этих постояльцев особого доверия ему не внушил — хотя бы по той причине, что спали оба почему-то в одежде, а один так и вовсе в сапогах.

В тот миг, когда Карл отдернул занавеску, один из спящих беспокойно потянулся, приподняв одновременно все четыре свои конечности, и проделал это столь уморительно, что Карл, как ни одолевало его беспокойство, поневоле усмехнулся.

Вскоре он убедился, что, невзирая на отсутствие в комнате софы, кушетки и каких-либо иных спальных мест, спать ему тут все равно нельзя: не может он рисковать своим только что возвращенным чемоданом и деньгами, которые у него в пиджаке. Уходить, однако, тоже неловко — не красться же, в самом деле, мимо старухи горничной и хозяина обратно на улицу? Да и навряд ли здесь, в гостинице, он подвергается большей опасности, чем среди ночи на проселочной дороге. Настораживало, впрочем, что нигде в комнате, насколько можно было ее в этом полумраке разглядеть, не видно никакого багажа. Но ведь вполне возможно и даже весьма вероятно, что эти молодые люди просто гостиничные слуги,

им скоро вставать, ублажать постояльцев, вот они и спят одетыми. Тогда, конечно, для Карла не слишком-то лестно спать в одной с ними комнате, но тем безопасней. Однако сейчас, покуда все сомнения полностью не развеялись, спать нельзя ни в коем случае.

На полу возле одной из кроватей он углядел свечу, а рядом спички и крадучись перетащил все это в свой угол. Свет он имеет право зажечь, в конце концов, он в этой комнате такой же хозяин, как и те двое, тем более что они уже полночи спят и кровати им достались, — словом, у них и так достаточно преимуществ. Впрочем, возясь со спичками и зажигая свечу, он старался производить как можно меньше шума, чтобы их не потревожить.

Первым делом он намеревался исследовать содержимое чемодана, дабы учинить смотр своему имуществу, большую часть которого он помнил уже лишь смутно, а самое ценное заведомо числил утерянным безвозвратно. Ибо если уж Шубаль к чему приложил руку, мало надежды получить это обратно в целости и сохранности. Шубаль, правда, наверно, рассчитывал получить от дяди щедрые чаевые, но, с другой стороны, при недостаче каких-то вещей мог запросто свалить

все на первого хранителя чемодана — господина Буттербаума.

В первый миг вид открытого чемодана попросту ужаснул Карла: сколько часов потратил он во время путешествия, укладывая и перекладывая свои вещи, теперь же все было перевернуто и напихано как попало, так что, едва он щелкнул замком, крышка сама упруго отскочила вверх. Но вскоре, к радости своей, Карл убедился, что причина беспорядка лишь в том, что ему дополнительно упаковали еще и его дорожный костюм, на который чемодан, собственно, не был рассчитан. Все до последней мелочи оказалось на месте. В потайном кармане пиджака помимо паспорта нашлись далее родительские деньги, так что если приложить к ним еще и те, что у него при себе, денег ему на первое время вполне хватит. Даже нательное белье, в котором он приехал в Америку, лежало тут же, чисто выстиранное и отглаженное. Не мешкая, он сунул в столь надежный потайной карман оставшиеся деньги, а заодно и часы. Досадно вот только, что колбаса, веронская салями, которая тоже оказалась на месте, пропитала все вещи своим пряным духом. Если не сыщется средство как-то отбить этот запах, придется Карлу еще не один месяц

распространять вокруг себя аромат копченостей.

Выуживая некоторые предметы с самого дна, как-то: карманную Библию, пачку почтовой бумаги, фотографию родителей, он наклонился, и кепка слетела у него с головы прямо в чемодан. Здесь, среди старых своих вещей, он тотчас ее узнал, это же его собственная кепка, та самая, которую мама дала ему с собой в дорогу. Он из предусмотрительности на корабле ее не носил, ибо слыхал, что в Америке вообще в шляпах не ходят, только в кепках, вот и решил свою поберечь до прибытия на место. Теперь же ею попользовался господин Грин, чтобы на его, Карла, счет позабавиться. Может, и трюк с кепкой дядя ему поручил провернуть? В ярости Карл невольно схватился за крышку чемодана, которая тут же с громким стуком захлопнулась.

Теперь все пропало — соседи пробудились. Сперва потянулся и зевнул один, за ним, как по команде, другой. И это при том, что почти все содержимое чемодана вывалено на стол, будто специально для воров — налетай и бери. Отчасти дабы предотвратить эту возможность, отчасти чтобы сразу установить в отношениях полную ясность, Карл со свечой в руке приблизился к кроватям и объявил, кто он такой и по какому

праву здесь находится. Соседи, похоже, никаких объяснений не ждали вовсе, плохо соображая со сна, они только таращились на Карла без малейшего, впрочем, удивления. Это были еще совсем молодые ребята, однако тяжкая работа и нужда прежде времени заострила и ожесточила их лица: подбородки заросли клочковатой щетиной, давно не стриженные волосы свалялись и топорщились, и они тщетно пытались продрать свои глубоко запавшие глаза, спросонок потирая веки костяшками пальцев.

Карл спешил воспользоваться их сиюминутной слабостью и потому сказал:

— Меня зовут Карл Росман, я немец. Пожалуйста, раз уж мы вместе в комнате, скажите, как зовут вас и кто вы по национальности. Сразу же хочу предупредить, что на кровать не претендую, поскольку пришел позже вас и к тому же вообще спать не намерен. Кроме того, прошу не придавать значения моему дорогому костюму, я крайне беден, и видов у меня никаких.

Тот из парней, что поменьше, — это он спал в сапогах, — всевозможными гримасами, отмахиваясь руками и даже отбрыкиваясь ногами, дал понять, что ему все это совершенно неинтересно и что сейчас вообще не время для разговоров,

после чего снова улегся на кровать и мгновенно заснул, второй, смуглый с лица, тоже снова улегся, но прежде чем уснуть, произнес, лениво махнув рукой:

— Его вон зовут Робинсон, он ирландец, а меня — Деламарш, я француз и прошу оставить нас в покое.

С этими словами он, набрав в грудь побольше воздуха, задул у Карла свечу и уронил голову на подушку.

«Эта опасность покуда миновала», — сказал себе Карл и вернулся к столу. Если их сонливость не уловка, тогда все хорошо. Неприятно только, что один из них ирландец. Карл уже не помнил точно, в какой книге он еще дома вычитал, что в Америке надо очень остерегаться ирландцев. Пока он жил в доме дяди, у него были все возможности изучить вопрос об опасности ирландцев всесторонне, но он, опрометчиво полагая, что отныне от любых бед избавлен, начисто их упустил. Сейчас он решил при свете свечи, которую снова зажег, по крайней мере хоть рассмотреть этого ирландца как следует, и убедился, что он-то как раз выглядит побезобиднее, чем француз. В лице ирландца еще сохранился намек на детскую округлость, и он, насколько Карл, приподняв-

шись на цыпочки, издали мог разглядеть, даже слегка улыбался во сне блаженной и мирной улыбкой.

Сохраняя, несмотря на все это, твердую решимость не спать, Карл уселся на единственное в комнате кресло, отложив упаковку чемодана на потом, благо у него вся ночь впереди, и рассеянно, не читая, полистал Библию. Потом взял в руки фотографию родителей, на которой низкорослый отец стоял распрямившись, а мама сидела впереди него в кресле чуть ссутулясь. Одну руку отец положил на спинку кресла, а другой, сжатой в кулак, оперся на раскрытую книжку с картинками, что лежала сбоку от него на хлипком туалетном столике. Была и еще одна фотография, на ней вместе с родителями снялся и Карл: отец и мать пристально на него смотрят, а он, в центре, по указанию фотографа глядит прямо в камеру. Но эту фотографию ему с собой не дали.

Тем внимательней вглядывался он сейчас в лежащий перед ним снимок, то так, то этак пытаясь перехватить отцовский взгляд. Но, с какой стороны ни держал Карл свечку, отец никак не хотел оживать, даже его пышные усы торчком были какие-то не такие, как обычно, — это вообще неудачный снимок. Мама, правда, вышла

уже получше, только губы странно скривлены, будто ей делают больно, а она пробует улыбнуться. Карлу казалось, что этот контраст так бросается в глаза, что всякий, едва взглянув на фотографию, первым делом заметит именно его, а потом, присмотревшись, даже удивится — уж слишком явно, почти до несуразицы он очевиден. И как это вообще может снимок столь неопровержимо изобличить чьи-то скрытые чувства? На секунду он отвел глаза от фотокарточки. Когда же взглянул на фото снова, вдруг обратил внимание на мамину руку, что безвольно свесилась с подлокотника — совсем рядом, близко, словно подставленная для поцелуя. И подумал, что неплохо бы все-таки написать родителям, как оба они, а отец напоследок, уже в Гамбурге, даже со всей строгостью, от него того требовали. Он-то, правда, еще тогда, в тот ужасный вечер, когда мама, стоя у окна, объявила ему об Америке, клятвенно себе пообещал никогда им не писать, но что значат подобные клятвы несмышленого мальчишки, особенно здесь, в совсем иных обстоятельствах. С тем же успехом он мог бы тогда себе поклясться, что за два месяца жизни в Америке станет генералом американской полиции, а на самом деле вон он где — ютится вместе с двумя

бродягами на чердаке захудалой гостиницы под Нью-Йорком, да еще вынужден признать, что тут ему самое место. И он с улыбкой всматривался в родительские лица, словно пытаясь угадать, по-прежнему ли они хотят получить весточку от заблудшего сына.

Погруженный в созерцание, он вскоре почувствовал, что все-таки очень устал и вряд ли продержится всю ночь без сна. Фотокарточка выпала у него из рук, и вскоре он прильнул к ней лицом, ощущая, как глянцевитый лист холодит щеку. С этим приятным чувством он и заснул.

Проснулся он под утро оттого, что кто-то щекотал его под мышкой. Это француз разрешил себе подобную вольность. Но и ирландец уже стоял перед Карлом у стола, и теперь оба они изучали Карла с не меньшим интересом, чем Карл разглядывал их ночью. Карл не удивился тому, что не слышал, как они встали: видимо, они — и отнюдь не с преступными умыслами — старались не шуметь, а спал он крепко, к тому же сама процедура одевания и мытья не потребовала от них больших трудов.

Теперь наконец они друг другу представились как положено, и даже не без официальности, после чего Карл узнал, что соседи его по профессии

слесари-механики, долго мыкались в Нью-Йорке без работы и потому изрядно обнищали. В доказательство Робинсон распахнул пиджак, под которым не обнаружилось рубашки, о чем, впрочем, нетрудно было догадаться и раньше по сбившемуся накладному воротничку, пристегнутому к пиджаку на одной пуговице. Теперь они держали путь в городишко Баттерфорд, что в двух днях ходу от Нью-Йорка — там, по слухам, давали работу. Они ничуть не против, если Карл пойдет с ними, и даже пообещали, во-первых, подсобить ему тащить чемодан, а во-вторых, если сами работу получат, подыскать и ему место ученика, ибо уж это — если только работа вообще есть — проще простого. Не успел Карл толком согласиться, как они уже по-дружески ему посоветовали нарядный костюм снять, ибо при поступлении на любую работу это только помеха. А в этой гостинице как раз имеется прекрасная возможность от костюма избавиться, ведь здешняя горничная скупает ношеные вещи. Они споро помогли Карлу, который и насчет костюма тоже еще сомневался, стянуть с себя костюм и тут же его унесли. Когда Карл, оставшись один, еще полусонный, медленно надевал свой старый дорожный костюм, он уже начал раска-

иваться, что продал костюм, который в поисках места ученика, возможно, и повредил бы, зато для места получше очень бы даже пригодился, и распахнул дверь, чтобы окликнуть своих новых знакомцев, но только столкнулся с ними нос к носу, ибо они уже принесли и выложили на стол полдоллара, да еще с такими сияющими физиономиями, что невозможно было усомниться: они тоже заработали на этой сделке свою долю, и притом бессовестно большую.

Но сейчас некогда было с ними на этот счет объясняться, ибо ввалилась старуха горничная, по-прежнему заспанная, словно все еще ночь, и стала гнать всех троих в коридор, объявив, что надо прибрать комнату для новых постояльцев. Было совершенно ясно, что это только предлог и выставляет она их исключительно из вредности. Так что пришлось Карлу, который как раз собрался аккуратно уложить чемодан, молча наблюдать, как старуха, сгребя его вещи в охапку, с силой упихивает их в чемодан, словно каких-то непослушных зверьков обратно в клетку. Ребята-механики начали к ней приставать, дергать за юбку, похлопывать по спине и ниже спины, но если они полагали, будто оказывают этим Карлу услугу, то явно ошибались. Захлопнув крышку,

старуха сунула чемодан Карлу в руки, стряхнула с себя непрошеных ухажеров и вытолкала всех троих вон из комнаты, пригрозив, что, если будут баловать, не получат кофе. Она, похоже, начисто позабыла, что Карл все-таки в этой компании сам по себе, ибо не делала между ним и механиками никаких различий, — одна, мол, шайка. С другой стороны, эти двое уже продали ей костюм Карла, выказав тем самым, что теперь они в известном смысле все заодно.

В коридоре им еще долго пришлось слоняться в ожидании, причем особенно француз, ухвативший Карла под руку, беспрерывно ругался, грозил послать хозяина, если только тот посмеет высунуть нос, в нокаут и, видимо, в доказательство нешуточности своих намерений, яростно потирал друг о дружку грозно сжатые кулаки. Наконец появился беззащитный мальчуган, еще совсем ребенок, которому пришлось, подавая французу кофейник, чуть ли не встать на цыпочки. К сожалению, кофейник был только один, а втолковать мальчугану, что не худо бы принести по крайней мере чашки, оказалось делом безнадежным. Так что кофе пили по очереди — один присасывался к кофейнику, а двое других стояли и ждали. Карлу сразу же пить расхотелось, но неловко было оби-

жать новых товарищей, поэтому, когда очередь доходила до него, он только подносил кофейник к губам, делая вид, что пьет.

Напоследок ирландец швырнул металлический кофейник на каменный пол, и они, так ни с кем и не попрощавшись, вышли из гостиницы, окунувшись с порога в густой желтоватый рассветный туман. Шли по обочине, в основном молча, хоть и рядом, Карл тащил свой чемодан, и никто вроде бы не собирался его подменять, пока он сам не попросит; время от времени, выскакивая из тумана, мимо них проносился автомобиль, и все трое провожали его глазами — как правило, это были огромные грузовики, столь причудливые в своих очертаниях и столь стремительные в промельке, что взгляд даже не успевал различить, есть ли вообще в кабине люди. Потом колоннами, по пять в ряд, потянулись подводы, что везли в Нью-Йорк провизию, они занимали всю ширину дороги и шли таким сомкнутым строем, что перейти на другую сторону было немыслимо. Время от времени дорога вдруг расширялась, образуя площадь, в центре которой на высоком, вроде башни, помосте расхаживал туда-сюда полицейский, обозревая движение и регулируя жезлом его мощный главный поток

и притоки из боковых улиц, после чего — до следующей площади и следующего полицейского — все снова двигалось само собой, сохраняя, однако, благодаря дисциплине и выдержке молчаливых кучеров и шоферов добровольный и вполне терпимый порядок. Это всеобщее деловитое спокойствие более всего удивляло Карла. Если бы не мычание и визг не ведающей своей участи убойной скотины, сосредоточенную тишину над дорогой нарушал бы лишь мерный топот копыт да позвякивание цепей, надетых на колеса от пробуксовки. И это при том, что скорость передвижения, понятное дело, вовсе не везде была одинаковой. Если на иных площадях вследствие большого наплыва повозок и машин с боковых улиц образовывались пробки и вся колонна, разом запнувшись, ползла черепашьим шагом, то потом вдруг все неслись вперед чуть ли не опрометью, покуда движение, словно повинуясь некоему единому тормозу, снова не замедлялось и едва не застопоривалось. И, что странно, дорога совершенно не пылила, воздух над ней был чист и казался недвижим. Пешеходов не было, торговки не брели здесь на рынок поодиночке, как у Карла на родине, зато время от времени проезжали длинные грузовики, в плоских кузовах

которых стоя, с корзинами за спиной, — значит, наверно, все-таки рыночные торговки, — ехало до двадцати женщин, и все, как по команде, вытянув шеи, смотрели вперед, в надежде разглядеть причину затора и поскорее добраться до места. Попадались, впрочем, такие же грузовики, но без пассажиров: тут в кузове, руки в брюки, одиноко прохаживался мужчина. На бортах у этих машин красовались различные надписи, и на одной Карл, даже слегка вскрикнув от изумления, вдруг прочел: «Экспедиционная фирма „Якоб“ — срочный найм портовых грузчиков». Грузовик как раз медленно проползал мимо, и маленький шустрый человечек, примостившийся на подножке, радушным жестом пригласил всех троих в кузов. Карл поспешил юркнуть за спины своих попутчиков, словно испугавшись, что в кабине сидит сам дядя Якоб и сейчас его увидит. Он был рад, что механики приглашение отклонили, хоть его и несколько раздосадовали презрительные мины, которые они при этом скорчили. Пусть не воображают, будто поступить на службу к дяде ниже их достоинства! Он немедленно, хотя, конечно, в более осторожной форме, довел эту мысль до их сведения. На что Деламарш попросил его сделать одолжение и не лезть в дела, в которых он, Карл,

ничего не смыслит: мол, подобный способ нанимать людей — чистейшей воды надувательство, а фирма «Якоб» своими махинациями печально известна на все Соединенные Штаты. Карл ничего ему не ответил, но держался теперь поближе к ирландцу и вскоре даже попросил его немного понести чемодан, что тот в конце концов — Карл, правда, был вынужден не один раз повторить просьбу — и соблаговолил сделать. Однако тут же принялся ныть, что чемодан тяжеленный, покуда не выяснилось, что он явно не прочь облегчить свою ношу за счет колбасы, которая, надо понимать, весьма приглянулась ему еще в гостинице. Пришлось Карлу достать колбасу, которую француз сразу же забрал себе и, орудуя своим острым, похожим на финку ножом, почти целиком съел в одиночку. Робинсону еще время от времени перепадал ломтик, Карлу же, которому снова пришлось тащить чемодан — не бросать же на дороге, — не досталось вообще ни кусочка, словно он свою долю съел раньше. Клянчить свою же колбасу было неловко, да и мелочно, но Карла, конечно, разбирали обида и злость.

Туман тем временем рассеялся, вдали засияли вершинами неприступные горы, волнистой грядой уходя все дальше и теряясь в солнечной

дымке. По сторонам дороги тянулись сиротливые, плохо возделанные поля, обтекая мрачные острова огромных фабрик, черневших на фоне летней зелени копотью стен и труб. То тут, то там, разбросанные как попало, возвышались многоэтажные жилые казармы, в их бесчисленных окнах прихотливой игрой движения и цвета пестрела и подрагивала просыпающаяся утренняя жизнь, на утлые, хлипкие балкончики уже высыпали женщины и дети, а вокруг них, то открывая, то скрадывая их крохотные фигурки, то взбучиваясь, то опадая, колыхалось под порывами утреннего ветра развешанное или просто разложенное на перилах белье. Отведя взгляд от домов, можно было увидеть вьющегося высоко в небе жаворонка, а чуть пониже — шустрых ласточек, что беззаботно носились над дорогой, едва не чиркая по головам возниц и пассажиров.

Многое здесь напоминало Карлу о родине, и он засомневался, верно ли поступил, покинув Нью-Йорк и направляясь куда-то в глубь страны. В Нью-Йорке все-таки рядом океан, а значит, и возможность в любую минуту вернуться домой. При этой мысли он остановился и сказал своим попутчикам, что лучше, пожалуй, ему остаться в Нью-Йорке. Когда же Деламарш попросту

попытался силой потащить его дальше, Карл воспротивился, заявив, что он, наверно, все-таки вправе распоряжаться собой по собственному усмотрению. Так что ирландцу пришлось его уговаривать, объясняя, что Баттерфорд куда красивей Нью-Йорка, но и после этого оба они долго еще его упрашивали, прежде чем Карл согласился идти дальше. Да и то, может, не согласился бы, если бы не сказал себе, что для него, наверно, даже лучше попасть в такое место, откуда не так-то просто вернуться домой. Там он наверняка будет лучше работать, не забивая себе голову всякими ненужными мыслями, и быстрее выбьется в люди.

И, приняв такое решение, он теперь уже сам чуть ли не подгонял своих спутников, которые так радовались его рвению, что добровольно и без всяких просьб по очереди несли чемодан, предоставив Карлу только недоуменно гадать, в чем, собственно, причина их столь живой радости. Дорога мало-помалу забиралась в гору, и, когда они, время от времени останавливаясь передохнуть, оглядывались назад, им открывалась все более пространная панорама Нью-Йорка и прилегающей гавани. Мост, соединивший Нью-Йорк с Бруклином, тоненькой ниточкой

протянулся над Гудзоном, и, если сощурить глаза, казалось, будто ниточка подрагивает. Ни людей, ни движения на мосту не было видно, а полоса воды под ним поблескивала безжизненной гладью. Оба огромных города казались отсюда мертвыми, бессмысленными нагромождениями. Между зданиями, большими и поменьше, не угадывалось иных, кроме величины, видимых различий. В прорезях улиц, где-то в незримой их глубине, вероятно, шла своим чередом привычная городская жизнь, но ее укутывала легкая дымка, хоть и неподвижная, но, казалось, вот-вот готовая улетучиться. Даже в порту, крупнейшем в мире, наступило затишье, и только кое-где, и то скорее по воспоминаниям, чем наяву, взгляд как будто различал бороздящий воду корабль. Но проследить за его движением было невозможно — едва померещившись, корабль исчезал и больше уже не отыскивался.

Однако Деламарш и Робинсон, судя по всему, видели гораздо больше, руки их тянулись то направо, то налево, описывая в воздухе очертания площадей и парков, и оба так и сыпали незнакомыми названиями. Они решительно отказывались понимать, как это Карл, проведя в Нью-Йорке два с лишним месяца, умудрился

почти ничего не увидеть, кроме одной-единственной улицы. И пообещали, как только заработают в Баттерфорде деньжат, отправиться вместе с ним в Нью-Йорк и показать ему все достопримечательности, в особенности, конечно, те места и заведения, где можно от души повеселиться. Как бы в доказательство Робинсон в полный голос затянул песню, а Деламарш принялся прихлопывать в ладоши, — Карл с изумлением узнал знакомую мелодию из венской оперетты, которая сейчас, с английскими словами, понравилась ему даже больше, чем нравилась на родине. Так что у них получилось маленькое представление на открытом воздухе, в котором все трое приняли участие, и только огромный город внизу, где якобы так любили под эту мелодию развлекаться, внимал им холодно и равнодушно.

Потом Карл между прочим спросил, где находится «Экспедиционная фирма „Якоб“», и пальцы Робинсона и Деламарша дружно вскинулись, указывая то ли действительно в одну, то ли в две совершенно разные точки. Когда они снова тронулись в путь, Карл поинтересовался, скоро ли они заработают достаточно денег, чтобы вернуться в Нью-Йорк. Деламарш ответил, что, возможно, даже через месяц, ведь в Баттерфорде

нехватка рабочих рук и платить должны хорошо. Разумеется, деньги они будут складывать в общий котел, не важно, у кого какое жалованье, надо жить по-товарищески. Почему-то идея с общим котлом Карлу не понравилась, хотя он как ученик, ясное дело, должен был зарабатывать меньше своих спутников, у которых уже была специальность. Кроме того, Робинсон вскользь заметил, что, если в Баттерфорде работы не будет, они, конечно, пойдут дальше и либо где-нибудь устроятся сельскохозяйственными рабочими, либо отправятся в Калифорнию на золотые прииски, что, судя по его увлеченным рассказам, и было его самой заветной мечтой.

— Зачем же вы обучились на механика, если собрались на золотые прииски? — спросил Карл, с явной неохотой прислушиваясь к столь дальним и ненадежным прожектам.

— Зачем на механика обучился? — переспросил Робинсон. — Да уж, ясное дело, не для того, чтобы подыхать с голоду, как вот сейчас. А на приисках заработки хоть куда.

— Были когда-то, — буркнул Деламарш.

— И остались, — заверил Робинсон и с жаром принялся рассказывать о своих многочисленных знакомых, которые на приисках разбогатели и до

сих пор там сидят, хоть им, конечно, уже палец о палец ударять не надо, однако ему и, само собой, его товарищам они по старой дружбе помогут стать богачами.

— Ничего, в Баттерфорде какую-нибудь работу раздобудем, — сказал Деламарш, словно угадав затаенные помыслы Карла, однако особой уверенности в его словах слышно не было.

В течение дня они только однажды сделали привал — перед трактиром, прямо на улице, за столом, который, как показалось Карлу, был из железа, они поели почти сырого мяса, которое даже не резалось, его можно было только рвать ножом и вилкой. Хлеб был необычной, продолговатой формы, и в каждом каравае торчал воткнутый в него длинный нож. К еде подали странную жидкость черного цвета, от которой першило в горле. Но Деламаршу и Робинсону этот напиток был явно по вкусу, они то и дело поднимали кружки за исполнение всевозможных желаний и чокались, сдвигая кружки в воздухе и некоторое время подержав их на весу. За соседними столами сидели рабочие в забрызганных известкой робах, и все пили ту же черную жидкость. Мимо по дороге беспрерывно проносились машины, оставляя за собой клубы пыли, оседавшей пря-

мо на столы. Кругом из рук в руки передавали огромные газетные листы, все возбужденно обсуждали забастовку строителей, причем то и дело упоминалось имя Мака. Карл поинтересовался, кто это такой, и узнал, что это отец того самого Мака, его знакомого, крупнейший строительный предприниматель Нью-Йорка. Забастовка уже обошлась ему в миллион и чуть ли не грозила разорением. Карл ни слову не поверил из этой злорадной болтовни неосведомленных и завистливых людишек.

Помимо этого, обед был омрачен для Карла мучительным вопросом, кто и как будет расплачиваться. По здравому рассуждению, каждый вроде бы должен платить за себя, однако Деламарш, да и Робинсон уже не однажды успели заметить, что за последний ночлег выложили все свои оставшиеся деньги. Часов, колец или еще чего-нибудь ценного ни на том, ни на другом не было видно. А напрямик заявить, что они кое-что заработали на продаже его костюма, Карл тоже не мог — это означало бы оскорбление и разрыв навсегда. Однако, что самое удивительное, ни Деламарш, ни Робинсон нисколько насчет оплаты не беспокоились, а, напротив, пребывали в прекрасном расположении духа и при малейшей

возможности даже пытались заигрывать с официанткой всякий раз, когда та величавой, гордой походкой проплывала мимо их стола. Расчесанные на пробор тяжелые волосы слегка сползали ей на лоб и щеки, и она то и дело поправляла их ленивым движением своих полных рук. Наконец, когда уже казалось, что она вот-вот отзовется на заигрывания, официантка подошла к столу, оперлась на него обеими руками и спросила:

— Кто платить будет?

Никогда еще не взлетали руки с такой скоростью, как взлетели сейчас руки Деламарша и Робинсона, указующие на Карла. Тот не испугался, он к такому обороту уже был готов и даже не видел ничего предосудительного в том, что товарищи, от которых он ведь тоже ждал для себя кое-каких выгод, понадеялись на его кошелек, хотя куда приличнее было бы с их стороны со всей прямотой сказать ему об этом заранее. Неприятно только, что деньги-то ему надо выуживать из потайного кармана. Его же первоначальная задумка состояла в том, чтобы сберечь эти деньги на самый черный день, а пока что поставить себя со своими спутниками как бы на равных. Выгоды, которые он благодаря этим деньгам, а главное, их утаиванию приобретал

по сравнению со своими товарищами, с лихвой перевешивались тем обстоятельством, что они-то жили в Америке с детства, имели достаточно опыта и навыков в добывании денег и, наконец, в отличие от Карла не были избалованы иным, не столь нищенским образом жизни. Так что задумка относительно денег была совершенно правильная и из-за теперешнего недоразумения с оплатой обеда ни в коем случае не должна пострадать, в конце концов расход невелик, он может спокойно выложить на стол четверть фунта мелочью и заявить, что это последние его деньги, которые он готов пожертвовать на их совместное путешествие в Баттерфорд. Для пешего похода и такой суммы вполне хватит. Но беда в том, что он не знал, наберется ли у него столько мелочи, к тому же монеты вместе со сложенными купюрами хранились где-то глубоко в недрах потайного кармана и отобрать нужную сумму удобней всего было, вытряхнув содержимое на стол. А кроме того, весьма желательно, чтобы его попутчики об этом кармане вообще не узнали. Правда, их сейчас вроде бы куда больше занимала официантка, нежели то, как и чем Карл намерен расплачиваться. Деламарш потребовал счет и под этим предлогом заманил официантку

между собой и Робинсоном, так что теперь она могла отбиваться от их приставаний лишь одним способом — попеременно упираясь то одному, то другому ухажеру всей пятерней прямо в лицо и отпихивая. Тем временем Карл, взмокнув от напряжения, под столом собирал в горсть мелочь, по монетке нашаривая и выуживая ее из глубин потайного кармана. Наконец, хотя он еще плохо знал американские деньги, ему показалось, что — по крайней мере по весу — нужная сумма набирается, и он высыпал мелочь на стол. Звон монет мгновенно оборвал все шутки.

К досаде Карла и ко всеобщему изумлению, обнаружилось, что он выложил чуть ли не целый фунт. Никто, правда, не спросил, почему Карл раньше молчал об этих деньгах, которых вполне хватило бы на проезд до Баттерфорда по железной дороге, но все равно Карл почувствовал себя ужасно неловко. После того как за еду было уплачено, он медленно собрал со стола оставшиеся деньги, причем Деламарш успел еще выхватить одну монету у него из ладони, чтобы весьма игриво дать на чай официантке, которую он обхватил за талию и прижал к себе, а монетку протянул с другой стороны.

И после, когда они снова пустились в дорогу,

ни один из попутчиков ни словом не обмолвился о деньгах, за что Карл был им очень благодарен и какое-то время далее подумывал, не открыть ли им все свои сбережения, но потом оставил эту мысль, не найдя удобного предлога для такого признания. Ближе к вечеру дорога привела их в иную, более плодородную и на вид явно сельскую местность. Вокруг, куда ни глянь, простирались неразмежеванные поля, раскинув свою первую зелень по мягким склонам холмов, богатые поместья подступали с обеих сторон прямо к обочинам, и дорога часами тянулась между позолоченными решетками садовых оград, они много раз пересекли один и тот же плавный, ленивый поток и не однажды слышали гулкий грохот поездов, проносящихся где-то в вышине по взметнувшимся над дорогой виадукам.

Солнце только-только закатилось за ровную кромку дальних лесов на горизонте, когда на каком-то взгорке, посреди уютной рощицы, они устало повалились в траву передохнуть от тягот долгого пути. Деламарш и Робинсон блаженно растянулись на земле, собираясь с силами, а Карл сидел рядом и смотрел вниз, на дорогу, по которой, как и весь день, стремительно и легко проносились навстречу друг другу автомобили,

словно где-то в одной стороне их выпускали, а в другой, тоже бог весть где, принимали и отправляли встречные строго в том же количестве. С самого раннего утра и в течение всего дня Карл ни разу не видел, чтобы хоть один автомобиль остановился, чтобы хоть кто-то из пассажиров вылез.

Робинсон предложил провести ночь здесь — они, мол, уже порядком умаялись, чем раньше лягут, тем раньше завтра встанут и с новыми силами тронутся в путь, к тому же до наступления темноты вряд ли им найти более удобное и дешевое место для ночлега. Деламарш с ним согласился, и только Карл счел необходимым заметить, что вообще-то у него хватит денег, чтобы оплатить за всех троих ночлег в гостинице. Деламарш на это сказал, что деньги им еще пригодятся, пусть лучше Карл их прибережет. Иными словами, Деламарш ничуть не скрывал, что они на деньги Карла всерьез рассчитывают. Теперь, когда предложение его было одобрено, Робинсон, однако, поспешил добавить, что перед сном и перед завтрашней дорогой неплохо бы как следует подкрепиться, так что надо бы кому-то сбегать за едой в гостиницу, светящаяся вывеска которой — «Отель „Оксиденталь“» — виднелась

неподалеку, в той стороне, куда вел ответвившийся от дороги проселок. Поскольку никто из попутчиков не вызвался, Карл, как младший, без колебаний предложил свои услуги и, выслушав поручение принести сала, хлеба и пива, направился к гостинице.

Видимо, где-то поблизости был большой город, ибо первый же зал в гостинице, куда Карл вошел, был битком набит народом; вдоль стойки, что тянулась не только по продольной, но и по двум поперечным стенам, беспрерывно и во множестве сновали официанты в белых фартуках, но и они явно не успевали удовлетворить нетерпение многочисленных посетителей, ибо то тут, то там из разных углов доносились ругань, проклятия и возмущенный стук кулаков по столам. На Карла никто не обращал ни малейшего внимания; к тому же в самом зале, похоже, никого и не обслуживали, гости, теснившиеся за неудобными столиками — даже три человека закрывали собой такой столик почти целиком, — сами заказывали себе все, что нужно, у стойки и сами приносили все это на место. На каждом столике стояла большая бутылка то ли с маслом, то ли с уксусом, то ли еще с какой-то приправой, и все блюда, принесенные от стойки, тут же из этой бутылки

сдабривались. Чтобы добраться до стойки, где, очевидно, учитывая солидный объем его заказа, главные трудности еще только бы начались, Карлу пришлось протискиваться между столиками, что, разумеется, при всей осторожности немыслимо было проделать, не беспокоя, порой весьма бесцеремонно, многочисленных гостей, которые, однако, сносили все это совершенно бесстрастно, даже когда Карл — впрочем, не сам, его тоже кто-то пихнул — один из столиков чуть не опрокинул. Он, правда, тут же извинился, но его явно не поняли, как и он ни слова не разобрал из того, что ему прокричали в ответ.

У стойки он с трудом разыскал клочок свободного места, откуда долгое время ничего не мог разглядеть за выставленными локтями соседей. Здесь, похоже, у людей вообще была такая привычка — сидеть, выставив локоть и подперев голову рукой; Карл поневоле вспомнил, как у них в школе латинист Крумпаль пуще всего на свете ненавидел именно эту позу и, тихо и всегда незаметно подкравшись к зазевавшемуся ученику, молниеносно выхватывал из-за спины линейку и весьма чувствительным тычком сшибал выставленный локоть с парты.

Карл стоял, вплотную притиснутый к стойке,

ибо едва он к ней пробился, как позади него тут же поставили новый столик и один из усевшихся за него гостей, стоило ему, что-то рассказывая приятелям, слегка откинуться назад, уже задевал спину Карла полями своей большой шляпы. А надежды хоть что-то получить от официанта даже сейчас, когда оба громоздких соседа, урвав свое, наконец-то ушли, не было почти никакой. Карл уже несколько раз пытался прямо через столик ухватить пробегающего мимо официанта за передник, но те, затравленно оглянувшись, с ожесточением вырывались. Казалось, они вообще не умеют стоять — только и знают, что бегать. Если бы поблизости от Карла еще нашлось хоть что-то подходящее из еды и питья, он бы взял что нужно, спросил, сколько с него причитается, положил бы деньги на стойку и с превеликой радостью ушел. Но перед ним, как назло, стояли только блюда с какой-то рыбой вроде селедки, поблескивавшей черными, с золотистым отливом, чешуйчатыми спинками. Рыба, должно быть, очень дорогая, да ей толком и не наешься. Можно было еще дотянуться до маленьких бочонков с ромом, но снабжать своих товарищей ромом он не хотел, они и так, похоже, когда надо и не надо готовы злоупотребить самыми крепкими

спиртными напитками, и поощрять их в этом пагубном пристрастии он не намерен.

Оставалось, выходит, только одно — поискать другое, более удачное место у стойки и начать все сызнова. А он уже и так потерял слишком много времени. Часы в другом конце зала, стрелки которых отсюда, если как следует приглядеться, с трудом, но все же угадывались сквозь дым, показывали уже начало десятого. Однако в других местах возле стойки давка была еще больше, чем там, немного на отшибе, откуда Карл только что выбрался. Да и народу в зале становилось чем позднее, тем больше. Двери главного входа ходили ходуном, впуская вместе с громким «Хэлло!» все новых и новых посетителей. Кое-где гости уже самочинно расчищали пространство на стойке и усаживались прямо на прилавок, весело друг с другом чокаясь; это, несомненно, были самые лучшие места, откуда просматривался весь зал.

Карл, правда, все еще протискивался куда-то, но уже без всякой надежды хоть что-то получить. Он корил себя за легкомыслие: не зная здешних порядков, вызвался выполнять такое сложное поручение. Товарищи с полным правом его отругают, да еще, пожалуй, решат, что он своих денег пожалел, потому ничего и не принес. Теперь к то-

му же он очутился в той части зала, где все вокруг ели горячие мясные блюда с золотисто-желтой вареной картошкой, и ему казалось непостижимой загадкой, как это людям удается такое себе раздобыть.

И тут в нескольких шагах от себя он заметил пожилую женщину, явно из гостиничного персонала, которая весело беседовала с кем-то из гостей. При этом она не переставала прилаживать заколку к своей прическе. В тот же миг Карл решил, что попросит помощи у нее — хотя бы потому, что она, единственная в зале женщина, показалась ему как бы оазисом покоя среди всеобщего гама и столпотворения, а еще по той простой причине, что она единственная из обслуживающего персонала находилась в пределах досягаемости, если предположить, конечно, что при первых же обращенных к ней словах она не убежит по делам. Но ничего подобного — совсем наоборот. Карл еще даже не заговорил с ней, он, стоя рядом, еще только выжидательно прислушивался, а она, вдруг мельком глянув в сторону, как это бывает в разговоре, посмотрела на Карла, прервала беседу и приветливо, на ясном, как учебник грамматики, английском спросила, не нужно ли ему чего-нибудь.

— Очень нужно, — ответил Карл. — Только я ничего не могу здесь получить.

— Тогда пойдемте со мной, малыш, — сказала она, попрощалась со своим знакомым, который в ответ приподнял шляпу, что выглядело здесь знаком поистине невероятной учтивости, взяла Карла за руку, подвела его к стойке, решительно кого-то отодвинула, откинула дверцу барьера, миновала вместе с Карлом проход за стойкой, где надо было остерегаться неутомимо снующих туда-сюда официантов, отворила какую-то потайную дверь в стене — и в тот же миг они очутились в большой, прохладной кладовой.

— Просто надо знать, что к чему, — улыбнулась она Карлу. — Так что вам угодно? — спросила она, услужливо к нему склоняясь. Это была очень полная женщина, все тело ее колыхалось, но лицо, особенно, конечно, в сравнении с фигурой, сохранило почти детскую нежность очертаний.

При виде стольких припасов, тщательно разложенных вокруг на столах и полках, Карл чуть было не поддался соблазну заказать ужин повкуснее, тем более что эта добрая женщина явно пользовалась здесь влиянием и, наверно, отпустила бы ему все недорого, но, поскольку ничего особенного ему с ходу в голову не пришло, он

назвал все те же сало, хлеб и пиво.

— Больше ничего? — удивилась женщина.

— Нет, спасибо, — ответил Карл. — Но, пожалуйста, на троих.

На вопрос женщины, где же остальные двое, Карл вкратце рассказал о своих спутниках, ему было приятно, что его так участливо расспрашивают.

— Но это же еда для арестантов, — все еще недоумевала женщина и явно ждала, не попросит ли Карл чего-нибудь еще. Но тот, опасаясь, что она решила его пожалеть и денег вообще не возьмет, застенчиво промолчал. — Что ж, это-то мы мигом устроим, — сказала она, после чего с удивительной для ее комплекции подвижностью подошла к столу, отрезала длинным, похожим на саблю и таким же острым ножом большой шмат сала, обильно прослоенного мясом, достала с полки каравай хлеба, выхватила из ящика на полу три бутылки пива и, уложив все в легкую соломенную корзинку, протянула корзинку Карлу. Проделывая все это, она еще успела объяснить Карлу, что потому привела его именно сюда, что в зале, на стойке, продукты, хоть они и недолго там задерживаются, все равно теряют свежесть от духоты и табачного дыма. Но для этой пуб-

лики и так сойдет, они все слопают. Карл и тут промолчал, ибо не мог понять, чем заслужил такое предпочтение. Однако подумал о своих попутчиках, которым, хоть они и мнят себя в Америке старожилами, а до этой вот кладовки вряд ли бы добраться и наверняка пришлось бы довольствоваться прокуренной, испорченной пищей с общего прилавка. Из шумного зала сюда не доносилось ни звука, наверно, только очень толстые стены могли сохранить под этими сводами такую тишину и прохладу. Карл уже довольно долго стоял с корзинкой в руках, но платить вроде бы не думал и с места не двигался. Лишь когда женщина вдобавок ко всему протянула ему бутыль наподобие тех, что стояли в зале на столах, он, словно очнувшись, испуганно поблагодарил и отказался.

— А далеко ли вы направляетесь? — спросила она.

— В Баттерфорд, — ответил Карл.

— О, так это еще очень далеко, — протянула женщина.

— Еще день пути, — пояснил Карл.

— Разве? А не дольше? — удивилась она.

— Да нет, — ответил Карл.

Женщина продолжала что-то перекладывать

на столах, тут, торопливо озираясь, вошел официант, женщина указала ему на большое блюдо с сардинами, слегка присыпанными зеленью петрушки, официант подхватил блюдо и, вскинув над головой, вынес в зал.

— А почему, собственно, вы решили спать на улице? — спросила женщина. — У нас тут места достаточно. Могли бы в гостинице переночевать.

Предложение звучало очень заманчиво, тем более что прошлую ночь Карл провел скверно.

— У меня там багаж, — ответил он в нерешительности, хотя и не без доли тщеславия.

— Так несите его сюда, — удивилась женщина. — Багаж в гостинице не помеха.

— Но мои товарищи… — Карл запнулся, только сейчас поняв, что они-то главная помеха и есть.

— Они, разумеется, тоже могут у нас переночевать, — сказала женщина. — Давайте, приходите! Не заставляйте себя так упрашивать.

— Мои товарищи вообще-то люди славные, — мялся Карл, — но не слишком опрятные.

— Вы что, не видели, какая грязища в зале? — спросила женщина, брезгливо поморщившись. — Уж к нам-то действительно всякий может прийти. Так что я распоряжусь приготовить три постели. Правда, только в мансарде, отель сейчас забит, я

сама на мансарду перебралась, но все же это куда лучше, чем под открытым небом.

— Не могу я привести своих товарищей! — вырвалось у Карла. Он живо представил себе, какой шум поднимут эти двое в коридорах респектабельного отеля. Робинсон тут же все что можно перепачкает, а Деламарш наверняка еще и приставать начнет к этой милой женщине.

— Не могу понять, что вас так смущает, — сказала женщина, — но если уж вам так не хочется, оставьте ваших друзей на улице, а сами приходите сюда.

— Нет, это не годится, никак не годится, — возразил Карл. — Они мои товарищи, и я останусь с ними.

— Вы, однако, упрямый, — заметила женщина, отводя глаза. — Вам хотят добра, предлагают помощь, а вы отбиваетесь изо всех сил.

Карл и сам все это прекрасно понимал, но выхода все равно не видел и потому сказал только:

— Большое вам спасибо за вашу любезность. — Но тут же спохватился, что еще не заплатил, и спросил, сколько с него причитается.

— Когда корзину вернете, тогда и сочтемся, — ответила женщина. — Учтите, корзина мне нужна самое позднее к завтрашнему утру.

— Хорошо, — ответил Карл.

Она отворила дверь, что вела из кладовой прямо на улицу, и, когда Карл, поклонившись ей, уже выходил, сказала на прощанье:

— Спокойной ночи. Только все равно поступаете вы неправильно.

Он уже отошел на несколько шагов, когда она крикнула ему вдогонку:

— Так, значит, до завтра!

Едва он очутился на улице, как до слуха его долетел все тот же неутихающий шум из зала, к которому теперь добавилось еще и громыханье духового оркестра. Он порадовался, что ему не пришлось выбираться обратно через эту жуткую толчею. Отель теперь сиял всеми окнами своих шести этажей, ярко и во всю ширь освещая дорогу у него под ногами. Где-то впереди по-прежнему, хоть уже и не столь плотной чередой, проносились машины, вырастая из темноты стремительней, чем днем, они жадно ощупывали полотно дороги белыми лучами своих фар, которые как бы меркли, когда машины пересекали световое пятно отеля, а потом, разгораясь все ярче, снова вбуравливались в черноту ночи и постепенно исчезали вдали.

Спутников своих Карл застал уже спящими

глубоким сном, но он и правда отсутствовал слишком долго. Только он собрался аппетитно разложить добытую снедь на листах бумаги, которые тоже нашлись в корзинке, чтобы уж потом, все приготовив, разбудить товарищей, как вдруг с ужасом увидел, что его чемодан, который он оставил запертым, а ключ унес с собой в кармане, теперь разинут настежь и почти все содержимое разбросано вокруг на траве.

— Вставайте! — закричал он в панике. — Пока вы тут дрыхнете, у нас побывали воры!

— Что-нибудь пропало? — заспанным голосом спросил Деламарш.

Робинсон, еще полусонный, сразу же потянулся за бутылкой.

— Не знаю, — крикнул Карл, — но чемодан открыт. Какое разгильдяйство — самим завалиться спать, а чемодан оставить без присмотра!

Оба спутника почему-то рассмеялись, а Деламарш сказал:

— В следующий раз не будете так надолго исчезать. Гостиница в двух шагах, а вы три часа где-то бродите. Мы же голодные, подумали, может, у вас в чемодане найдется что-то съестное, вот и пощекотали замок, пока он не открылся. Только там нет ничего, так что можете спокойно складывать

все обратно.

— Вот как, — только и вымолвил Карл, глядя на стремительно пустеющую корзину и прислушиваясь к странным звукам, издаваемым присосавшимся к бутылке Робинсоном: жидкость сперва тихо булькала в горле, потом как бы с присвистом вырывалась обратно и лишь после этого с утробным урчанием устремлялась внутрь, как в воронку.

— Ну что, вы все съели? — спросил он, когда оба начали сыто отдуваться.

— А вы разве не перекусили в гостинице? — спросил в ответ Деламарш, полагая, видимо, что Карл претендует на свою долю.

— Если вы еще не наелись, извольте поторопиться, — сказал Карл, направляясь к чемодану.

— Э, да он никак капризничает? — притворно изумился Деламарш, обращаясь к Робинсону.

— Я не капризничаю, — ответил Карл, — но мне не нравится, когда в мое отсутствие взламывают мой чемодан и разбрасывают мои вещи. Я знаю, между друзьями допустимы кое-какие вольности, и я был к ним готов, но это уже слишком. Я заночую в гостинице и в Баттерфорд с вами не иду. Доедайте скорей, мне надо вернуть корзинку.

— Видишь, Робинсон, — произнес Деламарш, —

как с нашим братом говорят. Вот что значит хорошие манеры. Одно слово — немец. Ты-то меня сразу предупреждал, но я, дурак, тебя не послушал, принял его в компанию. Мы к нему со всей душой, с чистым сердцем, целый день с собой тащим, по меньшей мере полдня из-за него теряем, а он теперь, благо кто-то там его в гостинице поманил, хочет сказать нам до свиданья, и дело с концом. Но поскольку он не просто немец, а плохой немец, он не говорит нам это в открытую, он находит предлог с чемоданом, а поскольку он к тому же еще и немец-грубиян, он не может уйти просто так, не оскорбив напоследок нашу честь и не обозвав нас ворами — и все из-за невинной шутки, которую мы разыграли с его чемоданом.

Укладывая вещи, Карл, не оборачиваясь, сказал:

— Продолжайте в том же духе, мне только легче будет уйти. Уж я-то знаю, что такое товарищество. Там, в Европе, у меня тоже были друзья, и никто из них не упрекнет меня в неверности, а в подлости и подавно. Сейчас-то, конечно, они далеко, но если я когда-нибудь вернусь на родину, все они встретят меня с радостью и каждый опять будет мне другом. А вас, Деламарш, и вас, Робинсон, — это вас-то я предал, после того как

вы, не отрицаю и никогда не стану отрицать, проявили ко мне дружеское участие и даже посулили место ученика в Баттерфорде? Нет, причина не в этом, а совсем в другом. У вас нет ничего, и в моих глазах это нисколько вас не унижает, а вот вы не можете мне простить то немногое, что у меня есть, и всячески стараетесь меня обидеть, чего я, конечно, стерпеть не могу. Теперь же, когда вы вскрыли мой чемодан и ни словом не сочли нужным извиниться, а вместо этого оскорбляете, и не только меня, но и мой народ, — теперь вы сами лишили меня всякой возможности с вами оставаться. Впрочем, к вам, Робинсон, все это, пожалуй, почти не относится. Вас можно упрекнуть лишь в том, что вы слишком зависите от Деламарша.

— Вот теперь-то и видно, — сказал Деламарш, подойдя к Карлу и слегка ткнув его в спину как бы для того, чтобы тот обернулся, — теперь-то и видно, что вы за птица. Сперва он целый день ходит за мной, как за нянькой, чуть ли не за юбку держится, смотрит в рот, каждое движение повторяет и вообще ведет себя пай-мальчиком. А потом, когда его в гостинице кто-то приветил, он начинает нам тут мораль читать. Да вы, оказывается, мелкий прохвост, и я еще не знаю, потерпим

ли мы такое обхождение. И не потребуем ли должок за обучение, раз уж вы целый день за нами подглядывали. Ты слыхал, Робинсон, он полагает, мы позавидовали его богатству. Да один день работы в Баттерфорде, не говоря уж о Калифорнии, и у нас будет в десять раз больше монет, чем те, которыми вы тут звенели и которые еще у вас в подкладке припрятаны. Так что поосторожней в выражениях.

Бросив чемодан, Карл встал и увидел, что все еще заспанный, но несколько повеселевший от пива Робинсон тоже направляется к ним.

— Пожалуй, если я тут с вами останусь, меня ждут еще кое-какие сюрпризы, — сказал Карл. — Вы, как я погляжу, собрались меня избить.

— Всякому терпению приходит конец, — изрек Робинсон.

— Вы, Робинсон, лучше помолчите, — оборвал его Карл, не спуская глаз с Деламарша, — в душе-то вы признаете, что я прав, но показать боитесь, потому что вы с ним заодно.

— Что, решили переманить его на свою сторону? — ехидно спросил Деламарш.

— И не подумаю, — ответил Карл. — Я рад, что от вас ухожу, и ни с одним из вас не хочу больше иметь дела. Еще только одно я вам скажу, раз уж

вы попрекнули меня моими деньгами, которые я от вас скрыл. Даже если и так — разве это неправильно по отношению к людям, с которыми ты знаком всего несколько часов, и разве вы своим поведением сейчас не подтвердили правильность моих действий?

— Только спокойно, — сказал Деламарш Робинсону, хотя тот и не думал двигаться. Потом спросил у Карла: — Раз уж вы так обнаглели в своей откровенности, раз уж у пас такой задушевный пошел разговор, то не стесняйтесь, выкладывайте всю правду до конца: что это вас так потянуло в гостиницу?

Карл невольно попятился, перешагнув чемодан, — так близко подступил к нему Деламарш. Но того это ничуть не смутило, он ногой отпихнул чемодан в сторону и сделал еще шаг вперед, водрузив ботинок прямо на белую манишку, что оставалась лежать на траве, и повторил вопрос.

Словно в ответ ему на дороге, где-то внизу, вдруг появился мужчина: светя себе ярким карманным фонариком, он уже взбирался по склону, явно направляясь в их сторону. Это был официант из отеля. Едва завидев Карла, он сказал:

— Я уже полчаса вас разыскиваю. Все кусты вдоль дороги облазил. Госпожа главная кухарка

просит вам передать, что корзина, которую она вам одолжила, срочно ей понадобилась.

— Вот она, — ответил Карл сдавленным от волнения голосом.

Деламарш и Робинсон с напускной скромностью тут же отошли в сторонку, как всегда это делали при появлении любого добропорядочного человека. Официант забрал корзинку, но добавил:

— Еще госпожа главная кухарка просила узнать: может, вы все-таки передумали и заночуете в отеле? И двое других господ тоже могут пожаловать, если вы желаете взять их с собой. Постели уже приготовлены. Ночи сейчас, правда, теплые, однако спать на траве совсем небезопасно, у нас тут змеи водятся.

— Раз уж госпожа главная кухарка столь любезна, я, пожалуй, воспользуюсь ее приглашением, — ответил Карл и выжидательно посмотрел на своих спутников.

Но Робинсон стоял столбом, а Деламарш, засунув руки в карманы, изучал звезды. Оба, очевидно, предполагали, что Карл и теперь, после всего, что произошло, возьмет их с собой.

— В таком случае, — продолжил официант, — мне велено проводить вас в отель и доставить

ваш багаж.

— Тогда подождите, пожалуйста, минутку, — попросил Карл и нагнулся, чтобы собрать в чемодан немногие оставшиеся вещи.

Внезапно он выпрямился. Фотографии не было, она лежала в чемодане с самого верху, а теперь куда-то подевалась. Все остальное на месте, и лишь фотографии не было.

— Я не вижу фотографию, — почти умоляюще обратился Карл к Деламаршу.

— Какую фотографию? — переспросил тот.

— Фотографию моих родителей, — пояснил Карл.

— Не видели мы никакой фотографии, — сказал Деламарш.

— Не было там никакой фотографии, господин Росман, — поддакнул ему Робинсон со своего места.

— Но этого же быть не может, — простонал Карл, беспомощным взглядом подзывая на подмогу официанта. — Она лежала сверху, а теперь ее нет. И надо было вам устраивать шутки с моим чемоданом!

— Это совершенно исключено, — заявил Деламарш. — Фотографии в чемодане не было.

— Она мне дороже, чем все остальное в че-

модане, — сказал Карл официанту, который ходил вокруг, осматривая траву. — Ее ничем не заменишь, второй такой у меня не будет. — И когда официант прекратил безнадежные поиски, сокрушенно добавил: — Это единственная родительская карточка, какая у меня была.

Официант в ответ на это громко и без малейшей щепетильности заявил:

— Что ж, полагаю, тогда надо бы поискать у обоих господ в карманах.

— Да! — немедленно согласился Карл. — Я должен ее найти. Но прежде чем мы обыщем карманы, я хочу им сказать вот что: тот, кто добровольно вернет мне фотографию, получит чемодан со всем содержимым. — Повисло напряженное молчание, потом Карл сказал официанту: — Что ж, очевидно, мои товарищи предпочитают обыск. Но и теперь я по-прежнему обещаю чемодан тому, у кого в кармане найдется фотография. Это все, что я в силах сделать. Официант тут же приступил к обыску Деламарша, тот показался ему покрепче, чем Робинсон, которого он предоставил Карлу. Он предупредил Карла, что обыскивать надо непременно обоих сразу, чтобы они ничего не могли потихоньку выбросить или передать друг другу. В первом же кармане

у Робинсона Карл с ходу обнаружил собственный галстук, но забирать его не стал и крикнул официанту:

— Что бы вы там у Деламарша ни нашли, пожалуйста, все ему оставьте. Мне нужна только фотография, а кроме фотографии — ничего.

Обыскивая внутренние карманы Робинсона, Карл ненароком коснулся его горячей, жирной груди, и только тут до его сознания дошло, что он, должно быть, подвергает своих товарищей страшному унижению. Он заторопился, стараясь поскорей покончить с этим неприятным делом. К тому же все оказалось напрасным: ни у Робинсона, ни у Деламарша фотографии не нашлось.

— Бесполезно, — сказал наконец официант.

— Наверно, они ее порвали, а клочки выбросили, — предположил Карл. — Я-то думал, они мне друзья, но втайне они хотели мне только напакостить. Вряд ли это Робинсон, у него бы ума не хватило догадаться, что фотография для меня — самое дорогое, зато Деламарш наверняка.

Карл говорил это, видя перед собой только официанта, чей фонарик выхватывал из темноты маленький кружок света, за пределами которого все, в том числе Робинсон и Деламарш, тонуло в глубоком мраке.

Теперь, разумеется, и речи не было о том, чтобы брать этих двух с собой в гостиницу. Официант вскинул чемодан на плечо, Карл взял корзинку, и они пошли. Уже на дороге, очнувшись от тягостных дум, Карл остановился и крикнул куда-то вверх, в темноту над склоном:

— Эй, вы, послушайте! Если фотография все еще у кого-то из вас и он принесет мне ее в гостиницу, я отдам ему чемодан и в полицию — клянусь! — заявлять не буду.

Ответа как такового не последовало, долетел какой-то обрывок слова, а может, выкрик Робинсона, которому Деламарш, очевидно, мгновенно зажал рот. Карл долго еще дожидался — может, они там, наверху, передумают. Потом дважды, с расстановкой, крикнул:

— Я все еще тут!

Но ни звука не было в ответ, лишь неожиданно скатился по склону камень — то ли случайно, то ли брошенный наугад чьей-то рукой.

Глава пятая
Отель «Оксиденталь»

В отеле Карла сразу же отвели в комнату наподобие конторы, где главная кухарка с блокнотом в руках диктовала деловое письмо сидевшей тут же машинистке. Отчетливая, словно наизусть, диктовка и плотный, уверенный перестук клавиш дружно заглушали уловимое лишь изредка тиканье стенных часов, которые показывали уже почти половину двенадцатого.

— Так, — сказала главная кухарка, захлопывая блокнот, после чего машинистка тут же вскочила и накрыла машинку деревянным футляром, проделав это чисто автоматически и не спуская с Карла глаз. Выглядела она еще почти школьницей: передник очень тщательно отутюжен, на плечах даже оборки воланами, волосы аккуратно собраны в довольно высокую прическу, и все эти мелочи как-то не вязались с недетской серьезностью ее лица. Поклонившись сперва начальнице, потом Карлу, машинистка вышла, и Карл невольно перевел на главную кухарку свой вопрошающий взгляд.

— Это замечательно, что вы все-таки пришли, — сказала та. — А где же ваши товарищи?

— Я их не взял, — ответил Карл.

— Они, должно быть, очень рано завтра выходят, — предположила кухарка, словно подыскивая за Карла подходящее объяснение.

«Уж не думает ли она, что и я завтра выхожу с ними?» — мелькнуло у Карла, и во избежание дальнейших недоразумений он пояснил:

— Мы поссорились и расстались окончательно.

Главная кухарка, похоже, восприняла эту новость как приятную.

— Так вы, значит, свободны? — спросила она.

— Да, свободен, — отозвался Карл, и ничто не казалось ему сейчас никчемней его свободы.

— Послушайте, а вы не хотите получить место у нас в отеле? — спросила вдруг главная кухарка.

— Я бы с радостью, — ответил Карл, — только знаний у меня почти никаких. Я вот, к примеру, даже на машинке печатать не умею.

— Это не страшно, — успокоила его главная кухарка. — Начать, конечно, придется с самой скромной должности и потихоньку пробиваться наверх, а уж дальше все будет зависеть от вашего усердия и терпения. Но, по-моему, для вас же

лучше где-то осесть и закрепиться, чем так вот по белу свету болтаться. Сдается мне, такая жизнь не для вас.

«Тут бы и дядя под каждым словом подписался», — подумал Карл и утвердительно кивнул. В тот же миг он спохватился — о нем проявляют столько заботы, а он даже не представился.

— Извините, пожалуйста, — сказал он, — я забыл представиться, меня зовут Карл Росман.

— Вы немец, не так ли?

— Да, — подтвердил Карл. — Я недавно в Америке.

— А откуда вы?

— Из Праги, это в Чехии, — пояснил Карл.

— Смотрите-ка! — воскликнула главная кухарка по-немецки с сильным английским акцентом и чуть не всплеснула руками. — Да мы, выходит, земляки; меня зовут Грета Митцельбах, и я из Вены! А Прагу я отлично знаю, ведь я полгода проработала в «Золотом гусе» на площади Святого Вацлава. Нет, подумать только!

— А когда это было? — поинтересовался Карл.

— О, много-много лет назад.

— «Золотого гуся» снесли два года назад, — сообщил Карл.

— Да, конечно, — рассеянно кивнула глав-

ная кухарка, мыслями все еще витая где-то в прошлом. Но потом, вдруг разом оживившись, схватила Карла за руки и воскликнула: — Но раз уж вы мой земляк, вам ни за что нельзя от нас уезжать! Обещайте мне, что этого не сделаете. Как вы смотрите на то, чтобы, допустим, стать у нас лифтером? Одно ваше слово — и вы им станете. Вот обживетесь немного — сами увидите: получить такое место совсем не просто, ведь для начала ничего лучше не придумаешь. Вы встречаетесь со всеми гостями, всегда у них на виду, они дают вам мелкие поручения, — короче, у вас каждый день есть возможность подыскать что-нибудь получше. А уж об остальном предоставьте позаботиться мне.

— В лифтеры я с удовольствием пойду, — сказал Карл после непродолжительного раздумья.

Было бы величайшей глупостью с его-то пятью классами гимназии — и отказаться от места лифтера. Здесь, в Америке, этих пяти классов впору скорей стыдиться. К тому же мальчишки-лифтеры всегда нравились Карлу, они казались ему как бы украшением отеля.

— А разве не требуется знание языков? — спросил он еще на всякий случай.

— У вас есть немецкий и превосходный англий-

ский, этого вполне достаточно.

— Английский я только в Америке выучил, за два с половиной месяца, — сообщил Карл, решив, что глупо умалчивать о своем единственном достоинстве.

— Одно это уже говорит за вас, — похвалила его главная кухарка. — Как вспомню, сколько я в свое время с английским мучилась. Но это, правда, уже давно, тридцать лет назад. Как раз вчера об этом думала. У меня вчера день рожденья был, пятьдесят стукнуло. — И она с улыбкой глянула на Карла, пытаясь по его лицу угадать, какое впечатление произвел на того ее уже столь солидный возраст.

— Я вас поздравляю и желаю счастья, — сказал Карл.

— Это никогда не помешает, — ответила она, пожимая руку Карла и слегка погрустнев от этой вспомнившейся вдруг присказки, произнесенной на родном языке. — Но я совсем вас заговорила, — снова всполошилась она. — Вы же наверняка очень устали, а обсудить все куда лучше будет завтра днем. Пойдемте, я отведу вас в вашу комнату.

— У меня только еще одна просьба, госпожа главная кухарка, — сказал Карл, заметив на

одном из столов телефонный аппарат. — Не исключено, что завтра утром, возможно, даже очень рано утром, мои бывшие товарищи занесут фотографию, которая крайне мне нужна. Не затруднит ли вас позвонить портье и сказать, чтобы он этих людей ко мне пропустил или меня к ним вызвал?

— Разумеется, — с готовностью откликнулась главная кухарка, — но почему бы портье просто не взять у них фотографию, а потом передать вам? И что это за фотография, если не секрет?

— Фотография моих родителей, — ответил Карл. — Нет, я должен сам с ними переговорить.

На это главная кухарка ничего больше не сказала, позвонила на стойку портье и передала соответствующее поручение, назвав при этом и номер комнаты Карла — пятьсот тридцать шестой.

Потом они вместе вышли в вестибюль и через дверь, что как раз напротив парадного входа, попали в узкий коридорчик, в конце которого возле лифта, облокотившись на перила, спал стоя совсем еще маленький мальчишка-лифтер.

— Мы и без него справимся, — шепотом сказала главная кухарка, пропуская Карла в лифт. — Конечно, работать по десять — двенадцать часов

многовато для такого мальчика, — пояснила она, пока они поднимались в лифте. — Но в Америке так принято. Взять, к примеру, этого малыша: он итальянец, только полгода, как приехал сюда с родителями. Сейчас у него такой вид, как будто ему эту работу нипочем не осилить: с лица совсем осунулся, засыпает на посту, хотя от природы он совсем не лентяй, но проработает еще полгода здесь или в другом месте и будет с легкостью все выдерживать, а через пять лет станет настоящим сильным мужчиной. Я знаю множество таких примеров и могла бы часами о них рассказывать. При этом вас я даже не имею в виду, вы-то крепкий юноша. Вам ведь семнадцать, верно?

— Через месяц шестнадцать исполнится, — ответил Карл.

— Даже еще только шестнадцать? — удивилась она. — Тем более. Главное — не терять мужества!

Наверху она отвела Карла в комнату, которая скосом одной из стен хоть и обнаруживала свое расположение в мансарде, но в остальном выглядела при веселом свете двух лампочек очень даже уютно.

— Обстановка пусть вас не пугает, — предупредила главная кухарка, — это не гостиничный номер, а всего лишь комната в моей квартире, но

у меня три комнаты, так что вы мне нисколько не помешаете. Смежную дверь я запру, так что можете не стесняться. Завтра, став сотрудником отеля, вы, конечно, получите свою комнатушку. Если бы вы пришли с товарищами, я бы распорядилась постелить вам в общем спальном зале для прислуги, ну а так, раз вы один, я думаю, вам здесь будет удобней, хоть и придется спать на софе. Ну, а теперь спите как следует и набирайтесь сил для работы. Завтра, впрочем, день у вас еще не тяжелый.

— Большое вам спасибо за вашу доброту.

— Погодите, — проговорила она, останавливаясь на пороге, — этак вас скоро опять разбудят. — И, подойдя к одной из боковых дверей, постучала в нее и крикнула: — Тереза!

— Слушаю, госпожа главная кухарка! — донесся оттуда голос маленькой машинистки.

— Завтра, когда будешь меня будить, пройди коридором, тут в комнате спит гость. Он до смерти устал. — Говоря все это, она улыбалась Карлу. — Ты поняла?

— Да, госпожа главная кухарка.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи и вам.

— Дело в том, — сочла нужным объяснить

главная кухарка, — что я последние годы ужасно плохо сплю. Сейчас-то должность у меня хорошая, и можно ни о чем не тревожиться. Но, наверно, прежние тревоги дают себя знать, оттого и бессонница. Если в три удается заснуть, это, считайте, хорошо. Но поскольку в пять, самое позднее в полшестого мне уже надо быть на рабочем месте, приходится просить, чтобы меня будили, причем очень осторожно, иначе я весь день буду еще больше нервничать, чем обычно. Вот Тереза меня и будит. Но теперь вы уж и вправду все знаете, а я никак не уйду. Спокойной ночи!

С этими словами, несмотря на свою полноту, она почти выпорхнула из комнаты.

Карл с радостью предвкушал блаженный сон, ибо день и вправду выдался тяжелый. А более уютного места для сладкого, беспробудного сна и желать было нельзя. Комната, правда, обставлена не как спальня, скорее это жилая комната, если не парадная гостиная главной кухарки, и умывальный столик внесли сюда только на сегодняшний вечер исключительно ради него, тем не менее Карл совсем не чувствовал себя здесь незваным, а, пожалуй, напротив, — желанным гостем, о котором позаботились. Чемодан его уже принесли, вот он, стоит поблизости и, похоже,

давно уже не был в большей безопасности. На низком комоде, укрытом вязанной в крупную петлю скатеркой, в рамочках и под стеклом были расставлены фотографии, возле которых Карл, обходя комнату, невольно задержался и теперь их разглядывал. Фотографии в большинстве были старые и запечатлели в основном молоденьких девушек в чопорных, давно вышедших из моды платьях, в маленьких, но высоких шляпках, чудом удерживающихся на голове, — опираясь правой рукой на зонтик, девушки вроде бы и смотрели прямо перед собой, но перехватить их взгляд не удавалось. Среди мужских снимков внимание Карла привлек портрет молодого солдата: положив перед собой пилотку на столик, он стоял навытяжку, явно гордясь своей буйной черной шевелюрой и с трудом сдерживая распирающий его озорной смех. Пуговицы мундира фотограф тщательно раскрасил позолотой. Все фотографии, судя по всему, были еще из Европы, в чем нетрудно было бы убедиться, прочитав подписи на обороте, но Карл не решился трогать чужие вещи. Вот так же, как здесь, на самом виду, и он мог бы поставить фотографию родителей в своей будущей комнате.

Едва он, весь как следует вымывшись и проде-

лав это как можно тише, дабы не потревожить соседку, в предвкушении блаженного сна растянулся на кушетке, как вдруг ему послышалось, будто в одну из дверей робко постучали. Сразу невозможно было определить, в какую дверь именно, к тому же это мог быть и просто случайный шорох. Звук вроде бы не повторился, и Карл уже почти заснул, когда он раздался снова. Но теперь уже не было сомнений, что это именно стук и доносится он из-за двери машинистки. Карл на цыпочках подбежал к двери и на всякий случай еле слышно, чтобы никого не разбудить, если там все-таки спят, спросил:

— Вам что-нибудь нужно?

Из-за двери тотчас же и так же тихо донеслось:

— Вы не могли бы открыть дверь? Ключ с вашей стороны.

— Конечно, — ответил Карл, — только сперва оденусь.

Возникла небольшая заминка, потом тот же голос произнес:

— Это необязательно. Откройте, а сами ложитесь в кровать, я подожду.

— Хорошо, — сказал Карл и сделал все, как ему посоветовали, только включив вдобавок электричество.

— Я уже лег, — произнес он чуть громче.

В тот же миг из темноты своей комнаты на пороге возникла маленькая машинистка, одетая точно так же, как недавно в конторе, словно все это время она и не думала ложиться спать.

— Простите, ради Бога, — пролепетала она и уже очутилась возле кушетки, слегка склоняясь над Карлом, — и, прошу вас, не выдавайте меня. К тому же я совсем ненадолго, я знаю, что вы очень устали.

— Да нет, не настолько, — ответил Карл, — но, наверно, лучше бы мне все-таки было одеться.

Ему приходилось лежать пластом, до подбородка укрывшись одеялом, ведь у него не было ночной рубашки.

— Я только на минуточку, — сказала она, хватаясь за спинку стула. — Можно, я сяду к кушетке?

Карл кивнул. Она тут же села, да так близко, что Карлу пришлось отодвинуться к стене, иначе ему трудно было на нее смотреть. У нее было округлое, правильное лицо, только лоб, пожалуй, высоковат, но, возможно, это из-за прически, которая не очень-то ей шла. Одета очень чистенько и аккуратно. В левой руке она нервно тискала платочек.

— Вы надолго у нас останетесь? — спросила

она.

— Это еще не вполне ясно, — ответил Карл, — но думаю, что останусь.

— Хорошо бы вы остались, — вздохнула она, проводя платком по лицу, — а то мне здесь так одиноко.

— Вот уж не ожидал, — удивился Карл. — По-моему, госпожа главная кухарка очень к вам добра. И относится к вам вовсе не как к подчиненной. Я даже решил, что вы родственницы.

— О нет, — ответила девушка. — Меня зовут Тереза Берхгольд, я из Померании.

Карл тоже представился. В ответ девушка впервые подняла на него глаза, словно он, назвав свое имя, почему-то стал ей чуточку более чужим. Они помолчали немного. Потом она сказала:

— Не подумайте, что я такая неблагодарная. Без госпожи главной кухарки мне бы совсем худо пришлось. Раньше-то я здесь, в отеле, на кухне работала и была уже на волосок от увольнения, потому что не справлялась с тяжелой работой. Тут требования очень суровые. Месяц назад одна девушка, тоже с кухни, от переутомления просто упала в обморок и две недели пролежала в больнице. А я вообще не очень сильная, в детстве много болела и из-за этого такая хилая, вы вон,

наверное, тоже не догадались, что мне уже восемнадцать. Но ничего, теперь-то я скоро окрепну.

— Да, служба здесь, похоже, и впрямь не сахар, — сказал Карл. — Только что я видел внизу мальчишку-лифтера, так он стоя спал.

— И это при том, что лифтерам еще живется лучше всех, — живо откликнулась девушка, — они кучу денег зарабатывают на чаевых, и им все же не приходится так надрываться, как людям на кухне. Но тут мне и вправду хоть раз в жизни повезло, госпоже главной кухарке понадобилась помощь — салфетки к банкету приготовить, и она послала на кухню, нас там девчонок человек пятьдесят, я оказалась под рукой и сумела угодить: уж что-что, а салфетки я всегда хорошо складывала. Вот с тех пор она и стала держать меня при себе и постепенно сделала своей секретаршей. Мне, конечно, многому пришлось научиться.

— Неужели тут так много писанины? — удивился Карл.

— Ой, очень много, — пожаловалась девушка, — вы даже представить себе не можете. Вы же видели, я работала сегодня до половины двенадцатого, а это мой самый обычный день. Хотя вообще-то я не все время за машинкой, иногда

хожу в город за покупками.

— А что за город, как хоть называется? — поинтересовался Карл.

— Вы разве не знаете? — изумилась она. — Рамзес.

— Большой? — спросил Карл.

— Ой, очень, — ответила девушка. — Я не люблю туда ходить. Но вы правда еще спать не хотите?

— Нет-нет, — заверил ее Карл. — Я ведь еще не знаю, зачем вы пришли.

— Так ведь не с кем поговорить. Не подумайте, что я плакса, но когда у тебя совсем никого нет, такое счастье хоть кому-то излить душу. Я вас еще внизу в зале заметила, пришла позвать госпожу главную кухарку и видела, как она вас в кладовую повела.

— Жуткий зал, — вспомнил Карл.

— А я уже внимания не обращаю, — обронила девушка. — Так я что хотела сказать: госпожа главная кухарка добра ко мне почти как покойная мама, царство ей небесное. Но слишком уж большая разница в нашем служебном положении, чтобы мне говорить с ней по душам. Среди девушек с кухни у меня были раньше хорошие подружки, но их уже давно здесь нет, а новых

я почти не знаю. И потом, мне иногда кажется, что нынешняя работа выматывает меня куда больше, чем прежняя, и что справляюсь я с ней даже хуже, чем на кухне справлялась, а госпожа главная кухарка держит меня вроде как только из жалости. В конце концов, не такое уж хорошее у меня образование для секретарши. Грех, конечно, такое говорить, но я страшно боюсь того и гляди сойти с ума. Боже правый! — спохватилась вдруг она и заговорила быстро-быстро, непроизвольно даже тронув Карла за плечо, поскольку руки он спрятал под одеялом: — Только ни слова об этом госпоже главной кухарке, иначе я и вправду пропала. Если вдобавок ко всем хлопотам, которые я причиняю ей на работе, она еще за меня переживать начнет, это уж точно будет конец.

— Разумеется, я ничего ей не скажу, — заверил ее Карл.

— Вот и хорошо, — успокоилась девушка. — Только вы оставайтесь. Я буду рада, если вы останетесь — мы бы подружились, если вы, конечно, не против. Я как вас увидела — сразу почувствовала к вам доверие. Хотя — представляете, какая я нехорошая — мне и страшно сделалось: вдруг госпожа главная кухарка возьмет вас секретарем на мое место, а меня уволит. И только потом, пока

вы были внизу в конторе, я тут долго одна сидела и в конце концов решила, что даже хорошо будет, если вы смените меня на этой работе, ведь вы наверняка гораздо лучше в ней разберетесь. А если не захотите делать закупки в городе, эта обязанность могла бы остаться за мной. Хотя вообще-то на кухне от меня куда больше толку, особенно теперь, когда я уже немного окрепла.

— Все уже решено, — сказал Карл. — Я буду лифтером, а вы остаетесь секретаршей. Но если вы хоть словом обмолвитесь госпоже главной кухарке об этих ваших замыслах, я, как ни жаль, буду вынужден рассказать ей все, что вы мне тут наговорили.

Эта шутливая угроза столь сильно, однако, подействовала на Терезу, что та с плачем бухнулась перед кроватью на колени, испуганно зарывшись лицом в одеяло.

— Да не скажу я ничего, — успокаивал ее Карл, — но и вы ничего не говорите.

Теперь уже прятаться под одеялом было просто неловко, Карл осторожно поглаживал девушку по руке, не зная, чем ее утешить, и размышляя о том, какая все-таки несладкая здесь жизнь. Наконец она худо-бедно успокоилась, даже устыдилась своих слез и, подняв на Карла благодарные глаза,

стала уговаривать завтра утром спать подольше, обещая, если работа позволит, подняться к нему около восьми и разбудить.

— Я слышал, будить вы умеете замечательно, — польстил ей Карл.

— Да, кое-что я умею, — улыбнулась она, на прощанье ласково провела рукой по его одеялу и убежала к себе.

На следующий день Карл настоял на том, чтобы приступить к службе немедленно, хотя главная кухарка намеревалась предоставить ему этот день для знакомства с городом. Но Карл без обиняков заявил, что на это время еще найдется, а сейчас для него самое главное — начать работать, ибо одно дело в жизни он уже успел в Европе забросить и теперь начинает лифтером в том возрасте, когда его сверстники, по крайней мере наиболее усердные из них, уже на подходе к местам ступенькой повыше. Вполне справедливо, что он начинает простым лифтером, но справедливо и то, что ему надо особенно торопиться. А коли так, то и осмотр города не доставит ему никакой радости. Даже на короткую прогулку, несмотря на уговоры Терезы, он не соблазнился. В голове все время свербила мысль, что если он не будет прилежно трудиться, то в конце концов

докатится до того же, что Деламарш и Робинсон.

У гостиничного портного Карлу подобрали лифтерскую форму, на вид просто шикарную, с золотыми галунами и пуговицами, но, надев ее, он невольно содрогнулся — так жестко и зябко стиснул ему плечи форменный сюртук, к тому же под мышками неистребимо влажный от пота всех, кто носил его до Карла. Форму, однако, еще пришлось подгонять по его фигуре, особенно в груди, поскольку ни один из десяти наличных комплектов решительно не хотел на него лезть. Несмотря на потребовавшиеся пошивочные работы и крайнюю, казалось бы, придирчивость мастера — принесенная и якобы совершенно готовая форма дважды летела от его руки обратно на доделку, — вся процедура заняла не более пяти минут, и Карл покинул ателье уже законченным лифтером в облегающих брюках и весьма узком, несмотря на решительные опровержения мастера, кителе, который то и дело подбивал своего обладателя на робкие попытки дыхательных упражнений, дабы убедиться, что он еще способен дышать.

Затем Карл явился к одному из старших распорядителей, под чье начало он теперь поступал, — это был стройный, красивый мужчина лет

сорока, с большим носом. Времени на разговоры с Карлом у него не было ни секунды, и он звонком немедленно вызвал другого лифтера — по случаю им оказался как раз тот мальчишка, которого Карл вчера видел. Старший распорядитель назвал его только по имени — Джакомо, но Карл даже это выяснил лишь потом, ибо в английском произношении имя изменилось до неузнаваемости. Этому мальчишке и было поручено показать Карлу все необходимое для лифтерской службы, но он проделал это столь запуганно и торопливо, что даже то, в сущности, немногое, что следовало показать, Карл от него не усвоил. К тому же Джакомо явно был не в духе, так как, очевидно, именно из-за Карла лишился вчера лифтерского места и теперь был придан в помощь горничной, что по каким-то соображениям, о которых он, впрочем, умалчивал, воспринималось им как бесчестье. Более всего Карла разочаровало, что лифтер, оказывается, лишь постольку имел дело с механикой лифта, поскольку нажатием кнопки приводил его в движение, тогда как ремонт двигателей и все прочие технические работы выполнялись гостиничными монтерами, так что Джакомо, например, за целых полгода службы ни разу не видел своими глазами ни машинного от-

деления в подвале, ни механизмов в самом лифте, хотя его, как он честно признался, это очень бы интересовало. Вообще это была монотонная работа, к тому же из-за двенадцатичасовых смен, попеременно то днем, то ночью, до того тяжелая, что, по мнению Джакомо, ее вообще невозможно выдержать, если не научиться хоть на минуточку иногда засыпать стоя. Карл на это ничего не сказал, но про себя подумал, что, наверно, именно это искусство и стоило Джакомо места.

Зато очень порадовало Карла, что лифт, который ему предстояло обслуживать, предназначался лишь для верхних этажей, и, значит, ему не придется иметь дело с богатыми постояльцами, самой капризной и привередливой публикой. Правда, на этом участке и всем тонкостям нового ремесла не обучишься, так что место это хорошо лишь для начала.

Первая же неделя работы убедила Карла, что лифтерская служба вполне ему по плечу. Латунные ручки, решетки и поручни его лифта всегда были отдраены до блеска, ни один из тридцати других лифтов не мог с ним тут соперничать, и они, наверно, сияли бы еще ослепительней, проявляй его сменщик хоть долю такого же усердия, вместо того чтобы пользоваться рвением

Карла для прикрытия и поощрения собственной лености. Этот сменщик был урожденный американец, по имени Реннел, темноглазый форсистый парень с чуть впалыми щеками на гладком красивом лице. Предметом его особой гордости был элегантный костюм, в котором он в свободные от работы вечера, слегка надушившись, уходил в город, иногда он и в свою смену просил Карла подменить его вечером, ссылаясь на какие-то семейные обстоятельства и нимало не смущаясь тем, что его внешний вид подобным отговоркам никак не соответствует. Карл тем не менее вполне с ним ладил и даже любил, когда Реннел в такие вечера, перед тем как отправиться в город, неизменно останавливался перед ним возле лифта в своем нарядном костюме, еще раз бормотал какие-то извинения, натягивая перчатки на тонкие пальцы, и уж потом спешил по коридору к выходу. Хотя вообще-то, соглашаясь на такие подмены, Карл всего лишь оказывал дружескую услугу старшему товарищу по работе, что на первых порах считал только естественным, но вводить в привычку отнюдь не собирался. Ибо бесконечная езда в лифте вверх-вниз была все же достаточно утомительна, а уж и подавно вечером, когда ездить приходилось почти беспрерывно.

Вскоре Карл научился и коротким, но почтительным поклонам, которые полагалось делать лифтерам, а чаевые подхватывал на лету. Монеты мигом исчезали в кармане его жилетки, и по его лицу никто бы не смог догадаться, насколько щедрым или, наоборот, скупым было вознаграждение. Перед дамами он распахивал дверь с едва заметным налетом галантности и следовал за ними в лифт с подчеркнутой осторожностью, ибо они, оберегая свои юбки, шляпки и оборки, ступали обычно нерешительней, чем мужчины. В самом лифте он старался держаться как можно неприметней, стоя вплотную к дверцам спиной к пассажирам и ухватившись за ручки, дабы в момент остановки раздвинуть дверцы как бы внезапно, никого, однако, при этом не испугав. Редко кто из гостей, случалось, трогал его за плечо, чтобы о чем-то узнать, и тогда он стремительно оборачивался, будто только того и ждал, и ясным, четким голосом отвечал на вопрос. Несмотря на то что лифтов в отеле было много, довольно часто — особенно вечерами после театра или по прибытии некоторых скорых поездов — в вестибюле возникала такая толкучка, что он, едва выпустив наверху очередную партию пассажиров, стремглав летел вниз

забрать следующую. В таких случаях у него имелась возможность, подтягивая проходящий через кабину трос, увеличивать обычную скорость лифта, что, впрочем, запрещалось техническим предписанием и вроде бы было опасно. Карл никогда этого не делал, везя пассажиров, но, выпустив их наверху и зная, что внизу ждут новые, он забывал о всякой предосторожности и перебирал трос резкими, равномерными рывками не хуже заправского матроса. Он прекрасно знал, что другие лифтеры поступают точно так же, и не хотел упускать своих пассажиров. Отдельные постояльцы из тех, кто живет в гостинице подолгу, что, кстати, отнюдь не было здесь редкостью, уже стали дружески улыбаться Карлу, показывая, что признали в нем своего лифтера, и Карл принимал эти мелкие знаки отличия хоть и без ответной улыбки, но с видимым удовольствием. В те часы, когда работы было не слишком много, он успевал выполнять и разные мелкие поручения, например, принести гостю, которому лень было возвращаться, позабытую в номере вещицу, — тогда он один взлетал в своем, в такие минуты особенно ему послушном лифте наверх, входил в чужую комнату, полную диковинных, по большей части никогда прежде не виданных

им вещей, разложенных вокруг или висящих на вешалках, вдыхал незнакомый запах чужого мыла, духов, зубного эликсира и, найдя, несмотря на обычно весьма приблизительные указания, то, что нужно, ни секунды не задерживаясь, спешил обратно. Порой он весьма сожалел, что не может выполнять более серьезные поручения — для таких надобностей в отеле имелись специальные слуги и рассыльные, которые совершали далекие поездки на велосипедах и даже на мотоциклах, Карл же мог услужить гостям только мелкими побегушками из номера в ресторан или в игорный зал, да и то лишь при благоприятном случае.

Когда он после двенадцатичасовой смены, трижды в неделю в шесть вечера, еще три раза — в шесть утра, приходил с работы, он был настолько измотан, что, никого и ничего вокруг не замечая, сразу направлялся к своей койке. Койка стояла в спальном зале лифтеров, ибо госпожа главная кухарка, чье положение в отеле, видимо, было все же не столь влиятельно, как ему показалось в первый вечер, хоть и прилагала усилия, дабы раздобыть для него отдельную комнатенку, и усилия эти в конце концов, возможно, далее увенчались бы успехом, но когда Карл увидел, с какими это сопряжено трудностями и как часто ей прихо-

дится вести по этому поводу долгие телефонные переговоры с его начальником, тем самым чрезвычайно занятым старшим распорядителем, он сам предложил от этой затеи отказаться и убедил главную кухарку в серьезности своего решения, сославшись на то, что не хочет вызывать зависть других лифтеров этим ничем пока не заслуженным преимуществом.

Правда, чем-чем, а спокойным местом для сна назвать этот спальный зал было никак нельзя. Поскольку каждый из обитателей по-своему распределял двенадцать часов свободного времени на еду, сон, развлечение и побочные заработки, в зале постоянно бурлила жизнь. Одни спали, натянув на голову одеяла, чтобы ничего не слышать, но если все же кто-то просыпался от шума, то в ярости так истошно вопил, требуя тишины, что неминуемо разбудил бы и мертвеца, не говоря уж об остальных спящих. Почти у каждого парня была своя трубка, это считалось здесь особым шиком, Карл тоже завел себе трубку и вскоре пристрастился к курению. Но на службе курить не разрешалось, и, как следствие этого запрета, здесь, в зале, всякий, кто сколько-нибудь бодрствовал, всенепременно и дымил. Вследствие чего каждая койка тонула в своем облаке дыма,

а весь зал в общем сизом чаду. Невозможно было добиться, хотя большинство в принципе эту идею с готовностью поддерживало, чтобы ночью свет горел лишь в одном конце зала. Осуществись это предложение — и каждый, кто хотел спать, мог бы спокойно предаться сну в одной, темной половине зала, — а это был большой зал на сорок коек, — тогда как остальные в освещенной части могли бы играть в карты, в кости и предаваться всем прочим занятиям, которым без света предаваться невозможно. Даже если чья-то койка оказывалась в освещенной половине зала, выспаться можно было бы на любой другой, благо свободных коек всегда было в избытке и никто не возражал против такого временного использования своего спального места. Однако не было ни одной ночи, когда удалось бы соблюсти это уже вроде бы всеми одобренное правило. Всегда находились, допустим, двое, которые, худо-бедно отоспавшись под покровом темноты, решали перекинуться в картишки, положив между собой на кровати доску и, разумеется, включив подходящую для такого случая электрическую лампочку, чей нестерпимый свет яркой вспышкой бил в лицо спящему соседу, отчего тот испуганно вскакивал. Конечно, сосед после

этого мог еще некоторое время поворачаться с боку на бок, пытаясь снова заснуть, но в конце концов не находил ничего лучшего, как вместе с другим разбуженным соседом затеять свою партию в карты и включить еще одну лампочку. И, разумеется, все при этом нещадно дымили своими трубками. Были, впрочем, и такие, кто пытался спать любой ценой — Карл, как правило, принадлежал к их числу, — и, вместо того чтобы просто положить голову на подушку, клали подушку на голову или зарывались в нее изо всех сил, но как тут будешь спать, если ближайший сосед встает среди ночи, чтобы перед работой еще успеть в поисках развлечений прогуляться по городу, если он, громко фыркая и брызгаясь, начинает мыться под умывальником, установленным возле изголовья каждой кровати, если он не только надевает и при этом попутно чистит сапоги, но еще и притопывает, чтобы как следует в них влезть, — сапоги здесь почти все носили по американской моде, короткие, с широким голенищем, но почему-то очень узкие на ноге, — и под конец, недосчитавшись какой-то мелочи в своем туалете, попросту сдергивает подушку с головы спящего, который, впрочем, давно уже проснулся и, распираемый яростью, только и ждет повода

наброситься на обидчика с кулаками. Но тут каждый был спортсмен, благо ребята все были молодые, в большинстве физически крепкие, и возможность помериться силами не упускал никто. Так что если среди ночи ты вскакивал, разбуженный внезапными криками, можно было не сомневаться, что где-нибудь поблизости, а то и прямо на полу возле твоей койки, ты обнаружишь сцепившихся в яростной схватке противников, а вокруг, при ярком свете электричества, стоящих на всех кроватях заинтересованных болельщиков в кальсонах и ночных рубашках. Однажды во время подобного ночного боксерского поединка один из участников рухнул прямо на спящего Карла, и первое, что тот увидел, раскрыв глаза, была кровь, ручьем хлеставшая у парня из носа и залившая всю постель, прежде чем Карл успел опомниться. Порой Карл все двенадцать часов проводил в тщетных попытках урвать хоть немного сна, как ни подмывало его разделить с остальными их беззаботные развлечения, — однако ему все время казалось, что они, остальные, получили в своей жизни какое-то перед ним преимущество, которое ему надо наверстывать прилежной работой и отказом от некоторых удовольствий. Так что хоть его — главным образом

из-за монотонности работы — то и дело клонило в сон, он ни словом не посетовал ни главной кухарке, ни Терезе на обстановку в спальном зале, ибо, во-первых, от нее в общем-то все ребята страдали одинаково и никто по этому поводу особенно не скулил, а во-вторых, эти мучения, надо понимать, были неотъемлемой частью его лифтерской службы, которую ведь он именно из рук главной кухарки с благодарностью принял.

Раз в неделю, при пересменке, ему полагались сутки отдыха, лучшую часть которых он использовал на то, чтобы заглянуть разок-другой к главной кухарке и повидаться с Терезой, чьи жалкие крохи свободного времени приходилось подкарауливать, дабы перемолвиться с девушкой словечком где-нибудь в уголке или на ходу в коридоре и лишь изредка — у нее в комнате. Иногда он сопровождал Терезу в ее походах в город по делам, которые всегда бывали крайне спешными. Тогда они почти бегом, Карл с ее сумкой в руке, устремлялись к ближайшей станции подземки, поезд мчал их, как во сне, словно влекомый неведомо куда могучей и необоримой силой, и вот они уже вылезали, взбегали, не дожидаясь слишком медленного для них подъемника, вверх по ступенькам, и их взорам распахивались просторные

площади со звездообразным разлетом улиц, с грохотом и мельканием стекающегося со всех сторон и столь же торопливо растекающегося бурного и целеустремленного городского движения, но Карлу и Терезе было некогда, рука об руку, чтобы не потеряться в толчее, они спешили в различные конторы, прачечные, склады и магазины, куда надо было передать мелкие, по телефону трудно выполнимые, а вообще-то не слишком ответственные заказы или претензии. Вскоре Тереза убедилась, что помощь Карла в таких делах совсем не пустяк, а напротив, позволяет многие из них весьма ускорить. В сопровождении Карла ей уже не приходилось вопреки обыкновению подолгу дожидаться, пока перегруженные делами приказчики обратят на нее внимание и выслушают. Карл решительно направлялся к конторке и до тех пор требовательно стучал по ней костяшками пальцев, покуда к нему не подходили, он не тушевался перед стеной людских спин, а, привстав на цыпочки, что-то выкрикивал через головы на своем, все еще немножко слишком отчетливом, а потому и среди сотни голосов легко различимом английском, он без колебаний проходил к нужному начальнику, сколь бы высокомерно ни укрывался тот в самых недоступных

глубинах бесконечных конторских залов. И поступал так вовсе не из нахальства, давая понять, что ценит чужую занятость, но исключительно в интересах своей фирмы, которая наделяла его правом на такую настойчивость, ведь как-никак отель «Оксиденталь» не та клиентура, с которой можно шутки шутить, да и Тереза, в конце концов, несмотря на весь ее деловой опыт, явно нуждалась в его мужской помощи.

— Если бы вы всегда со мной ходили! — говорила она иногда со счастливым смехом, когда они возвращались после особенно удачно выполненного поручения.

Лишь трижды за полтора месяца, что Карл провел в Рамзесе, ему удавалось подольше, по нескольку часов, побыть у Терезы в комнатке. Была она, разумеется, поменьше, чем любая из комнат главной кухарки, вся скудная мебель, что тут стояла, можно сказать, теснилась вокруг единственного окна, но Карл по горькому опыту жизни в спальном зале уже мог оценить достоинства собственной, отдельной, более или менее тихой комнаты, и хоть не говорил об этом вслух, однако Тереза заметила, как ему у нее нравится. У нее не было от него секретов, да и нехорошо было бы что-то от него скрывать после

того, как она пришла к нему тогда в первый же вечер. Она росла внебрачным ребенком, отец ее устроился в Америке полировщиком на стройке и вызвал их с матерью к себе из Померании, но то ли посчитал на этом свой долг выполненным, то ли ожидал увидеть совсем других людей, а не изможденную женщину с чахлым ребенком, которых он встретил на причале, — как бы там ни было, но вскоре после их приезда он без долгих объяснений перебрался на жительство в Канаду, а они, оставшись в Америке, не имели с тех пор от него ни писем, ни иной весточки, что, впрочем, отчасти и неудивительно, поскольку в бедняцких районах на востоке Нью-Йорка они и сами затерялись без следа.

Однажды Тереза рассказала ему — Карл стоял рядом у окна и смотрел на улицу — о смерти своей матери. О том, как они вместе с мамой — Терезе было тогда, наверно, лет пять — зимним вечером, каждая со своим узлом за плечами, быстро шли куда-то по пустынным улицам в поисках ночлега. Как мама сперва вела ее за ручку, потому что была метель и идти было трудно, пока рука не окоченела, и тогда мама, даже не обернувшись, выпустила ладошку Терезы, которой пришлось теперь идти самой и что есть сил цепляться за

мамину юбку. Тереза часто спотыкалась и даже падала, но мама была словно в беспамятстве и не останавливалась. А метели на длинных и прямых нью-йоркских улицах ужас какие! Карл вот еще не знает, что такое зима в Нью-Йорке. Идешь против ветра, а он такие буруны закручивает, что глаза открыть невозможно — все время снег по лицу, как наждаком, ты бежишь — и не можешь сдвинуться с места, хоть плачь. Ребенку-то по сравнению со взрослым легче, он бежит как бы под ветром, и ему это все даже весело, вроде игры. Вот и Тереза тогда не вполне понимала, что творится с мамой, она и сейчас уверена, веди она себя в тот вечер поумней — но она-то была еще совсем ребенок, — мама не умерла бы такой ужасной смертью. Мама тогда уже два дня была без работы, денег в кармане ни гроша, весь день они провели на улице, без куска во рту, а в узлах одно бесполезное тряпье, выбросить которое они не решались, наверно, просто из суеверия. Но на завтра маме вроде бы пообещали место на стройке, только она очень боялась — и весь день твердила и втолковывала это Терезе — упустить такую удачу, потому что еле жива от усталости, — она еще утром, к ужасу прохожих, прямо на улице кашляла кровью, и

очень сильно, а теперь единственным ее желанием было где-нибудь отогреться и прийти в себя. Но как раз в тот вечер, как назло, свободных мест нигде в ночлежках не было. Там, где управляющий домом не гнал их прямо из парадного, в котором все-таки можно хоть немного отдышаться от ветра и стужи, они бродили по длинным стылым коридорам, взбирались с этажа на этаж по высоченным лестницам, обходили темные колодцы дворов, стучась без разбора во все двери, то не решаясь ни с кем заговорить, то умоляя о помощи каждого встречного, а раз или два мама без сил опускалась прямо на ступеньки в тихом подъезде, рывком притягивала к себе Терезу, которая чуть ли не сопротивлялась, и целовала, крепко, до боли прижимаясь губами к ее лицу. Задним числом, зная, что это были последние поцелуи, вообще невозможно понять, до чего надо быть бестолковой — пусть хоть ты и совсем несмышленая кроха, — чтобы этого не почувствовать. В иных комнатах, мимо которых они проходили, двери были настежь, чтобы выпустить дымный чад, что валил оттуда, словно при пожаре, и лишь на пороге можно было разглядеть человеческую фигуру, которая, загородив дверной проем, либо одним своим безмолвным

присутствием, либо скупым словом отказа подтверждала невозможность найти в этой комнате пристанище. Припоминая все это, Тереза лишь теперь осознает, что мама только в первые часы искала ночлег по-настоящему, потому что позже, наверно, уже за полночь, она вроде бы ни с кем даже не заговаривала, хотя блуждали они — с короткими передышками — до самых утренних сумерек, а в домах этих, где ни входные, ни квартирные двери никогда не запираются, жизнь не затихает круглые сутки и люди встречаются на каждом шагу. Конечно, это только от усталости и крайнего изнеможения казалось, будто они все время куда-то бегут, на самом же деле они, наверно, еле тащились. К тому же Тереза и не помнит точно, сколько домов они обошли от полуночи до пяти утра — может, двадцать, может, два, а может, и вовсе только один. Коридоры в этих домах бесконечно петляют, в их планировке все подчинено хитроумному расчету — как бы получше использовать жилую площадь, а об удобствах ориентирования никто не думает, так что она и сейчас не может сказать, сколько раз они по одним и тем же коридорам плутали. Смутно Тереза припоминает подъезд какого-то дома, в котором они рыскали целую вечность, а едва вы-

шли в переулок, почему-то — или, может, ей это только показалось — тут же повернули обратно и опять в тот же самый подъезд ввалились. Для нее, ребенка, все это было, конечно, непостижимым бедствием — то мама ее тащит, то она сама в страхе за маму цепляется, и все это без единого словечка утешения, и все время надо куда-то идти, чему она в неразумии своем могла тогда подыскать только одно объяснение: мама, наверное, хочет от нее убежать. Поэтому Тереза, даже когда мама держала ее за руку, для пущей верности тем крепче цеплялась за мамины юбки и то и дело начинала реветь. Она не хотела, чтобы ее тут бросили одну среди этих чужих людей, которые так громко топают, поднимаясь перед ними на лестнице, и тех, что идут следом, еще незримые за поворотом, и тех, что скандалят в коридоре у дверей, грубо заталкивая друг друга в комнату. Пьяные, что-то мыча и напевая, бродили по дому поодиночке и сбиваясь в группы, сквозь которые мама и Тереза едва-едва успевали благополучно прошмыгнуть. Конечно же, совсем поздно ночью, когда уже не так строго соблюдается порядок и мало кто способен настаивать на своем праве, по крайней мере в одной из общих ночлежных комнат — а они прошли таких несколько — они

могли бы незаметно приютиться, но Терезе это было невдомек, а мама уже не хотела никакого отдыха. Под утро, когда занимался погожий зимний денек, обе они притулились к стене какого-то дома и то ли вздремнули ненадолго, то ли просто с открытыми глазами смотрели в пустоту. Тут обнаружилось, что Тереза потеряла свой узелок, и в наказание за ротозейство мама принялась ее бить, но Тереза не слышала ударов и не чувствовала их. Потом просыпающимися переулками они пошли дальше, мама вдоль стены, миновали мост, с чугунных перил которого мама ладонью стряхнула иней, и попали наконец — тогда Тереза восприняла это как должное, а сегодня не могла понять, как они там очутились, — как раз на ту стройку, куда маме утром надо было явиться. Она не сказала Терезе, ждать той или уходить, и Тереза истолковала это как приказ ждать, поскольку это больше отвечало ее желаниям. Так что она присела на груду кирпича и стала смотреть, как мама раскрывает свой узел, достает оттуда какую-то пеструю тряпицу и повязывает на голову прямо поверх платка, который был на ней всю ту ночь. Тереза так устала, что ей даже в голову не пришло помочь маме. Не зайдя, как положено, в будку урядника и никого ни о чем не спросив,

мама стала взбираться по лестнице, словно уже сама знала, какая работа ей поручена. Терезу это удивило, ведь обычно подсобные работницы заняты только внизу на гашении извести, подноске кирпича и прочих простых работах. Поэтому она решила, что мама сегодня выбрала себе работу получше, за которую больше платят, и сонно улыбнулась, глядя ей вслед. Стройка еще не очень продвинулась, стены доросли лишь до первого этажа, но высоченные опоры лесов, правда, еще без деревянных перекрытий, взмывали ввысь, упираясь прямо в голубое небо. Наверху мама ловко обходила каменщиков, что споро клали кирпич к кирпичу и почему-то ее не останавливали, нежной рукой она легонько придерживалась за дощатые поручни, а Тереза внизу сквозь дрему восхищалась этой ее ловкостью и однажды, как ей почудилось, поймала на себе мамин ласковый взгляд. Но тут мама дошла до горки кирпича, возле которой кончались поручни и, видимо, сам проход, но мама этого не заметила, она шла прямо на кирпичи, ловкость, похоже, вдруг ей изменила, она наткнулась на кирпичи, повалила их и, потеряв равновесие, рухнула вниз. Следом полетели кирпичи, а потом, не сразу, а словно помедлив, откуда-то сорвалась тяжеленная дос-

ка и грохнулась туда же. Последнее, что Тереза помнит о матери, — это как та, с раскинутыми ногами, лежит на земле в своей старой, еще из Померании, клетчатой юбке, почти целиком накрытая этой громадной неструганой доской, как со всех сторон сбегаются люди, а сверху, с лесов, какой-то мужчина в ярости что-то кричит.

Было уже поздно, когда Тереза закончила свой рассказ. Она рассказывала подробно, что вообще-то было ей несвойственно, и как раз в самых, казалось бы, спокойных местах, как-то: при описании опор строительных лесов, которые, каждая отдельно, сама по себе, упирались в небо, — ей вдруг приходилось умолкать, сдерживая застилающие глаза слезы. Она и сейчас, десять лет спустя, совершенно точно, до самых незначительных мелочей помнила все, что тогда произошло, и поскольку образ мамы там, наверху, на лесах недостроенного первого этажа, был последним ее дочерним воспоминанием, а ей все никак не удавалось сполна поверить его своему другу, она, завершив рассказ, попробовала было объяснить все еще раз, но запнулась, спрятала лицо в ладони и больше не проронила ни слова.

Но ему случалось проводить в комнате Терезы и не столь грустные часы. В первый же визит

Карл углядел у нее учебник по коммерческой корреспонденции и, попросив почитать, немедленно его получил. Одновременно было условлено, что Карл будет делать предписанные учебником задания, а Тереза, которая уже освоила книгу в объеме, необходимом для ее скромных обязанностей, будет его проверять. И вот Карл ночи напролет с ватой в ушах лежал внизу на своей койке в спальном зале, принимая для разнообразия всевозможные позы, и чиркал задания в тетрадке, пользуясь для этого авторучкой, которую подарила ему главная кухарка в награду за то, что он весьма умело составил и аккуратно переписал для нее большую инвентарную опись. Многочисленные помехи со стороны соседей ему удалось обернуть к своей пользе, спрашивая у них мелких советов относительно тех или иных английских выражений, покуда тем это не надоело и они не оставили его в покое. Про себя он нередко удивлялся, как это остальные столь беззаботно мирятся со своим нынешним положением, не чувствуют всю его временность и ненадежность — ведь старше двадцати в лифтерах никого не держат, — не осознают необходимость выбора будущей новой профессии и, невзирая на пример Карла, не читают ничего, кроме разве что

замызганных и затрепанных до дыр детективных книжонок, что гуляли по залу из койки в койку.

Теперь при встречах Тереза с чрезмерной дотошностью исправляла его работы, у них возникали разногласия. Карл ссылался на своего ученого нью-йоркского профессора, чей авторитет, однако, значил для Терезы ничуть не больше, чем грамматические соображения лифтеров. Она решительно забирала у него ручку и вычеркивала места, в ошибочности которых была убеждена, однако Карл в таких сомнительных случаях — хотя вообще-то ни на чей более высокий суд не рассчитывал — истины ради зачеркивал поправки Терезы. Иногда, впрочем, приходила главная кухарка и неизменно решала в пользу Терезы, что опять-таки еще ничего не доказывало — ведь Тереза была ее секретаршей. Однако ее приход всегда означал всеобщее примирение, ибо тут же заваривался чай, на столе появлялось печенье, а Карлу надо было рассказывать о Европе, правда, то и дело прерываясь, поскольку главная кухарка чуть ли не поминутно его переспрашивала и всему удивлялась, наводя Карла на мысли о том, сколь многое там, в Европе, за относительно короткий срок в корне изменилось и сколь многое, должно быть, стало совсем по-другому за время

его отсутствия или сейчас вот становится.

Карл уже около месяца жил в Рамзесе, когда однажды вечером Реннел мимоходом сообщил ему, что возле отеля его остановил какой-то парень по имени Деламарш и расспрашивал о Карле. Реннел, конечно, не счел нужным о чем-либо умалчивать и рассказал все по правде — что Карл, мол, работает лифтером, но благодаря протекции главной кухарки рассчитывает в будущем на совсем другие должности. Про себя Карл тут же отметил, как хитро и осторожно Деламарш обошелся с Реннелом, — по такому случаю даже пригласил того вместе поужинать.

— Я этого Деламарша больше знать не хочу, — сказал Карл. — Советую и тебе его остерегаться.

— Мне? — переспросил Реннел, потянулся и поспешил прочь.

Он был самым смазливым парнем в отеле, и среди остальных ребят ходил слух, источник которого, впрочем, так и не удалось установить, будто бы одна весьма знатная дама, уже давно живущая в отеле, по меньшей мере целовала Реннела в лифте. Для всякого, кто этот слух знал, было, конечно, совершенно особым соблазном пропустить мимо себя в лифт эту надменную даму, весь облик которой — уверенная легкая

поступь, нежное шуршание платья, неприступно затянутый корсет — не допускал даже мысли о возможности подобного поведения. Она жила на втором этаже, и лифт Реннела был не ее лифтом, но, разумеется, если другие лифты заняты, таких постояльцев не попросишь минуточку обождать. Так и выходило, что эта дама от случая к случаю пользовалась лифтом Карла и Реннела, причем действительно только тогда, когда работал Реннел. Возможно, это получалось случайно, но в случайность все равно уже никто не верил, и, когда Реннел вслед за дамой скрывался в лифте, всю шеренгу лифтеров охватывало плохо сдерживаемое возбуждение, которое уже привело однажды к вмешательству старшего распорядителя. Вправду ли дама тому причиной или только слух — как бы там ни было, но Реннел сильно переменился, стал мнить о себе пуще прежнего, уборку и чистку всецело предоставил теперь Карлу — тот уже ждал подходящего случая основательно с ним по этому поводу объясниться — и в спальном зале не объявлялся вовсе. Никто другой не позволял себе столь демонстративно отдалиться от клана лифтеров, ибо вообще-то все они — по крайней мере в служебных вопросах — крепко держались заодно, и эту их сплоченность уважала даже ди-

рекция гостиницы.

Обо всем этом размышлял Карл, успев подумать и о Деламарше, справляя, как обычно, свою службу. Около полуночи выпала ему и маленькая радость: Тереза, которая любила удивлять его неожиданными мелкими подарками, принесла ему большое яблоко и плитку шоколада. Они немножко поболтали, ничуть не смущаясь вынужденными перерывами в беседе, когда Карлу приходилось кого-то отвезти наверх. Потом разговор зашел о Деламарше, и Карл вдруг понял, что это Тереза внушила ему, будто Деламарш очень опасный человек, ибо именно таким он почему-то представлялся Терезе из его, Карла, рассказов. Сам-то Карл считал его всего лишь бродягой, опустившимся под ударами судьбы, но вообще-то ладить с ним вполне можно. Тереза на это, однако, весьма энергично возражала и в пылких речах пыталась вытребовать у Карла обещание, что он с Деламаршем больше и словечком не перемолвится. Не давая такого обещания, Карл снова и снова уговаривал Терезу идти спать, ведь уже давно за полночь, но она продолжала стоять на своем, пока он не пригрозил ей покинуть свой пост и отвести ее в ее комнату. Когда она наконец собралась уходить, он сказал:

— Что ты так всполошилась из-за пустяков, Тереза? Для твоего спокойствия, чтобы ты лучше спала, охотно обещаю тебе, что буду говорить с Деламаршем лишь в самом крайнем случае, когда это уже неизбежно.

Потом начались бесконечные ездки, потому что парня с соседнего лифта отозвали для каких-то других поручений и Карлу пришлось обслуживать оба лифта сразу. Некоторые гости жаловались на непорядок, а один господин, сопровождавший даму, желая поторопить Карла, даже легонько ткнул его тростью в плечо, хотя подгонять его не было никакой нужды. Если бы гости по крайней мере — ведь видят же, что один из лифтов стоит без лифтера! — сразу шли в лифт Карла, так нет, они направлялись к соседнему и ждали там, требовательно положив ладонь на ручку, а иные даже самочинно заходили в лифт, чему в соответствии с самым строгим параграфом служебного предписания лифтер должен воспрепятствовать любой ценой. Так что эта смена обернулась для Карла хлопотной и весьма утомительной беготней взад-вперед, не дав никакой уверенности в точном исполнении своего долга. А тут еще около трех ночи знакомый носильщик, пожилой человек, с которым Карл уже успел

слегка подружиться, попросил ему подсобить, чего Карл никак сделать не мог, ибо как раз в эту минуту возле его обоих лифтов дожидались гости и от него требовалось незаурядное присутствие духа, чтобы, выбрав одну из двух нетерпеливых групп, решительным шагом к ней направиться. Поэтому он был просто счастлив, когда наконец появился второй лифтер, но, не сдержавшись, даже крикнул ему что-то укоризненное по поводу его долгого отсутствия, хотя тот, вероятно, отсутствовал вовсе не по своей вине. После четырех наступила долгожданная передышка, в которой Карл, видит Бог, уже очень нуждался. Тяжело облокотившись на перила возле своего лифта, он медленно жевал яблоко, из которого уже после первого надкуса заструился душистый аромат, и смотрел вниз в шахту, на окаймляющие ее высокие окна кладовой, в чьих проемах слабым желтым мерцанием проступали гигантские грозди спеющих в темноте бананов.

Глава шестая
Происшествие с Робинсоном

Вдруг кто-то тронул его за плечо. Решив, что это, конечно, очередной пассажир, Карл торопливо сунул яблоко в карман и, толком даже не взглянув на гостя, поспешил к лифту.

— Добрый вечер, господин Росман, — произнес, однако, тот. — Это же я, Робинсон.

— Вас, однако, не узнать, — сказал Карл, тряхнув головой.

— Да, у меня теперь все хорошо, — ответил Робинсон, не без гордости оглядывая свой пестрый наряд, каждый из предметов которого сам по себе, возможно, был очень даже неплох, но все вместе они производили скорее жалкое впечатление. Особенно бросалась в глаза явно впервые надетая белая жилетка с четырьмя отороченными черной тесьмой кармашками, на которую Робинсон, выпячивая грудь, изо всех сил старался обратить внимание Карла.

— И одеты вы шикарно, — заметил Карл, невольно вспомнив о своем красивом строгом костюме, в котором и рядом с Реннелом не стыдно

было бы показаться, если бы эти двое, с позволения сказать, дружков его не продали.

— Да, — откликнулся Робинсон, — я почти каждый день что-нибудь себе покупаю. Как вам нравится жилетка?

— Жилетка знатная, — похвалил Карл.

— Но это не настоящие карманы, а так, для виду, — сообщил Робинсон и даже схватил Карла за руку, дабы тот сам мог в этом убедиться. Карл, однако, отпрянул, ибо на него дохнуло нестерпимой волной перегара.

— Опять вы много пьете, — сказал Карл, снова очутившись возле перил.

— Нет, — возразил Робинсон, — вовсе не много. — И вопреки своему только что объявленному благополучию сокрушенно добавил: — Да и что еще остается в жизни нашему брату.

Очередная ездка прервала их беседу, а едва Карл спустился, раздался телефонный звонок и от него потребовали немедленно привести врача, поскольку у дамы с седьмого этажа случился обморок. Направляясь за врачом, Карл втайне надеялся, что Робинсон тем временем уберется восвояси, ибо не хотел, чтобы их видели вместе, и, помня о Терезиных предостережениях, не желал ничего слышать о Деламарше. Но Робинсон

по-прежнему его ждал в неестественно прямой и неподвижной позе очень пьяного человека, а тут как раз один из высших чинов гостиничной администрации — в цилиндре и во фраке — мимо прошел, но, по счастью, вроде бы не обратил на Робинсона никакого внимания.

— Почему бы вам, Росман, как-нибудь к нам не зайти, мы шикарно устроились, — сказал Робинсон, глядя на Карла как можно приветливей.

— Меня приглашаете вы или Деламарш? — спросил Карл.

— И я и Деламарш, — ответил тот. — Мы оба вас приглашаем.

— В таком случае я отвечу вам и попрошу передать мои слова Деламаршу: между нами, если это вам еще не ясно, все кончено раз и навсегда. Вы оба причинили мне больше зла, чем кто бы то ни было. Или вы вбили себе в голову и дальше не оставлять меня в покое?

— Но мы же ваши товарищи! — воскликнул Робинсон, и в глазах его блеснули отвратительные пьяные слезы. — Деламарш просил вам передать, что все прежнее он готов с лихвой возместить. Мы теперь живем у Брунельды, она замечательная певица.

В доказательство последних своих слов Ро-

бинсон уже изготовился фальцетом затянуть какую-то песенку, если бы Карл вовремя на него не шикнул:

— Да замолчите вы немедленно, вы что, забыли, где находитесь?!

— Росман, — продолжал Робинсон, урезоненный, видимо, лишь по части пения, — я же ваш товарищ, скажите: что для вас сделать? У вас тут такая видная должность, не могли бы вы подбросить мне немного деньжат?

— Так вы их только пропьете, — сказал Карл. — У вас вон, я вижу, даже в кармане бутылка бренди, из которой вы наверняка успели как следует хлебнуть, пока я уходил, потому что вначале-то вы еще были ничего.

— Это только для подкрепления сил, когда я куда-нибудь отправляюсь, — пояснил Робинсон извиняющимся тоном.

— Да я вовсе не желаю вас перевоспитывать, — сказал Карл.

— А как же деньги? — спросил Робинсон, широко раскрыв глаза.

— Видимо, Деламарш поручил вам раздобыть денег. Хорошо, я дам вам денег, но при одном условии: вы немедленно отсюда уйдете и никогда больше не будете меня здесь беспокоить. Если

вам понадобится что-то мне сообщить, можете написать Карлу Росману, лифтеру, отель «Оксиденталь», — такого адреса вполне достаточно. Но сюда, повторяю, вы ко мне приходить не будете. Здесь я на службе, и у меня нет времени принимать гостей. Вы согласны взять деньги на таких условиях? — спросил Карл и уже полез в карман жилетки, решив, так и быть, пожертвовать чаевыми сегодняшней ночи. Робинсон вместо ответа только кивнул и громко сопел. Карла его молчание не устраивало, и он спросил еще раз: — Так да или нет?

На это Робинсон вялым взмахом руки поманил Карла к себе и, уже явственно покачиваясь, прошептал:

— Росман, мне очень худо.

— Вот черт! — вырвалось у Карла, и, обхватив Робинсона обеими руками, он потащил его к перилам.

В тот же миг зловонная жижа полилась изо рта Робинсона в глубину шахты. Разом обмякнув, он только беспомощно тянулся к Карлу в редких промежутках между приступами дурноты.

— Вы и вправду добрый мальчик, — приговаривал он тогда. Или: — Сейчас все пройдет, — хотя до этого было еще очень далеко. Или: — Сволочи,

какой дрянью они меня там напоили!

Карл не мог возле него находиться — не в силах побороть беспокойство и отвращение, он нервно прохаживался взад-вперед. Здесь, в закутке за лифтом, Робинсон еще как-то укрыт от посторонних глаз, но что, если его все-таки заметят — кто-нибудь из капризных богатых постояльцев, которые только и ждут случая заявить претензии шныряющим повсюду представителям гостиничной администрации, а те потом в отместку житья не дают всему обслуживающему персоналу; или, еще того хуже, один из постоянно меняющихся гостиничных детективов, которых, кроме дирекции, никто в лицо не знает, — вот и приходится подозревать шпиона в каждом встречном, едва тот, пусть даже просто по близорукости, глянет на тебя чуть пристальней, чем обычно. А уж внизу, где ресторан работает ночь напролет, стоит кому-то зайти в кладовую и с изумлением обнаружить заляпанные бог весть чем окна световой шахты, как тут же раздастся звонок и Карла потребуют к ответу: что там у вас наверху, черт возьми, происходит? Как тогда быть, как отмежеваться от Робинсона? И если даже, допустим, Карлу это удастся, где гарантии, что Робинсон со страху и по глупости, вместо того чтобы молить о проще-

нии, не свалит все как раз на него, на Карла? А уж тогда — разве не логично будет его, Карла, немедленно уволить, ибо где это видано, чтобы мальчишка-лифтер, распоследний и самый никчемный чин в грандиозной служебной пирамиде гостиничного персонала, поганил отель с помощью своего дружка, приводя в негодование, а то и вовсе отпугивая постояльцев? Да и кто захочет терпеть лифтера, у которого подобные дружки, чьи посещения он к тому же допускает в свое рабочее время? И разве не напрашивается сам собой вывод, что такой лифтер и сам пьяница, если не что похуже, ибо как тут не заподозрить, что он давно уже потчует до положения риз своих дружков из гостиничных припасов, а те потом оскверняют где попало этот образцовый, прямо-таки в безупречной чистоте содержащийся отель, вытворяя в нем всяческие свинства, как вот сейчас Робинсон? И кто поручится, что этот мальчишка ограничивается только кражей спиртного и съестного, когда возможности для воровства при общеизвестной рассеянности постояльцев, оставляющих незапертыми платяные шкафы, забывающих на столах ценные вещи и даже раскрытые денежные шкатулки, бездумно бросающих где придется свои ключи, воистину

неисчислимы?

Тут как раз Карл заметил вдалеке группу гостей, что поднимались из винного погребка, где только что закончилось представление гостиничного варьете. Он поспешил занять свой пост, не решаясь даже оглянуться на Робинсона из страха увидеть нечто совсем уж неподобающее. Его мало успокаивало, что оттуда не доносится ни звука, ни даже вздоха. Он, правда, продолжал обслуживать пассажиров, развозя их по этажам, но не мог вполне скрыть свою несобранность, и при всякой ездке вниз сердце его тоскливо сжималось от дурных предчувствий.

Наконец снова выдалась свободная минута, чтобы взглянуть на Робинсона: тот по-прежнему сидел в своем углу, скорчившись комочком и уткнув лицо в колени. Его новенькая, с твердыми полями шляпа сползла на самый затылок.

— Так, а теперь уходите, — сказал Карл тихо, но твердо. — Вот деньги. Если вы поторопитесь, я еще успею показать вам кратчайший путь.

— Не могу я никуда уйти, — промямлил Робинсон, отирая лоб крохотным носовым платочком, — я умру тут. Вы себе представить не можете, до чего мне худо. Деламарш вечно таскает меня с собой по шикарным кабакам, поит дорогими ви-

нами, а я этой дряни не переношу, я ему каждый день объясняю.

— Но здесь вам никак нельзя оставаться, — настаивал Карл. — Вспомните, где вы находитесь. Если вас тут найдут, вас оштрафуют, а я лишусь места. Вы этого хотите?

— Не могу я уйти, — твердил Робинсон, — лучше уж мне туда спрыгнуть. — И он ткнул пальцем между прутьями решетки в глубину шахты. — Когда так сижу, еще терпимо, а встать не могу, я уже пробовал, пока вас не было.

— Тогда я сейчас вызову машину, и вас отвезут в больницу, — сказал Карл и слегка потряс Робинсона за коленку, ибо тот уже снова норовил впасть в пьяное забытье.

Однако, едва заслышав слово «больница», по-видимому, внушавшее ему неподдельный ужас, Робинсон зарыдал в голос, простирая к Карлу руки в мольбе о пощаде.

— Тише! — прикрикнул на него Карл и даже шлепнул по рукам, чтобы тот успокоился, потом сбегал к лифтеру, которого заменял ночью, попросил ненадолго оказать ему ответную услугу, спешно вернулся к Робинсону, подхватил его, все еще всхлипывающего, под мышки и изо всех сил приподнял, шепча ему на ухо: — Робинсон,

если хотите, чтобы я вам помог, потрудитесь держаться на ногах и пройти хоть самую малость. Я уложу вас в свою кровать, а там лежите, пока вам не полегчает. Но сейчас ведите себя прилично, в коридорах полно людей, да и койка моя тоже в общем спальном зале. Если хоть кто-то обратит на вас внимание, я уже ничем не смогу вас выручить. И глаза держите открытыми, чтобы не подумали, что я тут таскаю припадочных.

— Да я бы рад сделать все, что вы велите, — пробормотал Робинсон, — только один вы меня не доведете. Лучше позовите Реннела.

— Да нет же его!

— Ах да, — вспомнил Робинсон, — Реннел же с Деламаршем. Ведь это они оба меня за вами и послали. Что-то у меня уже все путается.

Пользуясь этим и подобными же невразумительными рассуждениями Робинсона, Карл тем временем тащил его чуть ли не на себе, и они благополучно добрались до поворота, за которым начинался уже не столь ярко освещенный коридор, ведший в спальный зал лифтеров. Оттуда как раз выскочил мальчишка-лифтер и, едва не налетев на них, промчался мимо. Впрочем, никаких опасных встреч у них пока что вроде бы не было; в этот час, между четырьмя и пятью, в

отеле самое затишье, и Карл прекрасно знал, что если уж не избавиться от Робинсона теперь, то позже, на рассвете, а тем более в начинающейся утренней суете об этом и вовсе думать нечего.

В спальном зале на дальней от них половине был как раз самый разгар драки или какого-то иного увеселения, оттуда доносилось ритмичное хлопанье в ладоши, возбужденное притопывание и азартные выкрики. Здесь же, возле входа, расположились на кроватях только несколько безучастных ко всему охотников поспать, большинство из которых, впрочем, просто глазели в потолок, лежа на спине, и лишь изредка то один, то другой в чем есть, одетый или нагишом, вскакивал с койки посмотреть, что творится в другом конце зала. Так что Карл почти незаметно довел Робинсона, который уже мало-помалу начинал передвигаться самостоятельно, до койки Реннела, поскольку та была совсем рядом с дверью и, по счастью, не занята, тогда как в собственной кровати он еще издали разглядел совсем незнакомого парня, который преспокойно там дрыхнул. Едва Робинсон ощутил под собой кровать, как он мгновенно — левая нога, свесившись, еще болталась — заснул. Карл хорошенько натянул ему на голову одеяло и решил, что по крайней мере

на ближайшее время он от этой заботы избавлен — раньше шести Робинсон точно не проснется, а там уж и он вернется, и, быть может, вместе с Реннелом они придумают способ, как его отсюда убрать. Проверки же зала всевозможным вышестоящим начальством можно было ждать лишь при чрезвычайном происшествии, отмены подобных проверок, которые прежде устраивались сплошь и рядом, лифтеры добились уже много лет назад, так что и с этой стороны опасаться было вроде бы нечего.

Когда Карл вернулся к своему лифту, он обнаружил, что и его собственный, и соседний лифты только что отъехали наверх. В беспокойстве он стал ждать, как эта странность разъяснится. Его лифт спустился первым, и оттуда вышел тот самый мальчишка, который совсем недавно промчался мимо них по коридору.

— Где ты пропадаешь, Росман? — спросил он. — Почему ты ушел с поста? Почему не сообщил об отлучке?

— Так я же ему сказал, чтобы подменил меня ненадолго, — ответил Карл, указывая на парня с соседнего лифта, который как раз подъехал. — Я же целых два часа его замещал, когда было полно народу.

— Это все замечательно, — отозвался тот, — только этого недостаточно. Разве ты не знаешь, что даже о короткой отлучке во время службы надо предварительно сообщить в кабинет старшего распорядителя? Для того у тебя и телефон. Я-то с удовольствием бы тебя подменил, но ты же сам знаешь, не так-то это просто. Только ты ушел — у обоих лифтов тьма народу с четырехчасового экспресса. Что же мне — к твоему лифту бежать, а своих пассажиров бросить? Конечно, я на своем поехал.

— Ну? — нетерпеливо спросил Карл, поскольку оба парня молчали.

— Ну, — ответил парень с соседнего лифта, — а тут как раз распорядитель идет, видит — возле твоего лифта люди, а тебя нет, приходит в ярость, накидывается на меня, потому что я сразу к твоему лифту помчался, спрашивает, куда ты запропастился, а я понятия не имею, ты же мне даже не сказал, куда идешь, ну, а он сразу же звонить в спальный зал, чтобы немедленно прислали другого лифтера.

— Я же еще встретил тебя в коридоре, — сказал мальчишка, которого вызвали Карлу на смену.

Карл кивнул.

— Я, конечно, первым делом сказал, — заве-

рил другой лифтер, — что ты попросил тебя подменить, да только разве он слушает такие оправдания? Ты, наверно, его еще не знаешь. Приказал только передать тебе, чтобы ты немедленно явился к нему в кабинет. Так что лучше не задерживайся и беги туда. Может, он тебя еще простит. Тебя ведь и правда всего две минуты не было. Можешь спокойно говорить, что просил меня о подмене, я подтвержу. А вот о том, что ты меня подменял, мой тебе совет, лучше помолчи, мне-то ничего не будет, у меня разрешение, просто у нас о таких вещах говорить не принято, особенно в связи с совсем другим делом, к которому они отношения не имеют.

— В первый раз я покинул свой пост, и вот, — проронил Карл.

— Так оно всегда и бывает, только никто этому не верит, — изрек в ответ парень и опрометью кинулся к своему лифту, завидя приближающихся гостей.

Сменивший Карла лифтер, мальчишка лет четырнадцати, с явным сочувствием в голосе сказал:

— Было уже много случаев, когда такие вещи сходили с рук. Обычно просто переводят на другую работу. Уволили за это, сколько мне известно,

только однажды. Но тебе надо придумать хорошее оправдание. Ни в коем случае не говори, что тебе вдруг стало плохо, он тебя просто засмеет. Вот если ты скажешь, что кто-то из постояльцев поручил тебе срочно что-то передать другому постояльцу, которого ты не нашел, а кто передал, не помнишь, это уже лучше.

— Да ладно, — сказал Карл, — обойдется как-нибудь. — Хотя после всего, что он сейчас услышал, надежды на благоприятный исход не было. Впрочем, даже если ему простят это служебное упущение, наверху, в спальном зале, живой уликой куда большей его вины лежит Робинсон, а зная въедливую натуру старшего распорядителя, нетрудно предположить, что уж он-то поверхностным расследованием не удовлетворится и рано или поздно до Робинсона докопается. Правда, формально не было запрета приводить в спальный зал посторонних лиц, но не было его лишь потому, что глупо запрещать вещи заведомо недопустимые.

Когда Карл вошел в кабинет распорядителя, хозяин как раз сидел за утренним кофе и только что глотнул из чашки, после чего снова углубился в просмотр какой-то описи, очевидно, принесенной ему присутствующим здесь же главным

швейцаром на утверждение. Швейцар был мужчина крупный, а пышная, богато украшенная форма — по плечам и даже по рукавам змеились золотые галуны и цепочки — делала его и без того статную фигуру еще внушительней. Лоснистые черные усы на венгерский манер воинственно топорщились в стороны, и острые их концы не подрагивали даже при стремительных поворотах головы. Под тяжестью формы он мог двигаться лишь с трудом, а стоял не иначе как расставив ноги на ширину плеч, дабы распределить свой вес равномерно.

Карл вошел легкой и спешной походкой, которую уже успел усвоить, работая в отеле, ибо степенность и осторожность в движениях, означающие у обычных людей вежливость, считались для лифтера признаком лени. Кроме того, он не хотел прямо с порога всем видом выказывать чувства вины и раскаяния. Старший распорядитель, правда, бросил рассеянный взгляд в сторону открывшейся двери, но затем снова обратился к чтению и кофе, нисколько больше о Карле не заботясь. Швейцар, однако, то ли просто усмотрев в присутствии Карла досадную помеху, то ли желая высказать некое секретное сообщение либо просьбу, ежесекундно и зло поглядывал на Карла

исподлобья, чтобы затем, когда взгляды их, явно в соответствии с его желанием, скрещивались, немедленно снова перевести глаза на распорядителя. Карл, однако, счел, что вряд ли произведет хорошее впечатление, если сейчас, раз уж он все равно вошел, снова покинет кабинет, не получив на сей счет недвусмысленных указаний хозяина. Тот между тем продолжал изучать опись, доедая попутно кусок торта, с которого время от времени, не отрываясь от чтения, небрежно стряхивал сахарную пудру. Тут как раз один из листов описи упал на пол, швейцар даже и не шелохнулся, чтобы его поднять, очевидно, зная, что ему это все равно не удастся, да это и не требовалось, Карл уже был тут как тут и протянул лист старшему распорядителю, который взял его таким движением, словно тот сам взлетел с пола прямо ему в ладонь. Видно, эта маленькая услуга ничуть Карлу не помогла, ибо швейцар по-прежнему бросал в его сторону злобные взгляды.

Тем не менее Карл приободрился и собрался с духом. Уже одно то, что распорядитель не придает его делу ровно никакой важности, можно считать хорошим знаком. В конце концов, оно и понятно. Кто такой, в сущности, мальчишка-лифтер? Да никто, потому и не имеет права ничего

себе позволить, но именно потому, что он никто, он и ничего чрезвычайно злостного натворить не может. В конце концов, распорядитель и сам в юности был лифтером, что, кстати, остается предметом гордости даже нынешнего поколения лифтеров, ведь это именно он был первым, кто организовал лифтеров в их сплоченный союз, и, разумеется, в свое время он тоже хоть разок да покидал без разрешения свой пост, пусть сегодня и нет силы, которая заставила бы его об этом вспомнить, особенно если учесть, что он, именно как бывший лифтер, быть может, видит теперь свой долг в том, чтобы неусыпно и строго блюсти дисциплину и порядок среди лифтерской братии. А кроме того, немалые надежды Карл возлагал на бег времени. Судя по часам в кабинете, миновало уже четверть шестого, а это значит, что с минуты на минуту может вернуться Реннел, не исключено, что уже вернулся, ведь не мог он не заметить, что Робинсона так долго нет, к тому же Карлу вдруг пришло в голову, что вряд ли Деламарш и Реннел так уж далеко от отеля расположились, иначе Робинсон, в его-то состоянии, просто не нашел бы сюда дорогу. Лишь бы Реннел обнаружил Робинсона в своей кровати, что неминуемо должно случиться, а уж дальше все будет хорошо.

Ибо Реннел, при его-то сметливости, особенно когда дело касается его интересов, обязательно найдет способ немедленно убрать Робинсона из отеля, тем более что сейчас, когда Робинсон уже малость пришел в себя, а Деламарш наверняка ждет его около отеля, сделать это будет гораздо легче. А уж когда Робинсона из отеля выпроводят, Карл куда спокойнее будет держать ответ перед старшим распорядителем и на этот раз, быть может, отделается всего лишь наказанием, пусть даже и суровым. А потом посоветуется с Терезой, говорить ли всю правду главной кухарке, — со своей стороны он не видел к тому никаких препятствий, — и если Тереза сочтет такую откровенность возможной, на всем деле можно будет без особого ущерба поставить крест.

Только-только Карл слегка успокоил себя этими размышлениями и уже начал потихоньку подсчитывать в кармане набежавшие за ночь чаевые, ибо чутье подсказывало ему, что в этот раз добыча у него особенно щедрая, как распорядитель, отложив опись на стол со словами: «Погодите-ка еще минутку, Федор», — вдруг упругo вскочил и заорал на Карла так, что от испуга тот в первую секунду вообще ничего не видел, кроме огромной черной дыры его разинутой

глотки:

— Ты без разрешения оставил свой пост! Знаешь, что это означает? Это означает увольнение! Не желаю слушать никаких оправданий, свои лживые отговорки можешь оставить при себе, мне же вполне достаточно того, что тебя не было на месте. Да если я потерплю такое хоть раз и прощу тебя сегодня, завтра же все сорок лифтеров разбегутся в рабочее время кто куда, а мне придется на своем горбу растаскивать пять тысяч наших гостей по лестницам.

Карл молчал. Швейцар подошел поближе и с силой одернул его сюртук, на котором набежало несколько складок, проделав это, несомненно, с одной лишь целью — обратить особое внимание начальника на непорядок в выправке Карла.

— Может, тебе стало плохо? — спросил старший распорядитель с подвохом.

Карл пристально посмотрел на него и ответил:

— Нет.

— Значит, тебе даже не стало плохо? — заорал распорядитель пуще прежнего. — Значит, ты придумал какую-то совсем несусветную байку. Что ж, выкладывай. Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Я не знал, что надо испрашивать разрешение

по телефону, — ответил Карл.

— Это, однако, прелестно, — сказал распорядитель и, схватив Карла за воротник, почти поднес его к прикнопленному на стене лифтерскому предписанию.

Швейцар тоже поспешил за ними к стене.

— Вот! Читай! — гаркнул распорядитель, тыча пальцем в нужный параграф.

Карл решил, что ему предлагают прочесть про себя.

— Вслух читай! — потребовал, однако, распорядитель.

Вместо того чтобы читать вслух, Карл, в надежде хоть как-то смягчить начальника, сказал:

— Я знаю этот параграф, мне же давали предписание, и я его внимательно прочел. Но как раз те указания, которыми никогда не пользуешься, легче всего забываются. Я служу уже второй месяц и еще ни разу не покидал свой пост.

— Зато теперь ты его покинешь раз и навсегда! — изрек распорядитель, вернулся к столу, взялся было снова за опись, как будто намереваясь продолжить чтение, но тут же раздраженно ее бросил и даже прихлопнул, словно бесполезный клочок бумаги, после чего, багровея пятнами на щеках и на лбу, принялся нервно расхаживать

по комнате. — Из-за какого-то сопляка такие волнения. Да еще в ночную смену! — приговаривал он, пыхтя и отдуваясь. — Да вы знаете, кому потребовалось воспользоваться лифтом как раз тогда, когда этот мерзавец вздумал сбежать? — обратился он к швейцару.

И он назвал какое-то имя, при одном упоминании которого швейцар — а уж он-то наверняка знал всех постояльцев и цену каждому из них — от страха весь передернулся и глянул на Карла с бесконечным изумлением, словно только его, Карла, живьем и во плоти присутствие способно подтвердить, что обладатель такого имени вынужден был попусту терять время из-за мальчишки-лифтера, оставившего свой пост.

— Это ужасно, — все еще не в силах поверить в случившееся, вымолвил швейцар, изумленно покачивая головой и по-прежнему не сводя глаз с Карла, который, в свою очередь, грустно смотрел на него, понимая, что теперь ему еще и за бестолковость этого человека придется расплачиваться.

— Я тебя тоже давно приметил, — сказал вдруг швейцар, наставив на Карла толстый, грозный, подрагивающий от возмущения указательный палец. — Ты единственный мальчишка, который

со мной не здоровается. Ишь чего о себе возомнил! Каждый, кто проходит мимо швейцарской, обязан со мной поздороваться. С остальными швейцарами можешь вести себя как вздумается, но я такого обхождения не потерплю. Я, правда, иногда делаю вид, будто не замечаю, но будь уверен, я прекрасно вижу, кто со мной здоровается, а кто нет, наглец ты этакий.

И, отвернувшись от Карла, он торжественно направился к распорядителю, который, однако, ничуть не заинтересовавшись этим новым сообщением, спешил закончить завтрак и пробежать утреннюю газету, только что принесенную в кабинет слугой.

— Господин главный швейцар, — начал Карл, решив воспользоваться временной отрешенностью хозяина, дабы уладить по крайней мере это недоразумение, ибо понимал, что страшны не столько сами упреки швейцара, сколько вообще его враждебность. — Я, безусловно, с вами здороваюсь. Я ведь недавно в Америке, а вырос в Европе, где, как известно, вообще принято здороваться куда чаще, чем следует. И я, конечно, еще не вполне успел избавиться от этой привычки, вот и два месяца назад, в Нью-Йорке, где я по случайности вращался в высшем свете, мне то и

дело советовали умерить мою преувеличенную вежливость. И это я-то с вами не здороваюсь! Да я здороваюсь с вами по нескольку раз на дню! Но, конечно, не каждый раз, когда я вас вижу, ведь я иногда по сто раз в день мимо вас прохожу.

— Ты обязан каждый раз со мной здороваться, каждый раз без исключения, и фуражку снимать, когда с тобой разговаривают, и говорить мне «господин главный швейцар», а не просто «вы». И все это каждый раз, каждый, понятно?

— Каждый раз? — тихо переспросил Карл и только теперь вспомнил, как строго и укоризненно поглядывал на него швейцар все то время, что он, Карл, здесь работал, начиная с того самого первого утра, когда он, еще не вполне осознавая свое подчиненное положение, как раз этого швейцара весьма настырно и не вполне любезно, чересчур, быть может, придирчиво расспрашивал, не приходили ли к нему двое молодых людей и не оставляли ли для него фотографию.

— Теперь ты видишь, к чему приводит нахальство, — сказал швейцар, снова подойдя совсем близко к Карлу и указывая на все еще склоненного над газетой распорядителя как на живое воплощение своей долгожданной мести, — На новой работе будешь знать, как здороваться со

швейцаром, даже если это будет в распоследней ночлежке.

Карл понял: место он считай что потерял, ибо распорядитель свой приговор уже изрек, да и главный швейцар говорил об этом как о свершившемся факте, а подтверждать увольнение какого-то мальчишки-лифтера письменным приказом дирекции, должно быть, вовсе и не требуется — слишком много чести. Все произошло, надо признать, куда быстрей, чем он предполагал, ведь в конце концов он два месяца отслужил не за страх, а за совесть и работал наверняка получше многих. Но когда решается судьба, такие пустяки, видно, нигде на белом свете, ни в Европе, ни в Америке, в расчет не идут — что у кого сгоряча с языка сорвалось, то и получай, вот и весь разговор. Должно быть, лучше всего ему теперь сразу попрощаться и уйти, главная кухарка и Тереза, наверно, еще спят, так что он по крайней мере избавит и себя и их от тягостной сцены расставанья, от горестных недоумений и расспросов, — попрощается с ними письмом, быстренько соберет чемодан и уйдет подобру-поздорову. Если же он останется хоть на день — а вообще-то немного соснуть ему бы не помешало, — его ждет только раздувание его дела в грандиозный скандал,

упреки со всех сторон, непереносимое зрелище слез Терезы, а быть может, даже главной кухарки, и под конец, в довершение всего, возможно, еще и наказание. С другой стороны, смущало и удерживало его лишь то, что стоит он сейчас против двух врагов и каждое вымолвленное им слово оба они, если не один, так другой, готовы вменить ему в вину и перетолковать к его невыгоде. Поэтому он молчал, наслаждаясь покуда воцарившимся в комнате покоем, ибо старший распорядитель все еще продолжал читать газету, а главный швейцар принялся приводить в порядок свою рассыпавшуюся по столу опись, складывая ее по номерам страниц, что давалось ему при очевидной и сильной близорукости с превеликим трудом.

Наконец распорядитель, зевнув, отложил газету, мельком глянул на Карла, удостоверившись, что тот все еще тут, и пододвинул к себе рупор настольного телефонного аппарата. Он несколько раз крикнул в рупор «алло», но ему никто не ответил.

— Никто не отвечает, — доверительно сообщил он главному швейцару.

Тот, как показалось Карлу, следил за телефонным звонком с каким-то особо пристальным

интересом.

— Уже без четверти шесть, — сказал он. — Она наверняка встала. Позвоните еще.

В ту же секунду, прежде чем распорядитель дотронулся до телефона, раздался ответный звонок.

— Старший распорядитель Избари слушает, — сказал тот, хватая трубку. — Доброе утро, госпожа главная кухарка! Надеюсь, я вас, часом, не разбудил? Мне очень жаль. Да-да, уже без четверти шесть. Но мне, честное слово, искренне жаль, что я вас так перепугал. Вам надо отключать телефон на ночь. Нет-нет, все равно мне нет оправдания, особенно учитывая ничтожность дела, которое я намеревался с вами обсудить. Ну, конечно, это терпит, пожалуйста, я подожду у телефона, ради Бога. Говорит, что подбежала к телефону в одной ночной рубашке, — с улыбкой сообщил распорядитель швейцару, который все это время с напряженным выражением лица склонялся над аппаратом. — Я ее и впрямь разбудил, обычно ее будит девчонка, маленькая такая, которая у нее машинисткой работает, но как раз сегодня она почему-то этого не сделала. Жаль, конечно, что я се перепугал, она и так нервная.

— А сейчас-то она почему молчит?

— Пошла посмотреть, что там с девчонкой, — объяснил распорядитель, прикладывая наушник к уху, ибо телефон снова зазвонил. — Да найдется она, — проговорил он в трубку. — Прежде всего вам нельзя так волноваться, вам действительно пора хорошенько отдохнуть. Да, так вот, мой мелкий вопрос. Тут у меня сейчас мальчишка-лифтер, по имени… — он вопросительно обернулся на Карла, который, внимательно следя за разговором, тут же, конечно, подсказал ему свое имя, — по имени Карл Росман, вы, если не ошибаюсь, как-то еще про него спрашивали. К сожалению, он плохо отплатил вам за вашу доброту, без разрешения покинул свой пост, причинив мне тем самым весьма крупные, я пока что даже не знаю, насколько крупные, неприятности, и я его только что за это уволил. Надеюсь, для вас это не трагедия? Что вы сказали? Да-да, уволил. Да говорю же вам: он покинул свой пост. Нет-нет, дорогая госпожа главная кухарка, тут я и вправду никак не могу пойти вам навстречу. Мне небезразличен мой авторитет, слишком многое тут поставлено на карту, один такой мальчишка способен испортить мне всю эту шайку. Как раз с лифтерами нужно все время быть начеку. Нет-нет, в этом случае я никак не могу оказать

вам такую услугу, сколь ни стараюсь обычно вам услужить, вы же знаете. И даже если бы я вздумал, несмотря ни на что, его все же оставить — исключительно из любви к острым ощущениям, чтобы пощекотать себе нервы, — я бы и тогда ради вашего блага этого не сделал, да-да, ради вашего блага, госпожа главная кухарка, ему никак нельзя здесь оставаться. Вы принимаете в нем участие, которого он совершенно не заслуживает, и, поскольку я знаю не только его, но и вас, я прекрасно вижу, что все это принесет вам лишь безмерные огорчения, от которых и хочу вас избавить любой ценой. Говорю вам это со всей прямотой, хотя этот прожженный мальчишка стоит сейчас в двух шагах от меня. Он будет уволен, нет-нет, госпожа главная кухарка, уволен окончательно и бесповоротно, нет-нет, никаких переводов на другую работу, он совершенно непригоден. Кстати, на него поступают и другие жалобы. Главный швейцар, например, — что там было, Федор? — да, так вот, главный швейцар обижен на невежливость и даже наглость этого мальчишки. То есть как этого недостаточно? Но, позвольте, дорогая госпожа главная кухарка, неужели ради этого мальчишки вы готовы поступиться даже вашим безупречным характером?

Нет-нет, вы не вправе так на меня наседать.

В это мгновение швейцар склонился к уху распорядителя и начал что-то ему нашептывать. Тот сперва удивленно на него глянул, а потом заговорил в трубку с такой быстротой, что Карл поначалу вообще толком ничего не мог разобрать и на цыпочках подошел чуть ближе.

— Дорогая госпожа главная кухарка, — тараторил распорядитель. — Честно говоря, вот уж не думал, что вы так плохо разбираетесь в людях. Мне тут как раз сообщают некоторые сведения об этом вашем ангеле, которые в корне изменят ваше мнение, мне даже жаль, что именно я вынужден вам об этом говорить. Так вот, этот ваш паинька, которого вы называете образцом благовоспитанности и порядочности, ни одну свободную от службы ночь не пропускает без вылазки в город, откуда возвращается лишь под утро. Да-да, госпожа главная кухарка, это подтверждают свидетели, безупречные и надежные свидетели, да. Может, вы мне объясните, откуда у него берутся деньги на подобные увеселения? И как при подобном образе жизни он может внимательно нести службу? Или, может, вы хотите, чтобы я в подробностях вам расписал, чем он там в городе занимается? Ну нет, от такого маль-

чишки я поспешу избавиться в самом срочном порядке. А вы уж, пожалуйста, примите это как урок на будущее, чтобы впредь быть поосторожнее со всякими проходимцами с улицы.

— Но, господин старший распорядитель, — вскричал Карл, испытав истинное облегчение оттого, что, видимо, произошла какая-то вопиющая ошибка, разъяснение которой скорее всего против всяких ожиданий еще может повернуть его дело в лучшую сторону. — Тут явное недоразумение! Полагаю, это господин главный швейцар вам сказал, будто я каждую ночь ухожу. Но это совершенно не так, я, совсем напротив, каждую ночь бываю в спальном зале, и все ребята это могут подтвердить. Я либо сплю, либо изучаю коммерческую корреспонденцию, но из спального зала я ночью ни ногой. Это же легко доказать. Господин главный швейцар, очевидно, с кем-то меня перепутал, и теперь я понимаю, почему он решил, будто я с ним не здороваюсь.

— Замолчи сейчас же! — заорал главный швейцар, потрясая кулаком, хотя нормальный человек на его месте не погрозил бы и пальцем. — Это я-то тебя с кем-то спутал! Какой из меня тогда главный швейцар, если я буду путать людей? Нет, вы только послушайте, господин Избари, какой

же, я спрашиваю, из меня главный швейцар, если я буду людей путать? За тридцать лет службы никого никогда не спутал, и любой из сотни распорядителей, что у нас за это время сменились, может это подтвердить, а начиная с тебя, мерзкий ты мальчишка, я, выходит, стал путать! Это тебя-то я спутал — с твоей-то приметной гладкой рожей! Да что там путать — ты можешь хоть каждую ночь за моей спиной в город шнырять, а я только разок на тебя гляну и сразу скажу, что ты отъявленный мерзавец!

— Оставь, Федор, — сказал распорядитель, чей телефонный разговор с главной кухаркой, похоже, внезапно оборвался. — Дело-то совершенно ясное. А его ночные развлечения, в конце концов, должны нас волновать в последнюю очередь. Не то он, чего доброго, напоследок еще захочет, чтобы по его милости тут учинили подробное разбирательство его ночной жизни. Сдается мне, ему это даже доставит удовольствие. Как же — вызовем всех сорок лифтеров, заслушаем каждого как свидетеля, и все они, конечно, тоже с кем-то его спутают, постепенно в дело втянется весь обслуживающий персонал, а гостиницу, разумеется, на часок-другой можно и прикрыть, так что в итоге, перед тем как его с треском вышибут,

он хоть повеселится от души. Нет уж, этого мы затевать не будем. Главную кухарку, эту добрейшую женщину, он уже одурачил, но нас он не проведет. Больше ничего не желаю слушать, за служебное упущение ты с этой минуты уволен. Вот тебе записка в кассу, чтобы тебе выплатили жалованье по сегодняшний день. Вообще-то, между нами говоря, учитывая твое поведение, можешь считать, что это просто подарок, который я тебе делаю исключительно из уважения к госпоже главной кухарке.

Телефонный звонок, однако, не дал ему подписать записку.

— От этих лифтеров мне сегодня житья нет! — заорал он в трубку, едва услышав первые слова. — Но это же неслыханно! — вскричал он немного погодя. И, повернувшись от телефона к главному швейцару, сказал: — Будьте добры, Федор, попридержите-ка немного этого героя, у нас к нему еще будет разговор. — А в трубку приказал: — Немедленно ко мне!

Теперь-то наконец главный швейцар получил возможность выместить на Карле все, что ему не удалось высказать в словах. Он схватил Карла за руку чуть пониже плеча, но не спокойно, просто чтобы попридержать — это бы еще терпимо, — а

вцепился всей клешней, то ослабляя хватку, то стискивая руку все больней и больней, что при его недюжинной физической силе превращалось в нескончаемую пытку, от которой у Карла уже темнело в глазах. И он не только держал Карла, а вдобавок, словно получив еще и приказ как следует его оттаскать, подтягивал его вверх и то и дело встряхивал, полувопросительно приговаривая при этом:

— Может, я и сейчас тебя спутал? Может, я и сейчас тебя спутал?

На счастье Карла, тут вошел староста лифтеров, некто Бесс, вечно сопевший толстый увалень, и слегка отвлек внимание главного швейцара на себя. Карл к этому времени был настолько измочален, что едва смог кивнуть, когда с изумлением увидел проскользнувшую вслед за старостой Терезу, бледную как смерть, наспех одетую, с кое-как собранными в пучок волосами. В тот же миг она оказалась подле него и шепотом спросила:

— Главная кухарка уже знает?

— Старший распорядитель ей звонил, — ответил Карл.

— Тогда все хорошо, все будет хорошо, — выпалила она, шныряя глазами по сторонам.

— Да нет, — вздохнул Карл. — Ты же не знаешь,

что они мне предъявили. Мне придется уйти, главная кухарка тоже в этом убеждена. Прошу тебя, ни к чему тебе сейчас тут быть, иди к себе, я потом зайду попрощаться.

— Да Бог с тобой, Росман, что ты такое говоришь? Прекрасно ты у нас останешься и будешь жить сколько захочешь. Распорядитель сделает все, что главная кухарка ему скажет, он же в нее влюблен, я только недавно случайно узнала. Так что только не волнуйся.

— Пожалуйста, Тереза, уходи, прошу тебя. Я не смогу при тебе как следует защищаться. А мне нужно защищаться очень точно, потому что меня хотят оболгать. Чем лучше я буду следить и защищаться, тем больше надежды, что я останусь. Так что, Тереза… — Тут, к сожалению, он вдруг не сдержался и тихо добавил: — Если бы еще этот швейцар меня отпустил. Я даже не знал, что он мне враг. Вцепился в меня, как бульдог.

«Зачем я только это говорю! — подумал он в ту же секунду. — Ни одна женщина не может такое спокойно слушать».

И точно, не успел он даже свободной рукой удержать Терезу, как та уже накинулась на швейцара:

— Господин главный швейцар, будьте добры

немедленно отпустить Карла Росмана! Вы же делаете ему больно! Госпожа главная кухарка сейчас сама придет, вот тогда и увидите, что он ни в чем не виноват. Отпустите же его, не понимаю, какая вам радость его мучить!

И она даже схватила швейцара за руку.

— Приказ, милая барышня, приказ! — ответил тот, свободной рукой дружески притягивая ее к себе, другой же рукой тем сильнее стискивая Карла, словно не просто хотел причинить ему боль, а имел на его плечо, ставшее теперь его законной добычей, какие-то особые виды, далеко еще не достигнутые.

Понадобилось какое-то время, прежде чем Тереза сумела высвободиться из объятий главного швейцара и направилась было заступаться за Карла к распорядителю, который все еще выслушивал чрезвычайно обстоятельный и многословный рассказ Бесса, когда в комнату быстрым шагом вошла главная кухарка.

— Слава тебе Господи! — воскликнула Тереза, и на секунду этот ее громкий возглас как бы повис в наступившей тишине.

Старший распорядитель тотчас же вскочил, отстранив Бесса движением руки.

— Значит, вы сами пришли, госпожа главная

кухарка? Из-за такой-то ерунды? После нашего телефонного разговора я, конечно, мог это предположить, но все равно как-то не верилось. А между тем дело вашего подопечного предстает все в более мрачном свете. Боюсь, я и впрямь не смогу его уволить, потому что его придется арестовать. Вот, послушайте сами. — И он поманил к себе Бесса.

— Сперва я хотела бы переговорить с Росманом, — произнесла главная кухарка, усаживаясь в кресло, которое распорядитель настойчиво ей предлагал. — Карл, пожалуйста, подойди сюда, — попросила она.

Карл подошел — впрочем, скорее это швейцар его подтащил.

— Да отпустите же его, — гневно приказала главная кухарка, — он, в конце концов, не бандит и не убийца.

Главный швейцар и вправду его отпустил, но напоследок стиснул с такой силой, что от натуги у самого на глазах проступили слезы.

— Карл, — спокойно сказала главная кухарка, сложив руки на коленях, и посмотрела на Карла, чуть наклоня голову, так что это вовсе не походило на допрос, — прежде всего хочу тебе сказать, что все еще полностью тебе доверяю. Да

и господин старший распорядитель тоже человек справедливый, за это я ручаюсь. И мы оба, в сущности, хотим, чтобы ты тут остался. — В этом месте она мельком глянула на распорядителя, как бы прося ее не перебивать. — Так что забудь все, что тебе тут, возможно, успели наговорить. А прежде всего не принимай слишком близко к сердцу то, что, возможно, сказал тебе господин главный швейцар. Он, правда, человек вспыльчивый, что при его службе совсем неудивительно, но у него тоже есть жена и дети, и он тоже способен понять, что не стоит понапрасну мучить мальчика, у которого никого на свете нет и который и так достаточно наказан жизнью.

В комнате стало совсем тихо. Главный швейцар, ожидая объяснений, требовательно смотрел на распорядителя, но тот не сводил глаз с главной кухарки и только покачивал головой. Лифтер Бесс довольно бессмысленно ухмылялся из-за спины распорядителя. Тереза потихоньку всхлипывала то ли от горя, то ли от радости, изо всех сил стараясь, чтобы ее никто не услышал.

Карл, однако, смотрел — хоть и понимая, что это может выставить его в невыгодном свете, — не на главную кухарку, которая, конечно же, ждала от него взгляда, а упорно изучал пол у себя

под ногами. Боль в руке волнами расползалась во все стороны, рубашка налипла на больное место, и ему, по правде сказать, хотелось сейчас снять сюртук и поглядеть, в чем там дело. Все, что говорила главная кухарка, шло, конечно, от чистого сердца, но ему, как на беду, казалось, что как раз поэтому все и решат, что он этой доброты не достоин, что он два месяца незаслуженно пользовался благодеяниями главной кухарки, заслуживая на самом деле лишь одного — попасть в лапы главного швейцара.

— Я к тому это говорю, — продолжала главная кухарка, — чтобы ты отвечал честно и прямо, как ты, сколько я тебя знаю, всегда и отвечаешь.

— Извините, можно я пока сбегаю за врачом, парень-то там весь в крови, — ни с того ни с сего вмешался вдруг лифтер Бесс очень вежливо, но очень некстати.

— Иди, — бросил ему распорядитель, и Бесс стремглав выбежал вон. — Тут вот какая история, — обратился распорядитель к главной кухарке. — Главный швейцар держал мальчишку вовсе не шутки ради. Дело в том, что внизу в лифтерском спальном зале, на кровати обнаружили совершенно постороннего человека, он тщательно укрыт одеялом и пьян в стельку. Его,

конечно, разбудили и потребовали немедленно удалиться. Он же в ответ поднял шум, начал кричать, что это спальный зал Карла Росмана, а он его гость, что Росман лично его сюда привел и сурово накажет всякого, кто осмелится хоть пальцем его тронуть. А ждет он, дескать, Росмана потому, что тот обещал ему денег и пошел их где-то раздобыть. Покорнейше прошу обратить внимание, госпожа главная кухарка: обещал денег и пошел их где-то раздобыть. Тебе, Росман, тоже не мешает послушать, — небрежно бросил он Карлу, который как раз оглянулся на Терезу: та не отрываясь, смотрела на распорядителя во все глаза и лишь время от времени проводила рукой по лбу, то ли убирая выбившийся волосок, то ли просто так. — Или, может, я напомнил тебе еще кое о каких обязательствах? Ведь тот человек внизу среди прочего утверждает, что как только ты вернешься, вы с ним должны совершить ночной визит к некоей певице, чье имя, однако, никто так и не сумел разобрать, ибо нормально его произнести этот чудак не способен и все время норовит пропеть.

Здесь распорядитель прервался, поскольку главная кухарка, явственно побледнев, стремительно встала, даже слегка оттолкнув кресло.

— Лучше я избавлю вас от дальнейших подробностей, — поспешил сказать распорядитель.

— Нет-нет, пожалуйста, — возразила главная кухарка и даже тронула его за руку, — рассказывайте дальше, я хочу услышать все, за тем и пришла.

Тут главный швейцар, в подтверждение своей проницательности громко бия себя в грудь кулачищем, шагнул было вперед, однако распорядитель со словами: «Знаю-знаю, Федор, вы были совершенно правы!» — одновременно и утихомирил его, и поставил на место.

— Да больше, собственно, и рассказывать нечего, — неохотно сказал распорядитель. — Мальчишки — они мальчишки и есть, сперва они этого парня подняли на смех, потом началась ссора, ну, а после, поскольку хороших боксеров там всегда хватало, его попросту нокаутировали, и я даже побоялся выпытывать, сильно ли и что именно они ему там в кровь расквасили, потому что дерутся эти ребята, как звери, а уж пьяного поколотить для них и вовсе плевое дело.

— Так, — вымолвила главная кухарка, взявшись за спинку кресла и глядя прямо перед собой. — Ну а теперь, Росман, пожалуйста, скажи хоть что-нибудь! — попросила она немного

погодя.

Тереза, вдруг сорвавшись с места, подбежала к главной кухарке и взяла ее под руку, чего на памяти Карла никогда прежде не делала. Распорядитель, стоя почти вплотную к главной кухарке за спиной, осторожно поправил ее скромный кружевной воротничок, увидев, что тот слегка завернулся. Главный швейцар над самым ухом Карла гаркнул:

— Ну, что же ты? — однако возгласом этим хотел лишь замаскировать тычок в спину, который он Карлу тем временем успел дать.

— Это правда, — ответил Карл, из-за тычка, впрочем, куда менее уверенно, чем ему бы хотелось. — Правда, что я привел этого человека в спальный зал.

— А больше нам ничего и знать не надо, — от имени всех высказался швейцар. Главная кухарка безмолвно оглянулась сперва на распорядителя, потом на Терезу.

— Я просто не мог иначе, — продолжил Карл. — Этот человек мой бывший товарищ, мы с ним два месяца не виделись, а тут он вдруг пришел меня навестить, но так напился, что просто не мог сам уйти обратно.

Старший распорядитель, стоя возле главной

кухарки, вполголоса и как бы про себя заметил:

— Он, значит, пришел в гости, а потом так напился, что не мог уйти.

Главная кухарка, оглянувшись, быстро что-то шепнула распорядителю, на что тот с явно не относящейся к делу улыбкой начал тихо возражать. Тереза — Карл смотрел только на нее — в полном отчаянии уткнулась лицом главной кухарке в плечо и никого не желала видеть. Единственным, кого ответ Карла полностью удовлетворил, оказался главный швейцар, который несколько раз со значением повторил:

— Ну конечно, все правильно, собутыльник, надо выручать, — пытаясь взглядами и жестами донести до присутствующих истинный смысл этого своего заявления.

— Так что я виновен, — сказал Карл и сделал паузу, как бы ожидая от своих судей хоть словечка ободрения, которое придаст ему сил для дальнейшей защиты, но так и не дождался. — Виновен лишь в том, что привел этого человека, его зовут Робинсон, он ирландец, в спальный зал. Все остальное, что он там наговорил, он наговорил спьяну и все это неправда.

— Значит, денег ты ему не обещал? — спросил старший распорядитель.

— Ах да, — спохватился Карл, горько пожалев, что упустил такую важную подробность: видно, то ли второпях, то ли от волнения он слишком уж твердо определил границы своей невиновности. — Я обещал ему денег, потому что он меня об этом просил. Но я не собирался нигде их раздобывать, а хотел отдать чаевые, заработанные сегодня ночью.

В подтверждение своих слов он вынул из кармана и показал на раскрытой ладони несколько мелких монет.

— Ты, я погляжу, завираешься все больше, — сказал старший распорядитель. — Чтоб тебе поверить, надо тут же забыть все, что ты утверждал раньше. Выходит, сперва ты отвел этого Робинсона — кстати, даже тут я тебе не верю, таких фамилий в Ирландии отродясь не было, — сперва ты только отвел этого человека в спальный зал, хотя, между прочим, уже за одно это мог бы с треском отсюда вылететь, а денег вроде бы ему не обещал, но потом, стоит спросить тебя врасплох, выясняется, что ты все-таки обещал ему деньги. Но мы ведь тут не загадки разгадываем, мы хотим услышать твои оправдания. Ты говоришь, что не собирался нигде доставать деньги, хотел отдать ему свои сегодняшние чае-

вые, а потом оказывается, что чаевые все еще при тебе, значит, ты все-таки хотел раздобыть деньги где-то еще, о чем, кстати, свидетельствует и твое длительное отсутствие. В конце концов, не вижу ничего странного, если бы ты пошел достать деньги из чемодана, но вот то, что ты изо всех сил это отрицаешь, по меньшей мере странно, чтобы не сказать подозрительно. Равно как и твое желание во что бы то ни стало скрыть, что ты этого человека напоил уже здесь, в отеле, в чем нет ни малейших сомнений, ведь ты же сам признался, что пришел он на своих двоих, а уйти не мог, да и сам он на весь спальный зал орал, что он твой гость. Так что неясными остаются пока лишь две вещи, которые ты, для простоты дела, мог бы и сам нам растолковать, но до которых мы рано или поздно докопаемся и без твоей помощи. Это, во-первых, каким образом ты проникал в кладовые и, во-вторых, где ты раздобыл столько денег, чтобы так ими разбрасываться.

«Невозможно оправдываться, когда тебе не хотят верить», — подумал Карл и решил вовсе распорядителю не отвечать, сколь бы ни страдала от этого Тереза. Он знал: что бы он сейчас ни говорил, все будет истолковано превратно, и лишь чужой прихоти предоставлено здесь судить

о добре и зле.

— Он не отвечает, — проронила главная кухарка.

— Это самое разумное, что он может сделать, — заметил старший распорядитель.

— Небось сейчас чего-нибудь еще придумает, — изрек главный швейцар, любовно поглаживая бороду своей еще недавно столь свирепой рукой.

— Прекрати! — прикрикнула главная кухарка на Терезу, которая, прижавшись к ней, снова начала всхлипывать. — Ты же видишь, он не отвечает, чем же мне тогда ему помочь? Выходит, я же еще перед господином распорядителем и виновата? Ну скажи, Тереза, или ты считаешь, что я не все для него сделала?

Откуда Терезе это знать, и много ли проку от того, что, во всеуслышанье задавая несчастной девушке свой вопрос, главная кухарка как бы оправдывалась и извинялась перед этими двумя господами?

— Госпожа главная кухарка, — сказал Карл, еще раз собравшись с духом, но лишь для того, чтобы избавить Терезу от ответа, и ни с какой другой целью. — Не думаю, чтобы я вас как-то подвел или опозорил, и после тщательного расследования любой другой рассудил бы точно так же.

— Любой другой! — подхватил главный швейцар, указывая на распорядителя пальцем. — Это он в вас метит, господин Избари.

— Что же, госпожа главная кухарка, — произнес тот. — Уже полседьмого, пора, давно пора. Полагаю, вы уж позволите мне сказать заключительное слово в этом более чем терпеливо рассмотренном деле.

Тут в кабинет вошел маленький Джакомо, хотел было приблизиться к Карлу, но, вспугнутый необычной тишиной, не решился и остался стоять у двери.

Главная кухарка, однако, едва Карл произнес свои последние слова, не сводила с него глаз, и казалось, даже не слышит того, что говорит распорядитель. Эти глаза смотрели на Карла в упор — огромные, голубые, но уже слегка затуманенные возрастом и усталостью. Сейчас, когда она так стояла, слегка покачивая перед собой кресло, еще была надежда, что она вот-вот скажет: «Что ж, Карл, дело, как я погляжу, еще не разъяснилось до конца и требует, как ты верно заметил, самого тщательного расследования. И мы его сейчас проведем, не важно, согласны с этим остальные или нет, ибо справедливость прежде всего».

Вместо этого, однако, главная кухарка сказала

после непродолжительного раздумья, которое никто не осмеливался нарушить, — лишь часы в кабинете в подтверждение слов старшего распорядителя пробили полседьмого, а вместе с ними, секунда в секунду, это каждый знал, пробили все часы в огромном отеле, и их тяжелый двойной удар пронзил слух и душу, словно всколыхнув воздух судорогой великого нетерпения и гнева.

— Нет, Карл, нет и нет! Не стоит напрасно себя обманывать. Правое дело — оно и выглядит по-особому, а в твоем случае, должна признать, это совсем не так. Я могу и должна это сказать, ибо сама сюда пришла ради тебя и веря в тебя. Видишь, вот и Тереза молчит.

(Но она же не молчала, она плакала.)

Главная кухарка на секунду запнулась, словно приняв вдруг какое-то трудное решение, потом сказала:

— Карл, подойди-ка сюда.

И, когда он приблизился — старший распорядитель и главный швейцар у него за спиной тотчас же завели между собой оживленную беседу, — обхватила левой рукой его за плечи, прошла с ним и с безвольно плетущейся следом Терезой в глубину комнаты и там, прохаживаясь вместе с обоими взад-вперед, начала говорить:

— Вполне возможно, Карл, и ты, надеюсь, всерьез на это рассчитываешь, иначе я просто отказываюсь тебя понимать, вполне возможно, расследование и докажет твою правоту во всем до последней мелочи. Почему бы и нет? Может, ты и в самом деле здоровался с главным швейцаром. Тут я даже твердо тебе верю, знаю я, чего этот швейцар стоит, видишь, я и сейчас все еще вполне с тобой откровенна. Но подобные оправдания ничуть тебе не помогут. Господин распорядитель, чье умение разбираться в людях я за долгие годы нашего знакомства научилась ценить, он вообще самый надежный человек из всех, кого я знаю, ясно определил твою вину, и вина эта, на мой взгляд, неопровержима. Быть может, ты просто действовал необдуманно, но может, ты и вправду не тот, за кого я тебя принимала. И все же, — тут она прервалась, как бы сделав над собой усилие, и мельком оглянулась на швейцара и распорядителя, — и все же мне трудно пока что отвыкнуть от мысли, что ты, в сущности, добрый и порядочный мальчик.

— Госпожа главная кухарка! Госпожа главная кухарка! — окликнул ее распорядитель, перехватив ее взгляд.

— Мы сейчас, — ответила та и заговорила еще

быстрей: — Послушай, Карл, по тому, как мне видится это дело, я даже рада, что распорядитель не хочет затевать расследование, а захоти он его начать, я в твоих же интересах этого бы не допустила. Никто не должен знать, как и чем ты угощал этого человека, который, кстати, вовсе не один из твоих бывших товарищей, как ты уверяешь, ты ведь с ними напоследок рассорился, а теперь, выходит, одного из них вдруг решил потчевать. Так что это какой-то совсем другой знакомый, с которым ты по легкомыслию подружился ночью где-то в городской пивнушке. Но как ты мог, Карл, скрывать от меня все эти вещи? Если тебе, допустим, непереносима была обстановка в спальном зале, и по этой, в сущности, безобидной причине начались твои ночные похождения, почему ты мне ни слова об этом не сказал? Ты же знаешь, я хотела устроить тебя в отдельную комнату и лишь по твоим же настояниям от этого намерения отказалась. А теперь все выглядит так, будто ты нарочно предпочел спальный зал, тебе так было вольготнее! Но деньги-то свои ты хранил в моей кассе и чаевые каждую неделю мне приносил, откуда же, мальчик мой, скажи на милость, ты доставал деньги на все твои увеселения и где ты сейчас собирался раздобыть денег

для твоего дружка? Ведь это все вещи, о которых я, по крайней мере сейчас, старшему распорядителю даже заикнуться боюсь, не то, чего доброго, расследование и впрямь неизбежно. Так что тебе надо обязательно из отеля уходить, и притом как можно скорей. Отправляйся прямо сейчас в пансион Бреннера, — ты там с Терезой уже много раз бывал, — и по этой вот рекомендации они тебя немедленно примут. — И главная кухарка, вынув из кармана блузки золотую авторучку, черкнула несколько строк на своей визитке, продолжая при этом говорить: — Чемодан твой я тебе сегодня же переправлю. Тереза, что же ты стоишь, беги в гардеробную лифтеров и собери его чемодан!

(Но Тереза все еще не трогалась с места, так ей хотелось теперь, вытерпев столько мучений, сполна насладиться и явным поворотом к лучшему, который принимало дело Карла благодаря доброте главной кухарки.)

Кто-то, не осмеливаясь войти, слегка приоткрыл дверь и тут же снова ее захлопнул. Очевидно, это был какой-то знак, относившийся к Джакомо, ибо тот сделал шаг вперед и произнес:

— Росман, мне велено кое-что тебе передать.

— Сейчас, — сказала главная кухарка и торопливо сунула в карман Карлу, который слушал

ее, так и не подняв головы, свою визитную карточку. — Твои деньги пока что останутся у меня, ты знаешь, у меня они будут в сохранности. Сегодня посиди дома, обдумай все как следует, а завтра — сегодня у меня времени не будет, я и так слишком долго здесь задержалась, — я зайду к Бреннеру, и мы посмотрим, что для тебя можно сделать. В любом случае я тебя не брошу, говорю тебе об этом уже сегодня. О будущем своем не тревожься, тревожиться тебе надо скорее уж о недавнем прошлом.

С этими словами она потрепала его по плечу и направилась к старшему распорядителю, — Карл поднял голову и посмотрел вслед этой высокой, статной женщине, что удалялась от него легкой поступью и с легким сердцем.

— Ты что же, совсем не рад, — спросила оставшаяся подле него Тереза, — что все так хорошо кончилось?

— Еще бы, — ответил ей Карл и улыбнулся, хотя совершенно не мог понять, с какой стати он должен радоваться тому, что его выгоняют, как воришку.

Глаза Терезы лучились неподдельной радостью, словно ей решительно все равно, совершил Карл преступление или нет, справедливо его

обвинили или облыжно, главное — его отпускают на свободу, а уж с честью или с позором — не важно. И это Тереза, столь щепетильная на собственный счет, что, случалось, неделями переживала из-за какого-нибудь пустякового замечания главной кухарки, толкуя и перетолковывая его на все лады!

Карл с подвохом спросил:

— Ты чемодан мой сразу соберешь и отправишь?

И от изумления даже поневоле тряхнул головой — столь мгновенно разгадала Тереза его вопрос, так сразу и поверив, что в чемодане, должно быть, хранятся какие-то вещи, которые никто не должен увидеть, она даже не подумала поднять на него глаза, протянуть ему руку, только прошептала чуть слышно:

— Конечно, Карл, конечно, я сейчас же соберу чемодан.

И тотчас же убежала.

Тут и Джакомо не удержался и, взволнованный долгим ожиданием, громко выкрикнул:

— Росман, там внизу человек валяется и не дает себя вынести. Его хотели в больницу отправить, а он отбивается и кричит, ты, мол, никогда не допустишь, чтобы его в больницу запихнули.

Надо, мол, нанять машину и отвезти его домой, а за машину ты заплатишь. Будешь платить?

— Ишь как он на тебя полагается, — заметил старший распорядитель.

Карл пожал плечами и отсчитал в ладонь Джакомо деньги.

— Больше у меня нет, — сказал он.

— А еще он спрашивает, поедешь ты с ним или нет? — спросил Джакомо, позвякивая мелочью.

— Не поедет, — отрезала главная кухарка.

— Итак, Росман, — решительно изрек старший распорядитель, даже не дожидаясь, пока Джакомо уйдет, — с этой минуты ты уволен. — Главный швейцар несколько раз важно кивнул, будто это его собственные слова, а распорядитель их лишь повторяет. — Причины твоего увольнения я даже не решаюсь назвать вслух, иначе мне пришлось бы тебя задержать. — Главный швейцар с подчеркнутой строгостью глянул на главную кухарку, мол, уж он-то прекрасно знает, кому обязан Карл столь незаслуженно мягким обхождением. — Отправляйся к Бессу, переоденься, сдай ему ливрею, после чего изволь немедленно — ты слышал, немедленно! — покинуть отель.

Главная кухарка, желая ободрить Карла, успокаивающе прикрыла глаза. Поклонившись на

прощанье, Карл мельком успел заметить, что старший распорядитель как бы невзначай схватил ее руку и нежно перебирает в своей. Главный швейцар тяжелым шагом проводил Карла до двери, не дав тому ее закрыть, а, наоборот, попридержал, и все это лишь для того, чтобы крикнуть вслед:

— Через полминуты жду тебя внизу у главного входа и сам прослежу, как ты уйдешь, запомни!

Карл торопился что есть мочи, лишь бы избежать неприятной встречи у главного входа, но все шло куда медленнее, чем ему хотелось. Сперва он долго не мог найти Бесса, потому что было время завтрака и повсюду толпились люди, потом оказалось, что кто-то позаимствовал у Карла его старые брюки, и пришлось ему почти все вешалки у кроватей обыскивать, пока он наконец эти брюки не нашел, так что миновало, наверно, минут пять, прежде чем он появился у главного входа. Прямо перед ним как раз шествовала какая-то дама в сопровождении четверых спутников. Все они направлялись к большому лимузину, который их уже ждал и дверцу которого услужливый лакей держал нараспашку, широко отставив левую руку в сторону, что выглядело, конечно, необычайно торжественно. Но напрасно

надеялся Карл незаметно прошмыгнуть в дверь, затесавшись в столь знатное общество. В тот же миг главный швейцар уже цапнул его за рукав и, буквально продернув его между двумя господами, перед которыми он еще успел извиниться, подтащил к себе.

— И это называется полминуты? — спросил он, искоса поглядывая на Карла, как смотрят обыкновенно на неисправные часы. — Ну-ка, пойдем, — сказал он затем и повел его в огромную швейцарскую, в которую Карла, по правде сказать, давно подмывало заглянуть хоть разок, но куда теперь, подталкиваемый швейцаром, он шел недоверчиво и с опаской. Уже в дверях он попытался было повернуть, отстранить швейцара и уйти.

— Нет-нет, тебе сюда, — сказал швейцар, хватая Карла за плечи.

— Но ведь я уже свободен, — запротестовал Карл, имея в виду, что теперь, когда он уволен, никто в отеле ему не указ.

— Пока я тебя держу, ты не свободен, — ответил швейцар, кстати, в полном соответствии с истиной.

В конце концов, рассудил Карл, никаких резонов сопротивляться швейцару вроде бы нет. Ну

что еще с ним, в сущности, может случиться? К тому же стены швейцарской сделаны из огромных листов цельного стекла, сквозь которое толпу шныряющих людей в вестибюле видно до того отчетливо, будто ты и сам среди них. Да и во всей швейцарской не было, похоже, такого угла, где можно укрыться от посторонних глаз. И как ни спешили там, в вестибюле, люди, ибо каждый торопился, каждый пробивал себе дорогу сквозь толпу, кто раздвигая встречных рукой, кто сосредоточенно глядя себе под ноги, кто рыская глазами, а кто и вскинув над головой свою кладь, — но редко кто упускал случай бросить взгляд в швейцарскую, за стеклами которой вывешивались всевозможные объявления и правила, памятки и просто записки, предназначенные как для гостей, так и для обслуживающего персонала. Кроме того, между вестибюлем и швейцарской имелась и возможность непосредственного сообщения через два больших раздвижных окна, за которыми располагались два младших портье, чьи обязанности состояли лишь в том, чтобы бесперебойно давать справки по самым различным вопросам. Вот уж у кого была сумасшедшая работа, но Карл, уже зная теперь натуру главного швейцара, готов был поспорить, что тот все долгие годы службы

мечтал и тщился заполучить именно это место. Эти двое, посаженные на справки, неизменно видели перед собой — снаружи, из вестибюля, такое трудно было себе представить — по меньшей мере десяток вопрошающих физиономий. И среди этих десяти вопрошателей, всякий раз новых, зачастую царила такая мешанина языков, будто каждого специально прислали сюда из своей страны. То и дело несколько просунувшихся голов спрашивали что-то одновременно, а иные вдобавок успевали переговариваться друг с другом. Большинству нужно было что-то из швейцарской забрать либо, наоборот, там оставить, так что из чехарды лиц тянулись еще и требовательно размахивающие руки. Одному так не терпелось схватить газету, что та от его рывка нечаянно развернулась в воздухе, разом прикрыв собой все галдящие лица. И весь этот натиск двум главным портье надлежало стойко выдерживать. Обыкновенной речи при такой работе было явно недостаточно, они тараторили, особенно один, мрачного вида мужчина с черной бородой во все лицо, — этот вообще давал справки, не умолкая ни на секунду. Он не глядел ни на стол, на котором беспрестанно что-то перекладывал, ни на лица сменяющих друг друга клиентов,

а исключительно и только прямо перед собой, то ли сберегая, то ли накапливая силы. К тому же его борода, видимо, все же мешала разборчивости его речи, так что Карл, ненадолго возле него задержавшись, почти ничего из сказанного им не понял, хотя, как знать, быть может, как раз в это время портье при всей явственности английского акцента говорил на каком-то иностранном языке? Вдобавок сбивала с толку и сама его манера — всякая новая справка до того плотно примыкала к предыдущей и, можно сказать, сливалась с ней, что зачастую клиент с напряженным лицом все еще слушал, полагая, что ответ адресован ему, и лишь немного погодя соображал, что с ним давно покончено. Привыкнуть надо было и к тому, что этот младший портье в случае неясности никогда не просил повторить вопрос, даже если он в целом был понятен и лишь поставлен не вполне четко, — едва заметным движением головы портье давал понять, что на такой вопрос отвечать не намерен, предоставляя клиенту самому додумываться, где и в чем он дал промашку и как задать вопрос правильно. Именно за подобными раздумьями иные просители и проводили у окна довольно много времени. В помощь каждому портье был придан мальчишка-ординарец, кото-

рому надлежало — и только бегом — приносить с книжных полок и из всевозможных ящиков все, что младшему портье ежесекундно может понадобиться. Это была самая высокооплачиваемая, хотя и самая тяжелая работа, какую мог получить в отеле подросток, в известном смысле ординарцам доставалось даже похлестче, чем младшим портье, потому что портье надо было только думать и говорить, тогда как мальчишкам приходилось думать и бегать. Если ординарец приносил что-нибудь не то, у младшего портье, разумеется, не было времени на долгие разговоры и поучения, чаще всего по ошибке принесенная вещь, едва оказавшись на столе, тут же летела на пол. Очень интересно было наблюдать смену младших портье, она произошла как раз вскоре после прихода Карла. Подобные смены, должно быть, происходили, по крайней мере днем, довольно часто, ибо нормальный человек не в состоянии выдержать такую нагрузку дольше часа. Когда наступило время смены, ударил гонг, и в тот же миг из боковой двери вышли два младших портье, которым надлежало заступить на пост, каждый в сопровождении своего ординарца. Расположившись за спинами товарищей, они некоторое время простояли в бездействии, изу-

чая людей за окном и постепенно вникая в суть вопросов и ответов. Затем, улучив подходящую минуту, сменяющий хлопал сменяемого по плечу, и тот, хотя прежде, казалось, представления не имел о том, что творится у него за спиной, мгновенно все понимал и уступал свое место. Происходило все это так стремительно, что люди за окном нередко пугались и, завидя столь внезапно возникшее перед ними новое лицо, в страхе отшатывались. Смененные портье, с наслаждением потянувшись, шли к двум стоящим неподалеку умывальникам остудить свои разгоряченные головы, тогда как их ординарцам еще рано было потягиваться, им полагалось прежде подобрать с пола все сброшенные за время смены вещи и разложить по местам.

Понаблюдав за всем этим считанные мгновенья, но с величайшим интересом, Карл с легкой головной болью безропотно двинулся вслед за швейцаром, который повел его дальше. Очевидно, и от главного швейцара не укрылось впечатление, произведенное на Карла справочной службой, ибо он ни с того ни с сего дернул Карла за руку и сказал:

— Видишь теперь, вот так-то у нас работают.

Карл, правда, здесь в отеле тоже не баклуши

бил, но чтобы так работать — этого он даже представить не мог, а потому, почти начисто забыв, что главный швейцар его самый заклятый враг, поднял на него глаза и в знак уважительного согласия безмолвно кивнул головой. Но главный швейцар и этот жест воспринял по-своему, должно быть, усмотрев в нем то ли преувеличение заслуг младших портье, то ли недостаточно почтительное отношение к собственной персоне, ибо с обидой в голосе, будто Карл нарочно решил его позлить, он громко, ничуть не заботясь о том, что его могут услышать, заявил:

— Конечно, это самая дурацкая работа во всем отеле. Часок постоишь, послушаешь, и уже заранее знаешь почти все, о чем могут спросить, а на остальное и отвечать не обязательно. Не будь ты таким наглым, невоспитанным мальчишкой, если бы ты не врал, не шатался, не пил и не воровал, глядишь, я бы и приставил тебя к такому окошку, потому как на это дело только такие тупицы и годятся.

Карл легко пропустил мимо ушей ругань на свой счет, но тем больше его возмутило, что честный и нелегкий труд младших портье, достойный только уважения, можно столь бессовестно чернить, да еще устами человека, который, рискни

он хоть разок занять место у такого окошка, уже через несколько минут под хохот клиентов бежал бы с позором.

— Отпустите меня, — потребовал Карл, его любопытство по части швейцарской было утолено с лихвой. — Я вас больше знать не хочу.

— Чтобы уйти, одного хотения мало, — возразил главный швейцар и, стиснув Карла за плечи, так что тот шелохнуться не мог, буквально отнес его в дальний угол швейцарской. Неужто люди в вестибюле не видят, какое насилие учиняет над ним главный швейцар? А если видят, — не могут не видеть! — как же они такое допускают, почему ни один не остановится, хотя бы не постучит по стеклу, показывая швейцару, что за ним наблюдают и не позволят творить с Карлом все, что тому заблагорассудится?

Вскоре, однако, надежда на помощь из вестибюля отпала совсем, поскольку главный швейцар дернул за шнур и половину стеклянных стен швейцарской в мгновение ока до самого потолка закрыли плотные черные портьеры. Правда, и в этой части швейцарской тоже находились люди, но каждый по уши в своей работе, ничего кроме этой работы не видя и не слыша. К тому же все они у главного швейцара в подчинении и,

чем помогать Карлу, скорее уж помогут сокрыть любое злодейство, которое главный швейцар замыслит. Тут, к примеру, сидели шесть младших портье при шести телефонах. Обязанности их, как сразу можно было заметить, распределялись на пару: один лишь выслушивал в трубку указания, в то время как другой, выхватывая у него из-под рук записки, по своему телефону передавал распоряжения дальше. Это были те новые, последнего образца, телефоны, для которых не требуются отдельные кабинки, ибо звонок у них совсем тихий, наподобие стрекота, а в трубку можно даже шептать, и все равно благодаря особому электрическому усилению шепот на другом конце провода будет греметь громовым гласом. Вот почему тех троих, что только говорили, было почти не слышно, так что со стороны казалось, будто они, шевеля губами, пристально разглядывают что-то в телефонной трубке, тогда те трое, что только слушали, словно оглохнув от нахлынувших на них шумов, для окружающих, кстати, совершенно не слышных, склоняли головы над листами бумаги, исписывание которой и составляло, собственно, их задачу. Опять-таки и здесь у каждого из тех троих, что только говорили, стоял за спиной мальчишка-ординарец — в подмогу;

вся их работа заключалась лишь в том, чтобы, вытянув шею, прислушаться к каждому слову начальника, а потом, дернувшись, будто их кто ужалил, кидаться рыскать в огромных желтых книгах — шелест переворачиваемых страниц заглушал даже стрекот телефонов — в поисках нужного телефонного номера.

Карл, конечно, и от этого зрелища не мог оторваться, хотя главный швейцар, который тем временем сел, по-прежнему держал его перед собой, как в тисках.

— Я обязан, — заговорил главный швейцар, легонько встряхнув Карла, дабы тот повернулся к нему лицом, — именем дирекции хотя бы отчасти наверстать упущения старшего распорядителя, чем бы эти упущения ни были вызваны. И так каждый у нас — всегда готов выручить товарища. В таком большом деле иначе и нельзя. Ты, может, станешь тут говорить, что я не твой непосредственный начальник, — ну и что с того? Тем благородней с моей стороны взяться за дело, которое другой недосмотрел. Хотя вообще-то как главный швейцар я в известном смысле над всеми тут поставлен, ведь я заведую всеми входами-выходами, то бишь этим вот главным входом, тремя парадными и десятью служебными подъ-

ездами, не говоря уж о других бесчисленных дверях, дверцах, проходах и лазах. И, конечно, в этом смысле весь обслуживающий персонал обязан беспрекословно мне подчиняться. Это, понятное дело, большая честь, но, с другой стороны, и ответственность большая, ибо мне поручено дирекцией никого хоть сколько-нибудь подозрительного из гостиницы не выпускать. А как раз ты, вот захотелось мне так, кажешься мне очень даже подозрительным. — И от удовольствия он на секунду отпустил плечи Карла, чтобы тем крепче и больней по ним прихлопнуть. — Вероятно, ты вполне мог, — добавил он, веселясь от души, — незаметно прошмыгнуть через любую другую дверь, не стану же я из-за какого-то сопляка давать особые указания всем швейцарам. Но раз уж ты здесь, я с тобой позабавлюсь. Я, кстати, и не сомневался, назначая тебе свиданьице у главного входа, что ты придешь как миленький, ибо так уж заведено, все нахалы и неслухи становятся тише воды ниже травы как раз тогда, когда им от этого самый вред. Ты еще не раз на собственной шкуре в этом убедишься.

— Не думайте, — выпалил Карл, вдыхая исходивший от главного швейцара странный замшелый запах, который он только сейчас, стоя

к тому вплотную, впервые почувствовал, — не думайте, — выпалил он, — будто я полностью в вашей власти, я ведь могу и закричать.

— А я могу заткнуть тебе рот, — возразил главный швейцар так же быстро и деловито, как он, по-видимому, в случае надобности и осуществил бы это свое намерение. — Да если даже кто и прибежит, неужто ты и вправду думаешь, будто найдется хоть кто-то, кто поверит тебе супротив меня, главного швейцара. Так что ты эти пустые надежды лучше брось. Знаешь, пока ты еще в форме ходил, в тебе, может, и была какая-то представительность, но в этом костюме, который и впрямь только в Европе и носить…

И он презрительно одернул костюм Карла в самых разных местах — тот и вправду, хотя всего пять месяцев назад выглядел почти как новый, теперь был весь в складках, заношен, а главное, заляпан пятнами, что в первую очередь объяснялось неряшливостью других лифтеров, которые каждый день, следуя неукоснительному предписанию содержать пол спального зала в чистоте и блеске, должны были производить уборку, но, конечно, ленились и вместо этого просто поливали пол какой-то маслянистой дрянью, нещадно забрызгивая при этом всю одежду на вешалках. И

где бы и сколь бы тщательно ты ни хранил свою одежду, всегда находился кто-то, кто свое тряпье куда-то задевал, зато чужое, припрятанное, находил с легкостью и, конечно, без спросу одалживал поносить. Причем ее вполне мог одолжить и тот, кому в этот день полагалось делать уборку зала, и тогда уж одежда неминуемо была не просто забрызгана мастикой, а залита ею сверху донизу. Один Реннел хранил свои роскошные наряды в каком-то потайном месте, где до них пока вроде бы никто не добрался, тем более что одалживали-то чужую одежду вовсе не по злобе и не из жадности, просто по небрежности и в спешке каждый хватал, что под руку попадется. Но даже на костюме у Реннела посередке на спине было круглое красноватое пятнышко мастики, так что сведущий человек, встретив элегантного красавца Реннела в городе, безошибочно распознал бы в нем лифтера по этой отметине.

И, вспомнив все это, Карл подумал, что и он в лифтерах хлебнул достаточно горя, а все равно напрасно, потому что его лифтерская служба не стала, как он надеялся, первой ступенькой на пути к хорошему месту, напротив, он отброшен теперь еще ниже и докатился чуть ли не до тюрьмы. А тут еще главный швейцар вцепился в

него мертвой хваткой и не отпускает, как видно, раздумывает, чем бы таким еще Карла унизить. И начисто позабыв о том, что главный швейцар совсем не тот человек, которого можно убедить, Карл воскликнул, несколько раз пристукнув себя по лбу, благо как раз рука освободилась:

— Ну даже если я и вправду с вами не здоровался, вы же взрослый человек, как вы можете быть таким злопамятным!

— Я не злопамятный, — ответил главный швейцар, — я только хочу обыскать твои карманы. Я, правда, уверен, что ничего не найду, у тебя наверняка хватило ума сплавлять краденое своему дружку, а уж он мало-помалу, день за днем все перетаскивал. Но обыскать тебя нужно. — И с этими словами он с такой силой сунул руку Карлу в карман, что боковые швы сразу же лопнули. — Так, тут уже ничего, — произнес он, изучая на ладони содержимое этого кармана: гостиничный рекламный календарик, листок с заданием по коммерческой корреспонденции, несколько запасных пуговиц от брюк и пиджака, визитную карточку главной кухарки, пилку для ногтей, которую бросил однажды Карлу постоялец, второпях пакуя чемодан, старое карманное зеркальце, преподнесенное Реннелом в благо-

дарность за десять, если не больше, подмен по службе, и еще какие-то мелочи. — Тут, значит, ничего, — повторил главный швейцар и швырнул все под скамью, будто само собой разумелось, что собственности Карла, коли уж она не краденая, только там, под скамьей, и место.

«Ну все, с меня хватит!» — сказал себе Карл, — лицо его, должно быть, пылало от стыда, — и, когда главный швейцар, в приступе жадности утратив всякую бдительность, начал шуровать во втором кармане, Карл одним рывком выскользнул из рукавов, сиганул, еще плохо соображая, куда-то в сторону, нечаянно, но довольно сильно толкнув при этом одного из младших портье прямо на его телефон, и побежал — от духоты гораздо медленнее, чем рассчитывал — к двери, но все-таки благополучно выскочил из швейцарской, прежде чем главный швейцар в своей тяжелой шинели успел хотя бы привстать. Видимо, организация охраны поставлена в отеле все же не столь безупречно, с разных сторон, правда, затрезвонили звонки, но один Бог ведает, с какой целью, а служащие хоть и сновали туда-сюда по вестибюлю в таком количестве, будто им специально поручено затруднить любому постояльцу вход и выход, ибо какого-то иного

смысла в их беспорядочном хождении при всем желании усмотреть было нельзя, — как бы там ни было, Карл вскоре очутился на свежем воздухе, однако все еще вынужден был идти вдоль гостиничного тротуара, не имея возможности попасть на другую сторону, поскольку к главному входу сплошняком выстроилась и медленно, с остановками, переползала шеренга подаваемых к подъезду машин. Машины эти, торопясь как можно скорей добраться до своих хозяев, от нетерпения буквально подталкивали друг друга — каждая упиралась носом в хвост предыдущей. Правда, иные из пешеходов, кому было особенно некогда, чтобы попасть на другую сторону, то тут, то там пролезали прямо через кабины некоторых автомобилей, будто это проходной двор, ничуть не заботясь о том, кто в машине сидит — только ли шофер и прислуга или важные господа. Подобная смелость показалась Карлу все же чрезмерной, видимо, надо уж очень хорошо знать здешние порядки, чтобы на такое решиться, ведь этак он сдуру угодит в такой автомобиль, пассажирам которого это вовсе не понравится, и его мигом вышвырнут, да еще, чего доброго, устроят скандал, а скандала ему, мелкому гостиничному служащему, к тому же беглому, подозрительному

на вид, в одной жилетке, надо остерегаться пуще всего на свете. В конце концов, не вечно же этой шеренге машин тянуться, да и он, покуда как бы прогуливается возле отеля, меньше всего бросается в глаза. Вскоре Карл и впрямь дошел до такого места, где очередь машин хотя и не кончилась, но, завернув за угол, стала пореже. Только он собрался нырнуть наконец в толчею улицы, где уж наверняка свободно разгуливают личности куда более подозрительного вида, нежели он, как вдруг совсем рядом кто-то окликнул его по имени. Он обернулся и увидел знакомые лица двух гостиничных лифтеров: из каких-то низеньких дверей, более всего напоминавших вход в гробницу, они с превеликим трудом вытаскивали носилки, на которых, как он только сейчас догадался, и вправду лежал Робинсон, с ног до головы весь в многочисленных бинтах и повязках. Жутко было смотреть, как он водит руками по глазам, отирая этими повязками слезы — то ли от боли и иных перенесенных страданий, то ли от радости, что снова видит Карла.

— Росман, — воскликнул он с упреком в голосе, — сколько же можно тебя дожидаться! Я уже целый час отбиваюсь, чтобы меня не смели увозить, пока ты не придешь. Эти гады, — тут

он закатил одному из лифтеров подзатыльник, словно повязки дают ему право на полную неприкосновенность, — это же звери какие-то! Ах, Росман, вот и ходи к тебе в гости, видишь, во что мне это обошлось.

— Что же они с тобой сделали? — спросил Карл, подходя к носилкам, которые ребята, решив сделать передышку, опустили на землю.

— Ты еще спрашиваешь, — вздохнул Робинсон. — А ведь и сам видишь, на что я похож. Да ты пойми, я теперь, может, на всю жизнь калекой останусь, так меня избили. У меня боли жуткие, все болит от сих до сих. — И он показал сперва на свою голову, потом на пятки. — Видел бы ты, как у меня кровища из носу хлестала. Жилетку всю испортил, я ее даже брать не стал, штаны порвали, я вон в одних кальсонах. — И он приподнял одеяло, предлагая Карлу самому в этом убедиться. — Что теперь со мной будет! Мне же теперь несколько месяцев, это уж точно, пластом лежать, и я тебя сразу предупреждаю, у меня никого нет, кроме тебя, чтобы за мной ухаживать, у Деламарша на это терпения не хватит. Росман, родненький! — И Робинсон потянулся к слегка отпрянувшему от него Карлу, норовя его погладить и хоть так завоевать его расположение. — Зачем только меня

к тебе послали! — причитал он снова и снова, не давая Карлу забыть о том, что в приключившемся с ним несчастье есть и его, Карла, доля вины.

Карл, впрочем, давно уже понял, что истинная причина жалоб и стенаний Робинсона вовсе не увечья, а жесточайшее похмелье, ибо, не успев спьяну заснуть, он был почти сразу же разбужен и, к немалому своему изумлению, тут же в кровь избит, после чего, конечно, с трудом соображал, на каком он свете. Пустяковость же его болячек легко было определить по бесформенным, кое-как накрученным повязкам из старого тряпья, которыми лифтеры потехи ради обмотали его где попало, но с головы до ног. Да и ребята, что несли носилки, то и дело прыскали от смеха. Но сейчас не время и не место было приводить Робинсона в чувство, ибо вокруг них торопливо сновали многочисленные прохожие, ничуть не обращая внимания на странную группу с носилками, некоторые с истинно гимнастической сноровкой даже перепрыгивали через Робинсона, нанятый на деньги Карла шофер уже кричал им: «Живей! Живей!», ребята, собравшись с силами, подняли носилки, а Робинсон, схватив Карла за руку, заискивающе умолял:

— Ну пошли, пошли же!

В этом странном костюме, без пиджака, может, ему и вправду лучше всего укрыться в темном нутре автомобиля? И он уселся рядом с Робинсоном, который тут же положил ему голову на плечо, оставшиеся на тротуаре лифтеры через заднее окошко сердечно пожали ему, бывшему их сотруднику, руку, машина рванула, резко выворачивая поперек улицы, казалось, аварии не избежать, но могучий поток движения спокойно вобрал в себя и эту частицу и понес ее вперед все быстрей и быстрей.

Глава седьмая

Улица, на которой внезапно остановилась машина, залегла где-то в глухом предместье: вокруг было тихо, на тротуаре, сидя на корточках, беззаботно играли дети, и только старьевщик с узлом тряпья через плечо монотонно что-то выкрикивал, хищно поглядывая на окна верхних этажей, — Карл устало вылез из машины и, едва ступив на асфальт, залитый нестерпимо ярким и знойным утренним солнцем, сразу почувствовал себя неуютно.

— Ты точно здесь живешь? — крикнул он Робинсону в машину. Робинсон, который всю дорогу спал как убитый, буркнул в ответ что-то невнятно утвердительное и, похоже, надеялся, что Карл понесет его на руках. — Тогда мне здесь больше делать нечего. Будь здоров! — бросил Карл и легко шагнул вперед: улица шла под гору.

— Карл, ты куда? — испуганно вскричал Робинсон, мгновенно вскакивая с сиденья, уже вполне способный, как оказалось, держаться на ногах, пусть и не очень твердо.

— Мне надо идти, — просто ответил Карл, окон-

чательно успокоенный признаками столь явного и скорого выздоровления.

— Прямо так, без пиджака? — ехидно поинтересовался Робинсон.

— Ничего, китель я себе еще заработаю, — заверил его Карл, с достоинством кивнув и даже рукой махнув на прощанье, и, наверно, он бы и в самом деле ушел, если бы не водитель, который вдруг его окликнул:

— Минуточку терпения, молодой человек!

Выяснилось — вот ведь незадача, — что таксист требует дополнительной оплаты, ведь с ним рассчитались только за проезд, но не за простой, а он долго ждал у гостиницы.

— Ну да! — выкрикнул из машины Робинсон, подтверждая правоту этих притязаний. — Мы же вон сколько тебя ждали! Так что ты уж ему что-нибудь дай.

— Вот именно, — прибавил таксист со значением.

— Да я бы с удовольствием, если б было что, — растерянно бормотал Карл, шаря по карманам, хотя и знал, что искать там нечего.

— А мне больше не с кого получить, — заявил шофер, расправляя плечи и приосаниваясь. — С того, увечного, какой спрос.

От стены соседнего дома отделился молодой парень с дыркой вместо носа и, подойдя поближе, теперь с интересом прислушивался к разговору. Откуда-то из-за угла возник патрульный полицейский и, завидев посреди улицы человека в жилетке, остановился, исподлобья присматриваясь к происходящему. Робинсон, тоже заметив полицейского, повел себя совсем уж глупо, выкрикнув из машины: «Ничего страшного! Ничего страшного!» — словно полицейского можно отогнать как назойливую муху. Дети, сперва глазевшие на полицейского, только теперь, когда тот остановился, углядели Карла и шофера и гурьбой бросились к ним. В подъезде напротив, как изваяние, застыла старуха, не спуская с них тяжелого, неподвижного взгляда.

— Росман! — послышалось вдруг откуда-то с высоты. Это был голос Деламарша, доносившийся с балкона последнего этажа. Сам Деламарш был отсюда едва различим, на фоне белесого голубого неба смутно угадывалась лишь чья-то мужская фигура, по-видимому, в домашнем халате, — свесившись с балкона, мужчина рассматривал их в театральный бинокль. Рядом с ним веселым, свежим пятном алел раскрытый солнечный зонт, под которым, судя по всему, расположилась

женщина.

— Привет! — крикнул Деламарш еще громче, чтобы Карл его услыхал. — А Робинсон тут?

— Тут! — отозвался Карл, и еще одно, куда более громкое и радостное «Тут!» Робинсона эхом вторило ему из машины.

— Привет! — снова крикнул Деламарш. — Сейчас спущусь.

Робинсон снова привстал с сиденья.

— Вот это человек! — провозгласил он, обращая свой похвальный отзыв о Деламарше и к Карлу, и к таксисту, и к полицейскому, вообще ко всякому, кто пожелал бы его услышать.

Наверху, на балконе, куда как бы по инерции все еще были обращены взоры собравшихся, хотя Деламарша там уже не было, действительно оказалась женщина: очень полная, в красном платье, она теперь встала под зонтом во весь свой внушительный рост, взяла с перил бинокль и направила на людей внизу, — только тогда те мало-помалу начали отводить глаза. Карл, дожидаясь Деламарша, смотрел в арку ворот и еще дальше, во двор, где, очевидно, шла разгрузка товара: почти непрерывной цепочкой двор пересекали люди, и каждый нес на плече небольшой, но, судя по всему, очень тяжелый ящик. Таксист

отошел к машине и, чтобы не терять время попусту, принялся протирать тряпкой фары. Робинсон недоверчиво ощупывал свои конечности, как бы изумляясь отсутствию сильных болей даже при столь придирчивом обследовании, а потом, согнувшись в три погибели, начал осторожно разматывать одну из толстенных повязок на ноге. Полицейский, перехватив дубинку за оба конца, терпеливо ждал в позе человека, для которого ждать — не важно, подкарауливая ли преступника или просто следя за порядком, — самая привычная обязанность. Парень с провалившимся носом уселся на каменную тумбу у ворот, вытянув перед собой ноги. Дети исподволь, робкими шажками, приближались к Карлу, — видимо, он, хоть и не обращал на них никакого внимания, благодаря жилетке казался им здесь самым главным.

По тому, сколько времени прошло до появления Деламарша, нетрудно было судить, какой это высоченный домина. И это при том, что Деламарш не подошел, а почти подбежал к ним в наспех, кое-как запахнутом халате.

— Вот и вы! — выкрикнул он на ходу то ли радостно, то ли сердито. Он шел решительно, и полы халата при каждом шаге слегка распахи-

вались, открывая миру пестрое нижнее белье. Карл не вполне понимал, с какой это стати здесь, прямо в городе, в этом убогом квартале да еще посреди улицы Деламарш расхаживает в халате, будто у себя дома или на даче. Как и Робинсон, Деламарш тоже изменился. Его смугловатое, до синевы выбритое, подозрительно гладкое лицо с заплывшими мешками щек источало самодовольство и надменность. Неприятно поражал его взгляд — колкий, холодный, с почти неизменным теперь прищуром. Фиолетовый халат был хоть и старый, весь в сальных пятнах, к тому же явно ему велик, но из-под этой омерзительной хламиды горделиво топорщился темный шейный платок тяжелого шелка.

— Ну? — спросил он, обращаясь ко всем сразу.

Полицейский подошел чуть ближе и облокотился на капот машины. Карл дал краткое разъяснение:

— Робинсон немного прихворнул, но, если постарается, вполне сможет сам подняться по лестнице, а шофер вот требует доплаты, хотя за проезд я с ним рассчитался. А теперь я пойду, всего хорошего.

— Никуда ты не пойдешь, — отрезал Деламарш.

— А я что ему говорю? — поддакнул из машины Робинсон.

— Нет, пойду, — твердо сказал Карл, порываясь уйти. Но Деламарш уже подскочил к нему сзади и силой тащил обратно.

— А я говорю, ты останешься! — крикнул Деламарш.

— Да пустите же меня! — возмутился Карл, готовый, если потребуется, кулаками добыть себе свободу, сколь ни малы были его надежды на успех в поединке с таким громилой, как Деламарш. Но ведь рядом полицейский, да и таксист тут, а вдалеке по вообще-то тихой улице группами идут рабочие, — разве все эти люди дадут Карла в обиду? Это где-нибудь в комнате, один на один, он бы не стал с Деламаршем связываться — но здесь? Деламарш тем временем спокойно расплатился с шофером, который, беспрерывно кланяясь, засунул в бумажник незаслуженно щедрое вознаграждение и в знак особой благодарности подошел теперь к Робинсону, вероятно, обсуждая с ним, как поудобнее извлечь того из машины. На Карла никто не глядел; наверно, Деламаршу легче смириться с его молчаливым уходом, что ж, если можно избежать ссоры, тем лучше — и Карл ступил с тротуара на мостовую,

намереваясь как можно скорей и незаметней уйти. Дети гурьбой кинулись к Деламаршу докладывать о бегстве Карла, но его вмешательства даже не потребовалось, ибо полицейский, ткнув в его сторону дубинкой, произнес: «Стой!»

— Как тебя зовут? — спросил он, зажав дубинку под мышкой и неспешно извлекая из сумки какую-то книгу. Карл впервые глянул на него внимательно — это был сильный мужчина, но уже почти совсем седой.

— Карл Росман, — ответил он.

— Росман, — повторил полицейский, повторил, несомненно, лишь по привычке, просто потому, что он вообще человек спокойный и обстоятельный, но Карлу, который, по сути, впервые столкнулся с американскими властями, уже в самом этом повторе почудилась зловещая подозрительность. Видно, дела его и впрямь плохи, вон даже Робинсон, еще недавно всецело озабоченный только своей персоной, теперь из машины подает Деламаршу отчаянные знаки, призывая того все же помочь Карлу. Но Деламарш только головой тряхнул, мол, отстань, и по-прежнему пребывал в бездействии, засунув руки в необъятные карманы своего халата. Парень, рассевшийся на тумбе, уже объяснял женщине, только что вышедшей

из ворот, что тут происходит, — по порядку и с самого начала. Дети полукругом расположились у Карла за спиной и молча, во все глаза смотрели на полицейского.

— Предъяви-ка документы, — сказал полицейский. Видимо, сказал просто так, для проформы, много ли может быть документов у человека без пиджака. Поэтому Карл промолчал, приготовившись подробно ответить на следующий вопрос и тем самым по возможности сгладить неприглядный факт отсутствия у него документов. Но следующий вопрос был:

— Выходит, у тебя нет документов?

Карлу ничего не оставалось, как ответить:

— С собой нет.

— Плохо дело, — произнес полицейский, задумчиво глянув по сторонам и постукивая двумя пальцами по переплету книги. — Ты хоть работаешь где-нибудь? — спросил он наконец.

— Я был лифтером, — ответил Карл.

— Был, а сейчас, значит, уже не лифтер. На что же ты сейчас-то живешь?

— Сейчас я собирался искать новое место.

— Так тебя только что уволили?

— Да, час назад.

— Прямо так, сразу?

— Да, — сказал Карл и, как бы извиняясь, сделал неопределенный жест рукой. Не мог же он рассказать здесь все как было, да если бы и мог, все равно безнадежная это затея — пытаться рассказом о прошлой несправедливости отвести от себя угрозу несправедливости новой. Уж если он не сумел отстоять свою правоту перед лицом доброй кухарки и проницательного распорядителя, то здесь, на улице, от случайных людей ждать сочувствия и подавно не приходится.

— Так прямо без пиджака и уволили? — допытывался полицейский.

— Ну да, — ответил Карл. Выходит, в Америке у представителей власти тоже заведено спрашивать о том, что и так очевидно. (Ох, как злился отец, выправляя ему заграничный паспорт, на бесконечные и бессмысленные расспросы чиновников!) Больше всего Карлу сейчас хотелось просто убежать и куда-нибудь спрятаться — лишь бы не слышать никаких вопросов. Тем более что полицейский как раз задал вопрос, которого Карл пуще всего боялся, в тревожном ожидании которого он и на предыдущие вопросы отвечал не так свободно и складно, как, вероятно, мог бы ответить.

— В каком же отеле ты служил?

Карл потупил голову и промолчал, отвечать на этот вопрос он не станет ни за что на свете. Не хватало еще, чтобы его под конвоем полицейского доставили в отель «Оксиденталь», где начнется новое дознание, на которое вызовут его друзей и его недругов, после чего главная кухарка окончательно изменит свое, и так уже изрядно пошатнувшееся, доброе мнение о Карле, поскольку она-то надеется, что он в пансионе Бреннера, а его, как воришку, в сопровождении полицейского, в одной жилетке, без ее визитной карточки, притащат обратно, и, завидев это, распорядитель, вероятно, ограничится только укоризненно-понимающим кивком, зато уж главный швейцар наверняка изречет что-нибудь о Божьей длани, которая, дескать, наконец-то словила шельму.

— Он служил в отеле «Оксиденталь», — сообщил Деламарш, подойдя к полицейскому.

— Нет! — выкрикнул Карл и даже ногой топнул. — Неправда!

Деламарш только глянул на него и издевательски скривил губы с таким видом, будто он еще много о чем мог бы порассказать, но покамест повременит. Среди детей внезапный гнев Карла вызвал тихий переполох, и теперь все они переметнулись к Деламаршу, чтобы наблюдать за

Карлом с безопасного расстояния. Робинсон, весь высунувшись из машины и вытянув шею, замер в полной неподвижности, — лишь редкое подрагивание век оживляло его застывшее лицо. Парень у ворот от восторга даже хлопнул в ладоши, но женщина рядом тут же ткнула его локтем в бок, чтобы он успокоился. У грузчиков как раз начался перерыв на завтрак, они гурьбой высыпали на улицу с большими кружками черного кофе в руках, обмакивая в кофе рогалики. Некоторые усаживались поблизости, на бордюр тротуара, а кофе все прихлебывали с невероятным шумом.

— Так вы его знаете? — обратился полицейский к Деламаршу.

— Лучше, чем хотелось бы, — усмехнулся тот. — В свое время я сделал ему немало добра, только отблагодарил он меня не лучшим образом, о чем, полагаю, вы и сами догадываетесь даже после столь краткого предварительного допроса.

— Да, — согласился полицейский. — Мальчишка, похоже, одичал.

— Так оно и есть, — подтвердил Деламарш, — но это бы еще полбеды.

— Вот как? — оживился полицейский.

— О да! — заливался Деламарш, не вынимая рук из карманов, отчего полы его халата распахива-

лись все энергичней и шире. — Он тонкая бестия! Я и мой друг, — вон он, в машине, — встретились с ним случайно, помогли в беде, он ведь тогда ничего не смыслил в здешней жизни, только что из Европы приехал, где, видно, в нем тоже не больно-то нуждались, — так мы потащили его с собой, делили с ним кров и пищу, все ему растолковывали, хотели место ему приискать и вообще надеялись, несмотря на все его дурные задатки, сделать из него человека, — как вдруг однажды ночью он исчезает. Сбежал — и все, да еще при таких сопутствующих обстоятельствах, что об этом я лучше умолчу. Так было дело или не так? — воскликнул он под конец и даже дернул Карла за рукав.

— Назад, ребятня! — прикрикнул на детей полицейский: те подошли так близко, что на одного малыша Деламарш чуть не свалился. Тем временем грузчики, прежде явно недооценив занимательность происходящего, мало-помалу начали прислушиваться к допросу и тесным полукольцом сбились за спиной у Карла, так что теперь он назад и шагу не мог ступить, да к тому же в ушах у него стоял беспрерывный гомон их голосов на совершенно непонятном наречии — смеси английских и еще каких-то, скорее всего

славянских, слов, — на котором они то ли переговаривались, то ли вяло переругивались между собой.

— Благодарю за ценные сведения, — сказал полицейский, отдав Деламаршу честь. — Придется мне его забрать и доставить в отель «Оксиденталь».

Но тут Деламарш неожиданно сменил тон:

— Я бы просил вас пока что оставить мальчишку у меня, мне с ним надо кое-что уладить. Разумеется, я обязуюсь потом лично препроводить его в отель.

— Нет, так не пойдет, не могу, — возразил полицейский.

— Вот моя визитка, — важно произнес Деламарш и протянул полицейскому визитную карточку.

Тот взглянул на карточку с уважением, как бы признавая ее значимость, но потом, вежливо улыбнувшись, твердо сказал:

— Нет, это исключено.

Карл, сколь ни остерегался он Деламарша прежде, сейчас лишь в нем одном видел свое спасение. Хоть и подозрительно было, с какой это стати тот захотел вдруг отбить его у полицейского, но Деламарша в любом случае легче уговорить не

доставлять его, Карла, обратно в отель. Впрочем, даже если Деламарш хоть силой его притащит, все равно это куда лучше, чем появиться в отеле в сопровождении полицейского. Но пока что, разумеется, нельзя и виду подавать, что он хочет к Деламаршу, иначе все пропало. Он с тревогой посматривал на руку полицейского, готовую, казалось, в любую секунду его сцапать.

— Надо хотя бы выяснить, за что его уволили, — произнес наконец полицейский, как бы оправдываясь перед Деламаршем, который, угрюмо пряча глаза, нервно мял визитку в своих толстых пальцах.

— Да вовсе он не уволен, — ко всеобщему изумлению, вскричал вдруг Робинсон, чуть не вываливаясь из машины и хватаясь за шофера. — Наоборот, у него там очень хорошее место. А в спальном зале он вообще за старшего и имеет право пускать кого захочет. Просто работы у него полно, и, когда к нему приходишь, надо долго его ждать. То он, понимаешь, у распорядителя, то у главной кухарки, он там у всех в большом доверии. Так что совсем он даже не уволен. Просто не знаю, зачем он так сказал. Да и когда могли его уволить? Я был в отеле, сильно поранился, ему поручили отвезти меня домой, ну, а поскольку

он был без пиджака, он без пиджака и поехал. Не ждать же мне, пока он пиджак наденет!

— Вот видите! — разводя руками, произнес Деламарш укоризненным тоном, словно упрекая полицейского в плохом знании людей и, казалось, двумя этими словами внося абсолютную ясность в путаные рассуждения Робинсона.

— Так это что, тоже правда? — спросил полицейский упавшим голосом. — А если правда, с какой стати мальчишка врет, что его уволили?

— Ну же, объясни! — потребовал Деламарш.

Карл смотрел на полицейского, которому надлежало блюсти порядок среди этих чужих людей, пекущихся каждый только о себе и своем интересе, и какая-то частица его непомерной, всеобъемлющей заботы передалась и ему, Карлу. Лгать он не хотел и только крепче сцепил за спиной руки.

В воротах показался бригадир и хлопнул в ладоши, призывая грузчиков снова приниматься за работу. Разом умолкнув, они вразвалку, тяжелым шагом потянулись во двор, на ходу выплескивая из кружек кофейную гущу.

— Этак мы никогда не разберемся, — сказал полицейский и уже потянулся схватить Карла за плечо.

Карл — еще непроизвольно — отпрянул, но, ощутив за спиной пустоту освобожденного грузчиками пространства, круто повернулся и в несколько прыжков бросился бежать. Взвизгнули дети и, указывая на Карла ручонками, побежали было следом, но быстро отстали.

— Держи его! — крикнул полицейский и, время от времени оглашая этим криком длинную, почти безлюдную улицу, припустился за Карлом упругой и бесшумной побежкой, в которой угадывались и сила, и годами отработанный навык. Еще счастье для Карла, что погоня происходила в рабочем квартале. Рабочие не слишком-то ладят с властями. Карл мчался прямо посреди мостовой, тут было меньше препятствий, и краем глаза видел, как останавливаются по сторонам рабочие и спокойно на него смотрят, игнорируя призывы полицейского, — тот благоразумно бежал по гладкому тротуару, все чаще выкрикивая грозное «Держи его!» и указывая на Карла дубинкой. Впрочем, надежды на спасение было мало, Карл утратил ее почти совсем, когда завидел впереди поперечные улочки, на одной из которых наверняка дежурит еще один патруль, и одновременно услышал за спиной резкие, прямо-таки оглушительные трели полицейского свистка.

Преимущество Карла, правда, состояло в том, что одет он легко, — он несся, вернее, почти летел вниз по все более крутому уличному спуску, но бежал как-то вприпрыжку, то ли спросонок, то ли от усталости все чаще делая совершенно бессмысленные и замедлявшие бег скачки. Кроме того, полицейский-то бежал не раздумывая, он постоянно видел свою цель, тогда как для Карла сам бег был, пожалуй, вторым делом, — надо было соображать, прикидывать возможности и решения выбирать на ходу. Пока что его довольно-таки отчаянный замысел состоял в том, чтобы избегать боковых переулков — неизвестно, что его там ждет, можно с ходу напороться прямо на полицейскую будку; лучше уж, доколе возможно, держаться этой прямой, легко обозримой улицы, в самом конце которой, где-то далеко внизу, смутно угадывались контуры начинающегося моста, тонувшие в дымке реки и в знойном летнем мареве. Приняв это решение, он уже собрался припустить что есть духу и как можно скорей проскочить первый перекресток, как вдруг впереди завидел полицейского, — притаившись на теневой стороне возле темной стены дома, тот уже изготовился выскочить из засады и броситься на Карла. Оставался один путь в переулок, а

когда из этого переулка кто-то к тому же тихо окликнул его по имени, — Карл сперва даже решил, что ему почудилось, в ушах-то у него давно гудело, — он, ни секунды уже не раздумывая, резко, чтобы хоть на миг сбить полицейских с толку, метнулся вбок и, чудом удержавшись на ногах, нырнул в переулок.

Едва он — в два прыжка — туда влетел (о том, что кто-то его позвал, он, конечно, мгновенно забыл, тем более что теперь мощно, со свежими силами засвистел и второй полицейский, отчего случайные прохожие вдалеке, казалось, поспешно ускорили шаги), как вдруг из маленькой двери какого-то дома высунулась рука, сгребла Карла в охапку и со словами «Только тихо!» втолкнула в темный подъезд. Это был Деламарш — взмыленный, весь мокрый от пота, с налипшими на лоб и затылок волосами. Халат он держал под мышкой, сам был в одних кальсонах и в рубашке. Дверь, которая, как оказалось, вела даже не в подъезд, а в какой-то черный ход, он тут же захлопнул и запер.

— Сейчас, — выдохнул он, откидывая голову к стене и переводя дух. Карл, почти повиснув у него на руках, в полубеспамятстве уткнулся лицом ему в грудь. — Во бегут, голубчики! —

сказал Деламарш, пальцем указывая на дверь и внимательно прислушиваясь. Полицейские действительно пробежали мимо — их тяжелый топот отозвался в тишине переулка грозным звяканьем стали о брусчатку. — Э-э, да ты совсем выдохся, — заметил Деламарш, глянув на Карла, который все еще жадно хватал ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова.

Он бережно усадил Карла на пол, сам опустился рядом на колени и даже стал гладить Карла по лбу, озабоченно заглядывая ему в глаза.

— Теперь вроде уже ничего, — произнес наконец Карл, тяжело поднимаясь на ноги.

— Тогда пошли, — сказал Деламарш. Он уже снова был в халате и слегка подталкивал Карла в спину — от слабости тот не мог даже голову поднять. Время от времени Деламарш его встряхивал, стараясь взбодрить. — С чего тебе уставать? — рассуждал он на ходу. — Гони по прямой, как конь по степи, не то что я — шмыгай по этим чертовым подворотням. Но ничего, я тоже бегун что надо! — В приливе гордости он с силой хлопнул Карла по спине. — Иногда полезно побегать наперегонки с легавыми.

— Да я еще раньше усталый был, до того, как побежал, — сказал Карл.

— Не умеешь бегать — нечего и оправдываться, — отрезал Деламарш. — Если бы не я, тебя давно бы сцапали.

— Наверно, — согласился Карл. — Я вам очень обязан.

— Да уж не сомневаюсь, — обронил Деламарш.

Шли они какими-то задами по узкому длинному проходу, вымощенному гладким темным камнем. По сторонам, то слева, то справа, открывался то проем черной лестницы, то щель между домами. Взрослых почти не видно, одни дети, играющие на голых лестничных ступеньках. В одном месте, прижавшись к перилам, горько плакала маленькая девчушка, — все ее личико влажно поблескивало от слез. Едва завидев Деламарша, она ойкнула и, в ужасе раскрыв ротик и беспрерывно оглядываясь, опрометью кинулась наверх и лишь там, на площадке, слегка успокоилась, убедившись, что никто за ней не гонится и, похоже, не намерен гнаться.

— Я ее сшиб только что, — сказал Деламарш с усмешкой и погрозил девчушке кулаком, на что та с испуганным воплем кинулась бежать еще выше.

И дворы, которыми они шли, тоже были почти безлюдны. Лишь тут и там попадался навстречу то

рабочий, толкавший перед собой двухколесную тачку, то женщина у колонки набирала воды в ведро, почтальон мерным шагом пересекал двор, старик с седыми усами, скрестив ноги, отдыхал на лавочке возле застекленной двери, попыхивая трубкой, перед каким-то складом разгружали ящики, лошади, наслаждаясь передышкой, лениво поводили головами, а приказчик в рабочем халате с накладной в руках наблюдал за ходом работ; в какой-то конторе было распахнуто окно, там за пультом сидел чиновник и, отвернувшись от своей писанины, в задумчивости смотрел во двор, взгляд его безразлично скользнул по проходившим мимо Карлу и Деламаршу.

— Место тут спокойное, тише не придумаешь, — сказал Деламарш. — Вечером, правда, иногда бывает шумно, зато днем — мертвая тишина.

Карл кивнул, ему-то казалось, что здесь слишком тихо.

— Я бы просто не мог жить где-то в другом месте, — продолжал Деламарш, — ведь Брунельда не выносит ни малейшего шума. Ты не знаешь Брунельду? Сейчас увидишь. Так что рекомендую тебе вести себя как можно тише.

Когда они подошли к подъезду дома, где жил

Деламарш, автомобиля там уже не было, а парень с провалившимся носом, не выказав при виде Карла ни малейшего удивления, доложил, что отнес Робинсона наверх. Деламарш на это только кивнул, словно парень его слуга, выполнивший свою повседневную обязанность, и потащил Карла, который было заколебался, оглядываясь на залитую солнцем улицу, за собой по лестнице.

— Сейчас придем, — повторял Деламарш несколько раз, пока они взбирались наверх, но предсказание это все никак не сбывалось, ибо за каждым поворотом или даже незначительным изгибом лестницы открывался очередной, новый ряд ступенек. Однажды Карл даже остановился — не столько от усталости, сколько от беззащитного изумления перед этой нескончаемой лестницей.

— Да, живем мы высоко, — пояснил Деламарш, когда они двинулись дальше. — Но в этом есть и свои выгоды. Из дому выходишь редко, дома целый день в халате, нет, у нас очень уютно. И гости на такую верхотуру уж точно не доберутся.

«Какие уж тут гости!» — подумал Карл.

Наконец показалась площадка, на которой перед закрытой дверью сидел Робинсон, — они пришли; причем выяснилось, что это еще вовсе не последний этаж — лестница ползла дальше

вверх и терялась в полумраке, где ничто не предвещало скорого ее окончания.

— Я так и думал, — тихо, словно все еще превозмогая боли, сказал Робинсон. — Я знал: Деламарш его приведет! Росман, что бы ты делал без Деламарша?!

Робинсон, в одном исподнем, без особого успеха пытался закутаться в небольшое одеяльце, на котором его вынесли из отеля «Оксиденталь», — было совершенно непонятно, почему он не заходит в квартиру, предпочитая оставаться здесь и смешить своим видом жильцов дома, которые, надо полагать, все же изредка ходят по этой лестнице.

— Спит? — спросил Деламарш.

— По-моему, нет, — ответил Робинсон, — но я решил лучше дождаться тебя.

— Сперва надо взглянуть, спит она или нет, — пробормотал Деламарш, наклоняясь к замочной скважине. Прильнув к ней, он долго что-то высматривал, вертя головой то так, то этак, потом наконец распрямился и произнес: — Не видно толком, штора опущена. Она на кушетке сидит, но может, и спит.

— Она что, больна? — посочувствовал Карл, желая помочь, поскольку Деламарш явно пребывал

в растерянности.

Но тот в ответ только резко переспросил:

— Больна?

— Он же ее не знает, — вступился Робинсон, как бы извиняясь за Карла.

Одна из дверей в глубине коридора распахнулась, оттуда вышли две женщины и, вытирая руки о передники, с любопытством уставились на Деламарша и Робинсона, видимо, явно над ними потешаясь. Из другой двери выпорхнула совсем юная девушка с ослепительными белокурыми волосами и кокетливо пристроилась к соседкам, взяв их под руки.

— Вот гнусные бабы, — тихо проговорил Деламарш, понижая голос, впрочем, только из-за Брунельды. — Я все-таки донесу на них в полицию и избавлюсь от них на долгие годы. Не смотри туда! — зашипел он на Карла, который, со своей стороны, не находил ничего дурного в том, что он смотрит на женщин, раз уж все равно приходится торчать у дверей, дожидаясь, пока Брунельда проснется. В знак несогласия он упрямо мотнул головой и, дабы еще яснее показать, что вовсе не обязан подчиняться окрикам Деламарша, направился было к женщинам, но тут Робинсон со словами «Росман, ты куда?!» вцепился ему в

рукав, а Деламарш, и так уже разозленный на Карла, заслышав громкий смех девушки, пришел в такую ярость, что, размахивая на ходу руками, решительным шагом устремился к женщинам, — тех вмиг как ветром сдуло: каждая шмыгнула в свою дверь.

— Только и знай шугать их из коридора, — пробормотал Деламарш, медленно возвращаясь назад, и тут же, вспомнив о непокорстве Карла, добавил: — А от тебя я жду совсем другого поведения, не то тебе не поздоровится.

В это время усталый женский голос протянул из-за двери с мягкой интонацией:

— Деламарш?

— Да! — ответил тот, преданно глядя на дверь. — Можно войти?

— О да! — отозвался голос, и Деламарш, предварительно смерив своих спутников долгим взглядом, осторожно отворил дверь.

Они очутились в полной темноте. Опущенная до самого пола штора над балконной дверью почти не пропускала свет, а другого окна не было, к тому же комната была сплошь забита мебелью и висевшей повсюду одеждой, что только усугубляло густой мрак. Спертый воздух отдавал сильным запахом пыли, скопившейся по углам,

до которых, видимо, годами не добиралась, да и не могла добраться человеческая рука. Первое, что заметил Карл при входе, были три шкафа, плотным рядком составленные в прихожей.

На кушетке возлежала женщина, та самая, что недавно смотрела на них с балкона. Подол красного платья, перекрутившегося внизу, свисал до полу, открывая почти до колен ноги в толстых белых шерстяных чулках, но без туфель.

— Какая жара, Деламарш, — жалобно произнесла женщина, отворачивая лицо от стены и небрежно протягивая руку, которую Деламарш торопливо подхватил и поцеловал. Из-за его спины Карл успел разглядеть только двойной подбородок, тяжело перекатившийся при повороте головы.

— Может, поднять штору? — заботливо спросил Деламарш.

— Только не это! — простонала женщина, не открывая глаз и как бы не в силах превозмочь свое отчаяние. — Будет еще хуже.

Карл подошел к изножью кушетки, чтобы получше ее разглядеть, про себя удивляясь ее жалобам: никакой такой чрезмерной жары он не ощущал.

— Подожди, сейчас тебе станет немного лег-

че, — боязливо приговаривал Деламарш, одну за другой расстегивая пуговицы на вороте ее платья, и распахнул ворот почти до груди, пока в вырезе не показалось нежное желтоватое кружево рубашки.

— А это еще кто? — спросила вдруг женщина, указывая на Карла пальцем. — И почему он на меня так уставился?

— Скоро и от тебя будет прок, — шепнул Деламарш Карлу, оттесняя того в сторону. — Это просто мальчишка, — успокоил он женщину, — я его привел, он будет тебе прислуживать.

— Но мне не нужен никто! — вскричала она в ответ. — С какой стати ты приводишь мне в дом посторонних?

— Но ты же сама все время говорила, что тебе нужна прислуга, — лепетал Деламарш, опускаясь возле нее на колени, ибо на кушетке при всей солидной ее ширине для него совершенно не было места.

— Ах, Деламарш, — сказала женщина, — ты не понимал меня и никогда не поймешь.

— Тогда я действительно тебя не понимаю, — огорчился Деламарш, нежно беря ее лицо в ладони. — Но ничего страшного, ты только скажи, и он тотчас же уйдет.

— Раз уж он здесь, пусть остается, — капризно распорядилась Брунельда, и Карл, от усталости уже мало что соображавший, приходя в смутный ужас при мысли о нескончаемой лестнице, по которой, видимо, прямо сейчас надо будет плестись обратно, ощутил такой острый прилив благодарности за эти, возможно, вовсе не столь уж радушные слова, что, перешагнув через мирно спящего на своем одеяле Робинсона и не обращая внимания на грозную жестикуляцию Деламарша, сказал:

— Большое вам спасибо за то, что разрешаете мне хоть ненадолго остаться. Я, наверное, уже сутки не спал, довольно много работал, к тому же пережил немало волнений. Устал ужасно. Даже не знаю толком, где я сейчас. Мне бы поспать несколько часов — а потом можете без всяких церемоний меня прогнать.

— Можешь насовсем оставаться, — сказала женщина и с иронией в голосе добавила: — Места, как видишь, у нас сколько угодно.

— Значит, тебе придется уйти, — изрек Деламарш, — ты нам не понадобишься.

— Нет, пусть остается, — возразила женщина уже вполне серьезно.

— Что ж, тогда ложись где-нибудь, — распо-

рядился Деламарш, как бы нехотя подчиняясь ее воле.

— Он может лечь на занавески, только ботинки пусть снимет, а то еще порвет.

Деламарш показал Карлу, куда ему следует лечь. В прихожей между дверью и шкафами обнаружился закуток, где, сваленные в кучу, лежали оконные занавески. Сложив их как следует — тяжелые вниз, те, что полегче, наверх — и вынув заодно всевозможные карнизы с деревянными кольцами, можно было соорудить вполне приличное спальное ложе, а так это была просто бесформенная и вдобавок неустойчивая груда тряпья, на которую Карл тем не менее тотчас же улегся, — слишком он устал, чтобы затевать долгие приготовления ко сну, да и неловко было беспокоить хозяев всей этой возней.

Он уже почти провалился в сон, как вдруг услышал громкий вскрик и, привстав на локтях, увидел Брунельду: сидя на кушетке, она с жаром раскинула руки и исступленно обнимала Деламарша, ерзавшего перед ней на коленях. Неприятно пораженный этим зрелищем, Карл поспешил лечь и поглубже зарыться в занавески, намереваясь снова уснуть. Если так дальше пойдет, он, видимо, и двух дней здесь не выдержит,

но тем важнее было сейчас как следует выспаться, чтобы уж потом, на ясную голову, принять быстрое и верное решение.

Но Брунельда уже успела заметить широко раскрытые, неподвижные от усталости глаза Карла, столь напугавшие ее еще в первый раз, и подняла крик.

— Деламарш, — кричала она, — я умираю от жары, я вся горю, мне надо раздеться, я хочу в ванну, выставь их немедленно из комнаты — куда хочешь, в коридор, на балкон, но чтобы я их тут не видела! В собственном доме — и никакого житья! Ах, Деламарш, если бы мы с тобой были одни! Господи, они все еще тут? Этот наглец Робинсон, да как он смеет валяться в одних кальсонах при даме! А этот мальчишка спервa таращится на меня, как дикарь, а теперь прикидывается, будто уснул! Да выгонишь ты их или нет, наконец, они же не дают мне жить, они меня душат, учти: если я сейчас умру — это из-за них!

— Их сей же миг не будет, раздевайся, — засуетился Деламарш и, подбежав к Робинсону и поставив ногу ему на грудь, начал его расталкивать. Одновременно он крикнул Карлу: — Росман, вставай! Оба на балкон — живо! И горе вам, если сунетесь в комнату прежде, чем вас позовут!

Поднимайся, Робинсон, поднимайся, — он тряс Робинсона все сильней, — а ты, Росман, не жди, пока я за тебя примусь! — прикрикнул он снова, дважды хлопнув в ладоши.

— Да сколько же можно! — вопила Брунельда, сидя на кушетке и широко расставив ноги, дабы дать простор своему необъятному телу; с превеликим трудом, пыхтя, с передышками, она сумела наконец наклониться и приспустить до колен чулки, — снять их совсем было явно выше ее сил, это, видимо, предстояло сделать Деламаршу, помощи которого она теперь с нетерпением ждала.

Превозмогая сон, Карл кое-как сполз со своей груды тряпья и, пошатываясь от усталости, направился к балконной двери — занавеска, которую он зацепил ногой, волочилась за ним по полу, но ему было все равно. Он был настолько не в себе, что, проходя мимо Брунельды, даже пожелал ей спокойной ночи и, миновав Деламарша, который слегка придерживал портьеру, вышел на балкон. Вслед за ним почти сразу же приплелся Робинсон, видимо, ничуть не менее сонный.

— Сколько же можно издеваться над человеком! — бормотал он. — Без Брунельды я на балкон не пойду.

Несмотря на столь решительное несогласие, на

балкон он вышел без малейшего сопротивления и, поскольку Карл уже устроился в кресле, без слов улегся прямо на каменный пол.

Когда Карл проснулся, был уже вечер, на небе высыпали звезды и за высокими домами по ту сторону улицы занималось лунное сияние. Лишь с удивлением оглядевшись в незнакомой местности и мало-помалу приходя в себя от освежающей вечерней прохлады, Карл вспомнил наконец, где находится. Как же он был неосторожен, как глупо пренебрег всеми советами главной кухарки, предостережениями Терезы да и собственными опасениями, — и вот, пожалуйста, сидит как ни в чем не бывало на балконе у Деламарша, даже проспал здесь целый день, как будто совсем рядом, за портьерой, вовсе не Деламарш, злейший его недруг. На полу вяло зашевелился ленивый Робинсон и потянул Карла за ногу — видимо, он и будил Карла таким же образом, потому что сейчас он сказал:

— Ну, Росман, и силен же ты дрыхнуть! Вот она — беззаботная юность. Сколько ты еще собираешься спать? Я бы и не стал тебя будить, спи себе, но, во-первых, мне тут на полу скучно, а потом — я проголодался. Будь добр, привстань-ка на минутку, у меня там под креслом кое-что припасено,

вот, теперь я доберусь. И тебе тоже достанется.

Карл, встав со своего места, не без удивления наблюдал, как Робинсон, перевалившись на живот и вытянув руки, пошарил где-то под креслом и извлек оттуда небольшой посеребренный поднос, на каких складывают обычно визитные карточки. На подносе, однако, оказался кусок темной копченой колбасы, несколько очень тонких сигарет, вскрытая, но отнюдь не пустая банка сардин, аппетитно плавающих в масле, а также множество карамелек, по большей части раздавленных и потому слипшихся в комок. Вслед за подносом из-под кресла был выужен порядочный ломоть хлеба и флакончик — вроде бы от духов, но явно с какой-то иной жидкостью, ибо Робинсон показал его Карлу с особым удовлетворением и даже прищелкнул языком.

— Видишь, Росман, — разглагольствовал Робинсон, отправляя в рот сардинку за сардинкой и время от времени обтирая замасленные руки о шерстяной платок, вероятно, позабытый Брунельдой на балконе, — видишь, Росман, как надо охранять пропитание, ежели не хочешь подохнуть с голоду. Меня же тут совсем замордовали. А коли с тобой все время обходятся как с собакой, то в конце концов начинаешь думать, что ты

собака и есть. Хорошо, что ты здесь, Росман, по крайней мере есть хоть с кем поговорить. Они-то ведь со мной не больно разговаривают. Сволочная жизнь. А все из-за Брунельды. Баба она, что и говорить, роскошная. Слышь, ты, — и он поманил Карла к себе, чтобы шепнуть ему на ухо, — я ее однажды без ничего видел, ну-у, что ты! — И, придя в полный восторг от одного этого воспоминания, принялся тискать Карла за ляжки, пока тот с криком: «Робинсон, ты что, спятил!» — не перехватил его руки и не отпихнул.

— Ты, Росман, еще ребенок, — продолжал Робинсон, вытащив из-под рубашки финку, которая болталась у него на шейном шнурке, стянул с лезвия кожаный чехол и принялся нарезать твердую колбасу. — Тебя еще учить и учить. Но ничего, у нас ты в надежных руках. Да ты садись. Поесть не хочешь? Ну ладно, может, еще захочешь, на меня глядя. Выпить тоже не хочешь? Ты, я смотрю, ничего не хочешь. И к тому же не больно-то разговорчив. Но мне-то все равно, с кем быть на балконе, лишь бы был кто-нибудь. Очень уж часто я тут один торчу. Брунельда обожает меня на балкон выставлять. У нее же вечно прихоти — то холодно ей, то жарко, то она спать хочет, то причесываться, то расстегни ей корсет, то опять

застегни, а я, значит, чуть что — марш на балкон. Иногда, может, оно и впрямь нужно, но обычно это просто блажь — лежит, как вот давеча, на кушетке и не шелохнется. Раньше я, бывало, занавеску отодвину чуток и смотрю на них, но с тех пор как Деламарш однажды — сам-то он не хотел, я точно знаю, это Брунельда ему велела — несколько раз стеганул меня плеткой по лицу — вон, видишь рубцы? — я уже боюсь заглядывать. Так вот и лежу на балконе, и никакой тебе радости, кроме жратвы. А позавчера вечером лежу вот тут один, я еще был в своем лучшем костюме, в том самом, который теперь в твоем отеле остался, — вот сволочи, это ж надо, с живого человека хорошую одежду стянуть! — лежу, значит, один, смотрю сквозь перила на улицу, и так мне вдруг тошно стало, хоть вой, ну, я и завыл. А тут как раз — случайно, я сперва даже не заметил — Брунельда ко мне на балкон выходит, в красном платье, оно ей особенно к лицу, посмотрела на меня, посмотрела, а потом говорит: «Робинсон, ты почему плачешь?» И — веришь ли — юбку подняла и давай мне подолом глаза вытирать. И еще неизвестно, как бы оно дальше обернулось, если бы Деламарш ее не позвал — пришлось ей сразу вернуться в комнату. Ну, я, конечно, подумал, что

теперь-то уж мой черед, и спрашиваю через занавеску — можно, мол, мне в комнату. И знаешь, что она мне ответила? «Нет! — говорит. — С чего ты взял?!» Вот что она мне ответила.

— Почему же ты тут остаешься, если с тобой так обращаются? — спросил Карл.

— Извини, Росман, но это дурацкий вопрос, — ответил Робинсон. — С тобой, может, еще похуже моего будут обращаться, а ты все равно тоже останешься. И, кстати, обращаются со мной вовсе не так уж плохо.

— Нет уж, — не согласился Карл, — я-то точно уйду, причем еще сегодня. Я с вами не останусь.

— Интересно, как это ты еще сегодня исхитришься уйти! — полюбопытствовал Робинсон, вырезая мякиш из хлеба и сосредоточенно обмакивая его в коробку из-под сардин. — Как это ты уйдешь, если тебе даже в комнату зайти нельзя?

— А почему нельзя зайти в комнату?

— Пока не позвонят, в комнату заходить нельзя, — просто сказал Робинсон, раскрывая рот как можно шире и запихивая туда пропитавшийся маслом хлеб, — другую руку он заботливо подставил горсткой и ловил в нее капающее с хлеба масло, чтобы потом снова обмакнуть в него остатки хлеба. — Сейчас все строже ста-

ло, — продолжал он. — Раньше хоть занавеска была потоньше, не то чтобы прозрачная, но вечером хоть тени было видно. Но Брунельде это не нравилось, и тогда я сшил из ее старой бархатной накидки другую штору и повесил на место прежней. Теперь даже теней не видно, вообще ничего. К тому же раньше я хоть мог в любое время спрашивать, можно мне войти в комнату или нет, и мне, смотря по обстоятельствам, говорили либо «да», либо «нет», но, видно, я слишком часто этим правом пользовался, и Брунельду это стало раздражать, — ты не смотри, что она на вид толстая, на самом-то деле здоровье у нее слабое, мигрень то и дело, да и ноги почти все время болят, подагра у нее, — и тогда решили, что мне больше спрашивать нельзя, а надо дожидаться звонка, — дернут за сонетку, значит, мне можно войти. А звонок очень громкий, даже если я сплю, он меня будит, — раньше я кошку здесь, на балконе, держал, чтоб веселее было, так она от этого трезвона сразу удрала и с тех пор не вернулась. Так вот, сегодня еще не звонили, — кстати, когда позвонят, я не просто могу, я обязан зайти в комнату; но когда так долго не звонят, значит, могут и еще столько же не позвонить, а то и дольше.

— Да, но то, что обязательно для тебя, вовсе

не обязательно для меня, — возразил Карл. — И вообще это обязательно лишь для того, кто сам на такое согласился.

— То есть как, — вскричал Робинсон, — для тебя это не обязательно? Очень даже обязательно, это уж само собой. Сиди спокойно и жди, покуда не позвонят. А там посмотрим, как это тебе удастся уйти.

— А сам-то ты почему не уходишь? Только потому, что Деламарш твой друг или, лучше сказать, был твоим другом? Разве это жизнь? Не лучше ли было уехать в Баттерфорд, как вы собирались? Или в Калифорнию, где у тебя друзья?

— Да, — вздохнул Робинсон, — наперед ничего не загадаешь. — И прежде чем продолжить, со словами «Будь здоров, Росман!» сделал затяжной глоток из своего флакончика. — Нам тогда, после того как ты нас так подло бросил, совсем туго пришлось. Работы поначалу никакой, Деламарш, впрочем, и не особенно искал, уж он-то нашел бы, но он только и знал, что меня на поиски посылать, а мне вечно не везет. Сам же просто так где-то болтался, только однажды, ближе к вечеру, дамский кошелек принес, очень красивый, в жемчугах, он его после Брунельде подарил, но внутри считай что пустой. А потом он сказал:

будем, мол, по квартирам ходить, просить милостыню, дело нехитрое, да и перепадет, глядишь, кое-что, — ну, мы и пошли, а я, чтобы все это покрасивее обставить, даже пел под дверьми. И, представляешь — я же говорю: Деламаршу всегда везет, — уже возле второй квартиры — шикарная такая господская квартира на первом этаже, но с высокой лестницей, — только мы собрались кухарке и слуге что-то там спеть, глядим, снизу по лестнице идет дама, хозяйка квартиры, — это и была Брунельда. Не знаю, может, она зашнуровалась слишком туго или еще что, только по лестнице она шла еле-еле. Но красивая, Росман, до невозможности! Платье белое-пребелое, и красный солнечный зонтик. Прямо как конфета, так и съел бы, а начинку высосал! Боже ты мой, Росман, какая это была красавица! Какая женщина! Нет, ты мне только скажи: откуда такие женщины берутся? Кухарка и слуга, конечно, кинулись к ней и чуть ли не на руках внесли ее по лестнице. А мы встали у двери, по бокам, как часовые, и отдали ей честь, принято тут так. Она на секунду остановилась, видно, не отдышалась еще, и тут, не знаю, как это вышло, наверно, у меня с голодухи совсем помутилось в голове, а она вблизи оказалась еще красивей, такая боль-

шая, пышная, но при этом — наверно, на ней был ее особенный корсет, я потом покажу тебе в шкафу — вся такая плотная, что я чуть-чуть потрогал ее сзади, но слегка, понимаешь, едва прикоснулся. Разумеется, это наглость: какой-то нищий трогает богатую даму. Хотя я ее, можно считать, и не трогал, но все равно получается, что потрогал. Так что еще неизвестно, чем бы это для меня обернулось, если бы Деламарш тут же не закатил мне оплеуху, да притом такую, что я обеими руками схватился за щеку.

— Ишь вы что вытворяли, — сказал Карл; всецело захваченный этой историей, он даже сел на пол. — Так это, значит, была Брунельда?

— Ну да, — ответил Робинсон, — это была Брунельда.

— Постой, а ты, по-моему, говорил, что она певица, — допытывался Карл.

— Она и есть певица, и притом великая певица, — подтвердил Робинсон, перекатывая на языке огромный ком карамели и время от времени, поскольку он плохо умещался во рту, подпихивая его пальцем. — Но мы-то, конечно, тогда ничего этого не знали, видим, просто богатая дама, шикарная и все такое. Она, конечно, сделала вид, будто ничего не случилось, а мо-

жет, и вправду ничего не почувствовала, я ведь действительно едва до нее дотронулся, самым кончиком пальца. Но на Деламарша она покосилась, а он — он на такие дела мастак — в ответ поглядел ей прямо в глаза. А она ему на это и говорит: «Ну-ка, зайди на минутку», — и зонтиком на дверь показывает, мол, проходи в квартиру. Так они оба туда и ушли, а прислуга тут же за ними дверь закрыла. Обо мне они забыли, ну, думаю, вряд ли это надолго, и сажусь на лестнице Деламарша дожидаться. Но вместо Деламарша выходит слуга и выносит мне целую кастрюльку супа. Я еще подумал: «Молодец, Деламарш, настоящий друг!» Начинаю есть, а слуга рядом стоит, и, пока я ем, он мне давай про хозяйку рассказывать, — вот тут-то я и смекнул, как нам повезло, что нас пригласили к Брунельде. Женщина она одинокая, разведенная, у нее большое состояние, и она совершенно ни от кого не зависит. Бывший муж, фабрикант какао, все еще ее любит, но она о нем даже слышать не хочет. Он часто приходит к дверям квартиры, одет с иголочки, как на свадьбу, — это все чистая правда, я сам с ним знаком, — но слуга, несмотря на щедрые чаевые, даже не отваживается о нем доложить, потому что он уже пробовал докладывать, а Брунельда

в ответ всякий раз запускала в него первым, что под руку придется. Однажды даже своей большой фарфоровой грелкой, полной, и выбила ему передний зуб. Вот такие дела, Росман!

— А ты-то откуда знаешь ее мужа? — спросил Карл.

— Так он и сюда иногда взбирается, — ответил Робинсон.

— Сюда?! — От изумления Карл даже прихлопнул ладонью по полу.

— Удивляйся сколько угодно, — продолжал Робинсон, — я сам тоже удивлялся, когда слуга мне все это рассказывал. Сам подумай: когда Брунельды не было дома, этот человек упрашивал слугу пустить его в ее комнату и всякий раз брал на память какую-нибудь безделушку, а Брунельде оставлял дорогой и изысканный подарок, строго-настрого запретив слуге говорить, от кого. Но однажды, когда он принес — так слуга сказал, и я ему верю — какую-то просто бесценную вещицу из фарфора, Брунельда о чем-то то ли вспомнила, то ли догадалась — и сразу хрясь ее об пол, и ногами топтать, и плеваться, а потом и еще кое-что на нее сделала, так что слугу едва не вырвало, когда он осколки убирал.

— Чем же он ей так насолил? — спросил Карл.

— Я и сам толком не знаю, — ответил Робинсон. — Но думаю, ничего особенного, по крайней мере сам он тоже не знает. Мы с ним уже несколько раз об этом толковали. Он ведь каждый день поджидает меня вон там, на углу, и, если я прихожу, я ему рассказываю, какие новости, а если не могу вырваться, он полчаса ждет, а потом уходит. Кстати, совсем неплохой был приработок, он со мной всегда щедро расплачивался, но с тех пор, как Деламарш об этом пронюхал, приходится все ему отдавать, — я и ходить стал реже.

— Но что ему надо? — допытывался Карл. — Нет, ты скажи: что ему надо? Ведь он же знает, что она не хочет.

— Да, — вздохнул Робинсон, зажигая сигарету и широкими движениями отгоняя от себя дым. Но потом, видимо, что-то про себя решив, добавил: — А мне-то какое дело. Я знаю одно: он был бы рад отвалить кучу денег только за то, чтобы лежать вот здесь, на балконе, как мы с тобой.

Карл встал и, облокотившись на перила, посмотрел вниз, на улицу. Уже выглянула луна, но ее свет еще не проник в глубины уличных расселин. Такой пустынный днем, переулок сейчас был запружен народом: люди толпились у дверей и подъездов или прохаживались не торопясь,

рукава мужских рубашек, светлые платья женщин слабо мерцали из темноты, почти все были без головных уборов. Многочисленные балконы вокруг тоже были усеяны людьми, при свете ламп тут располагались целыми семьями — в зависимости от величины балкона — то вокруг маленького столика, то рядком в креслах, а то и просто стоя или только выглядывая из балконной двери. Мужчины сидели развалясь, уперев ноги в балконную решетку, и читали огромные, свисавшие почти до полу простыни газет; другие играли в карты — казалось, молча, но с тем большим остервенением колотя козырями по столу, женщины, почти все с рукодельем на коленях, лишь изредка отрывались от своего шитья, чтобы бросить взгляд на окружающее или вниз, на улицу; одна — уже немолодая, болезненного вида блондинка на соседнем балконе — то и дело зевала, всякий раз закатывая глаза и прикрывая рот бельишком, которое она штопала; даже на самых тесных балконах дети исхитрялись затеять беготню, вызывая неудовольствие родителей. Во многих квартирах играли граммофоны, оттуда доносилось пение или оркестровая музыка, которую, впрочем, никто особенно не слушал, — лишь изредка глава семейства подавал знак, и кто-то из

домочадцев спешил в комнату поставить новую пластинку. В некоторых окнах неподвижно замерли любовные пары, одна как раз стояла в окне напротив: мужчина жадно обнимал девушку, тиская ее грудь.

— Ты хоть кого-нибудь из соседей знаешь? — спросил Карл у Робинсона, который, зябко поеживаясь, встал рядом; помимо своего одеяльца, он теперь укутался еще и в плед Брунельды.

— Да почти никого. В том-то и беда моего положения, — ответил тот и, притянув Карла поближе, шепнул ему на ухо: — Иначе разве стал бы я жаловаться? Но ради Деламарша Брунельда все продала и со всеми своими богатствами переселилась сюда, в эту убогую загородную квартирку, чтобы они могли всецело посвятить себя друг другу и никто их не тревожил, — Деламарш, кстати, тоже этого хотел.

— И прислугу всю уволила? — спросил Карл.

— Именно что, — подтвердил Робинсон. — Да и где ее тут держать? Эти слуги — они тоже с большими претензиями. Деламарш одного из них прямо при Брунельде по щекам отхлестал, — оплеухи так и сыпались, пока тот из комнаты не вылетел. Ну, а остальные, конечно, с ним заодно, собрались перед дверью и давай шуметь,

тогда Деламарш к ним выходит (я тогда еще не был слугой, считался вроде как другом дома, но все равно со слугами был) и спрашивает: «В чем дело?» А старший слуга — был такой, Исидором его зовут — на это ему: «Нам с вами говорить не о чем, мы служим только нашей милостивой госпоже». Брунельду они, сам понимаешь, сильно уважали. Только Брунельда на них ноль внимания, подбежала к Деламаршу — она тогда еще не такая тучная была, как сейчас, — обняла его при всех, поцеловала и говорит: «Мой любимый Деламарш», — так прямо и сказала, а потом еще добавила: «Да гони ты прочь всех этих обезьян!» Это она о слугах так — «обезьяны», представляешь, какие у них сделались рожи! Потом она берет Деламарша за руку и кладет его руку себе на пояс, где у нее кошелек висит, — а Деламарш только хвать туда и давай со слугами рассчитываться, а хозяйка их стоит рядом как ни в чем не бывало и только кошелек подставляет. Он много раз туда слазил, потому что деньги раздавал не глядя и без всяких там подсчетов: сколько запросят, столько он и сует. А под конец говорит: «Раз вы со мной разговаривать не желаете, то я вам от имени вашей госпожи приказываю: убирайтесь, только немедленно». Так вот их и уволили,

потом было несколько процессов, Деламарша даже как-то раз в суд вызвали, но подробностей я не знаю. А как слуги ушли, Деламарш и говорит Брунельде: «Как же ты теперь без прислуги?» А она в ответ: «Но у нас ведь есть Робинсон». И тогда Деламарш хлопает меня по плечу и говорит: «Значит, ты будешь теперь у нас слугой». А Брунельда вдобавок похлопала меня по щеке; Росман, если представится случай, может, она и тебя по щеке похлопает, вот тогда ты поймешь, как это здорово.

— Значит, ты стал слугой у Деламарша? — подытожил Карл.

Робинсон, уловив в голосе Карла сочувствие, немедленно возразил:

— Да, я слуга, но со стороны это почти не заметно. Видишь, даже ты не догадался, хотя вон уже сколько у нас. Зато видел, как я был одет вчера вечером у вас в отеле? С ниточки, с иголочки, разве слуги так одеваются? Жаль только, выходить я могу не часто, ведь я всегда должен быть под рукой, такое уж хозяйство — дел невпроворот. Столько работы, что одному тут никак не управиться. Ты, верно, заметил, что в комнате полно вещей, — все, что не удалось продать при переезде, мы забрали с собой. Конечно, можно

было, наверное, и просто раздать, но Брунельда не такая, чтобы что-то даром раздавать. Представляешь, каково мне было таскать все это по лестнице?

— Как, Робинсон, ты все это перетащил? — вскричал Карл.

— А то кто же? — невозмутимо ответил Робинсон. — Был, правда, еще один подсобный рабочий, лодырь каких поискать, так что пришлось мне почти все на своем горбу выволакивать. Брунельда внизу у машины стояла, Деламарш здесь, наверху, командовал, куда что ставить, а я так и бегал взад-вперед. Целых два дня. Долго, скажешь? Но ты же понятия не имеешь, сколько у нас вещей, все шкафы битком, и на шкафах, и за шкафами от пола до потолка. Конечно, если б людей нанять, мы бы в два счета управились, но Брунельда сказала, что такое дело никому, кроме меня, доверить не может. Мне это, конечно, очень приятно, только вот здоровье свое я на этом переезде вконец подорвал, а что у меня еще в жизни есть, кроме здоровья? Теперь же, стоит малость поднапрячься, у меня во всем теле колет — и тут, и тут, и вот тут. Думаешь, эти сопляки из отеля, гниды эти — а кто же они еще, как не гниды болотные? — смогли бы со мной справить-

ся, если бы не болезнь? Но как бы худо мне ни приходилось, Деламаршу и Брунельде я слова не скажу, буду работать, сколько хватит сил, а как силы кончатся, лягу и помру, вот тогда они поймут, да только поздно будет, что я был болен, а все равно работал на них до последнего и загубил себя у них на службе. Эх, Росман, — всхлипнул он, уткнувшись Карлу в грудь, а немного погодя неожиданно спросил: — Слушай, тебе не холодно так стоять в одной рубашке?

— Хватит, Робинсон, — сказал Карл. — Что ты все хнычешь и хнычешь. Не верю я, что ты так уж болен. Вид у тебя вполне здоровый, просто ты лежишь тут подолгу на балконе, вот и напридумывал бог весть что. Может, у тебя иной раз и кольнет в груди, так это со всяким бывает, и со мной тоже. Если из-за каждой болячки нюни распускать, так сейчас вон все люди на балконах обливались бы слезами.

— Мне лучше знать, — обиженно сказал Робинсон, утирая глаза кончиком одеяла. — Вот и студент — он у хозяйки, которая нам стряпает, тоже комнату снимает — недавно, когда я посуду относил, мне говорит: «Послушайте, Робинсон, вы, часом, не больны?» А мне запрещено с соседями разговаривать, я посуду поставил и

собираюсь уходить. Так он ко мне подошел и снова: «Послушайте, как вас там, не доводите себя до крайности, вы точно больны». «Ну, допустим, — говорю, — так что же мне делать?» А он мне: «Это уж ваша забота», — и отвернулся. А остальные за столом как давай хохотать, у нас тут кругом одни враги, ну, я и пошел от греха подальше.

— Выходит, людям, которые над тобой издеваются, ты веришь, а тем, кто к тебе по-хорошему, верить не хочешь?

— Но должен же я знать, что со мной! — вскинулся Робинсон, впрочем, тут же снова принимаясь плакать.

— В том-то и дело: ты сам не знаешь, что с тобой, а тебе надо найти приличную работу, чем мыкаться здесь на побегушках у Деламарша. Ведь судя по твоим же рассказам да и по тому, что я сам видел, это никакая не служба, а просто рабство. Ни один человек такого не вынесет, тут я тебе верю. Но ты решил, что как друг Деламарша не имеешь права его бросить. Это неверно: раз он даже не замечает, какую жалкую жизнь ты влачишь по его милости, значит, у тебя нет перед ним никаких обязательств.

— Росман, ты правда думаешь, что я выздоровлю, если перестану им прислуживать?

— Конечно, — ответил Карл.

— Точно? — переспросил Робинсон.

— Точно, точно, — заверил Карл с улыбкой.

— Тогда я уже прямо сейчас могу начинать выздоравливать, — сказал Робинсон, поглядывая на Карла.

— Это как же? — поинтересовался тот.

— А так: мои обязанности перейдут к тебе, — ответил Робинсон.

— Кто же тебе такое сказал? — усмехнулся Карл.

— Так это давно решено. Об этом еще несколько дней назад говорили. Началось все с того, что на меня рассердилась Брунельда: дескать, я недостаточно тщательно убираю квартиру. Я, конечно, пообещал немедленно навести полный лоск. Но это ведь очень трудно. Понимаешь, при моем здоровье не могу я из всех углов пыль выгребать, тут в центре-то комнаты не протиснешься, а уж во все эти щели среди мебели и припасов и подавно. И потом, если уж как следует убираться, надо мебель двигать, а как я ее один сдвину? Да еще чтобы очень тихо, ведь Брунельду нельзя беспокоить, а она почти не выходит из комнаты. Так что я хоть и пообещал все прибрать, но толком, конечно, не прибрал. А Брунельда, когда это

углядела, сказала Деламаршу, мол, так дальше не пойдет, нужно нанять кого-то еще мне в подмогу. «Не хочу, — говорит, — Деламарш, чтобы ты потом меня упрекал, будто я плохая хозяйка. Самой мне, как ты понимаешь, переутомляться нельзя, а Робинсон один не справляется; поначалу он был такой шустрый и за всем приглядывал, теперь же чуть что — он устал и все больше в углу сидит. А в такой комнате, как у нас, где столько вещей, порядок сам собой не держится». Ну, Деламарш, конечно, стал думать, что тут можно сделать, потому что первого встречного на такое хозяйство брать не годится, даже с испытательным сроком, — за нами же все следят. Тут-то я — я же тебе друг и к тому же слышал от Реннела, как ты там в своем отеле надрываешься, — тебя и предложил. А Деламарш сразу согласился, хоть ты и некрасиво тогда себя с ним повел, и я, конечно, очень обрадовался, что сумел оказать тебе такую услугу. Понимаешь, это место как раз по тебе. Парень ты молодой, сильный, ловкий, а я — на что я теперь гожусь. Только учти: это вовсе не значит, что ты уже принят, если ты не приглянешься Брунельде, ты нам не нужен. Так что уж постарайся ей угодить, об остальном я позабочусь.

— А чем же ты займешься, когда я поступлю

на службу? — спросил Карл, ощутив прилив необыкновенной свободы: первый страх, который поначалу вызвали у него слова Робинсона, уже миновал. Значит, ничего особенно пакостного Деламарш не задумал, он хочет всего лишь сделать Карла своим слугой — будь у него на уме что похуже, болтливый Робинсон наверняка бы проговорился, — ну, а если только это, подумал Карл, тогда он сегодня же ночью с ними распрощается. Силой никого на работу не нанимают. И если еще совсем недавно, сразу после увольнения из отеля, Карла тревожило лишь одно — как не умереть с голоду и поскорее найти новое, желательно подходящее и не слишком невзрачное место, то теперь, в сравнении с этой службой, которую ему хотят навязать и которая ему противна, любое другое место казалось ему благом, даже безработную нужду он предпочел бы такой службе. Однако объяснить все это Робинсону он даже не пытался, тем более что тот в напрасной надежде с помощью Карла облегчить себе жизнь никаких доводов и не хотел слушать.

— Я, — начал Робинсон, облокотившись на перила и сопровождая свою речь рассудительными, спокойными жестами, — первым делом все тебе объясню и покажу, где какие припасы. Парень ты

грамотный, и почерк у тебя наверняка красивый, так что ты сразу составишь опись всего, что у нас тут есть. Брунельда давно об этом мечтает. Если завтра с утра погода будет хорошая, мы попросим Брунельду посидеть на балконе; и сами без помех поработаем, и ее не будем беспокоить. Потому что это, Росман, самое главное. Только не беспокоить Брунельду. Она же все слышит, это, наверно, оттого, что она певица, вот у нее и слух. Допустим, выкатываешь ты бочонок с водкой, он за шкафами стоит, а тихо его не выкатишь, потому что, во-первых, тяжеленный, а во-вторых, там еще бог весть чего навалено, тут хочешь не хочешь шум будет. Брунельда в это время, допустим, спокойно лежит на кушетке и ловит мух, ее вообще очень мухи донимают. Ты думаешь, что ей до тебя никакого дела нет, и катишь бочонок дальше. Она все лежит. Но в тот миг, когда ты этого совсем не ждешь, когда ты уже и не шумишь почти, она вдруг как вскочит на кушетке, как начнет по ней кулаками молотить — пылища поднимается такая, что ее саму почти не видно, я ведь кушетку с самого переезда не выбивал, а как я ее выбью, если Брунельда целый день на ней лежит, — и кричит, жутко так, прямо как мужик, и может кричать часами. Петь-то ей соседи

запретили, ну а кричать кому запретишь, вот она и кричит, не может она без этого, — правда, в последнее время уже редко, мы с Деламаршем ведем себя тише воды ниже травы. Да и вредно ей кричать. Однажды она в обморок упала, так я — Деламарша, как назло, не было — соседа-студента притащил, а он принес огромную бутыль и из этой бутыли на нее побрызгал, и помогло, только вонь была страшная, от кушетки, кстати, до сих пор этой дрянью пованивает, если обивку как следует понюхать. Студент тоже, конечно, наш враг, тут все враги, так что ты будь начеку, а лучше ни с кем вообще не связывайся.

— Послушай, Робинсон, — перебил его Карл, — это же тяжелая работа. Хорошенькое местечко ты мне подыскал, нечего сказать!

— Не волнуйся, — успокоил его Робинсон и, закрыв глаза, даже головой покачал, как бы заранее отбрасывая все тревоги Карла. — Тут ведь и выгоды, каких нигде больше не сыщешь. Во-первых, ты постоянно будешь возле такой дамы, как Брунельда, иногда даже спать будешь в одной с ней комнате, а это, сам понимаешь, сулит кое-какие удовольствия. Тебе будут хорошо платить, денег-то навалом, это я как друг Деламарша ничего не получал, только когда на улицу

шел, Брунельда обязательно что-нибудь давала, но тебе-то, конечно, будут платить, как всякому другому слуге. Да ты и будешь слугой, кем же еще. А потом, самое главное, я же облегчу тебе работу. В первое время я, само собой, ничего делать не буду, потому что мне надо выздороветь, но как только малость оклемаюсь — можешь смело на меня рассчитывать. Собственно, обслуживание Брунельды вообще останется за мной, прическа там, переодевание, когда Деламарш не будет этим заниматься. Ну, а за тобой только уборка, покупка и другая тяжелая работа по дому.

— Нет, Робинсон, — сказал Карл, — меня все это не очень соблазняет.

— Не делай глупостей, Росман, — сказал Робинсон, приблизив к Карлу лицо. — Разве можно упускать такую прекрасную возможность? Да где ты вообще сейчас место найдешь? Кто тебя знает? И кого ты знаешь? Мы, двое взрослых, умудренных опытом мужчин, многое в жизни повидавших, и то неделями без работы бегали. Не так-то это просто, это трудно, даже чертовски трудно.

Карл кивнул, удивляясь тому, как разумно, оказывается, способен рассуждать Робинсон. Для него, впрочем, все эти советы не имели смысла,

здесь ему оставаться нельзя, а в таком огромном городе уж где-нибудь найдется для него местечко, ведь ночь напролет, он-то знает, все кафе и рестораны забиты битком, и клиентов кто-то должен обслуживать, а у него в этом деле уже есть навык, нет, он сумеет быстро и неприметно приткнуться к какому-нибудь заведению. Вон в доме напротив внизу как раз разместился ресторанчик, откуда и сейчас гремит музыка. Главный вход прикрыт только большой желтой портьерой, которую иногда порывами сквозняка резко выдувает на улицу. Вообще же в переулке к этому часу стало гораздо тише. На большинстве балконов уже темно, лишь вдалеке кое-где мерцали одинокие огни, но и там, стоило посмотреть подольше, люди через какое-то время поднимались со своих мест, шли в комнату, и только кто-то один, оставшись на миг, тянулся к лампочке и поворачивал выключатель, бросив прощальный взгляд на улицу.

«Ну вот, уже и ночь, — подумал Карл. — Если я еще здесь пробуду, значит, я уже с ними». Он повернулся, собираясь отдернуть портьеру.

— Ты куда? — заслоняя портьеру собой, спросил Робинсон.

— Я ухожу, — сказал Карл. — Пропусти. Пропу-

сти меня!

— Не вздумай их беспокоить! — закричал Робинсон. — Ты в своем уме?

Обхватив Карла за шею и повиснув на нем всей тяжестью, Робинсон заплел ему ноги, — и в тот же миг оба они повалились на пол. Но среди мальчишек-лифтеров Карл тоже немного научился драться, и сейчас он ткнул Робинсона кулаком в подбородок, но слабо — пожалел. Однако тот в ответ без всякой жалости саданул Карла коленом в живот, после чего тут же схватился обеими руками за подбородок и принялся выть, да так громко, что с балкона поблизости кто-то возмущенно захлопал в ладоши и мужской голос яростно крикнул: «Эй, тихо там!» Какое-то время Карл лежал тихо, стараясь перетерпеть боль после подлого удара Робинсона. Он только голову повернул и посмотрел на портьеру, которая тяжело и неподвижно закрывала вход в комнату. Там, за портьерой, судя по всему, было темно и вроде бы никого не было. Быть может, Деламарш куда-то вышел с Брунельдой, и тогда Карл совершенно свободен. От Робинсона, который и вправду повел себя как сторожевой пес, он теперь-то уж точно отделался.

Но тут откуда-то издали, из глубины переулка

послышалось ритмичное буханье барабанов и заливистое пение труб. Отдельные выкрики, стремительно приближаясь, переросли в единый всеобщий рев. Карл обернулся — на все балконы вокруг снова высыпали люди. Он с трудом поднялся и, не в силах как следует разогнуться, тяжело навалился на перила. Внизу показались какие-то парни, они шли широким шагом, почти маршировали по обоим тротуарам, вскинув над головами шляпы и все время оборачиваясь назад. На мостовой пока что было пусто. Некоторые на длинных шестах несли разноцветные бумажные фонарики, они мерно покачивались, окутанные желтоватым дымком. Наконец из темноты появились трубачи и барабанщики, они выползали широкой колонной, за рядом ряд, и Карл уже начал удивляться их количеству, как вдруг услышал за спиной голоса, обернулся и увидел Деламарша — тот стоял у двери, придерживая портьеру, а из темной комнаты на балкон выходила Брунельда, в красном платье, с кружевной накидкой на плечах и в чепце, из-под которого тут и там выглядывали пряди волос, — очевидно, не успев причесаться, она кое-как собрала их в пучок. В руке у нее был развернут маленький веер, она им не обмахивалась, просто прижимала к груди.

Карл посторонился, пропуская обоих к перилам. Ну конечно же, никто его здесь силой удерживать не станет, а если Деламарш и попытается, все равно Брунельда отпустит его по первой же просьбе. Она же терпеть его не может, так напугал ее его взгляд. Но едва он шагнул к двери, она тотчас же это заметила и спросила:

— Ты куда, малыш?

Под строгим взглядом Деламарша Карл смешался, и Брунельда притянула его к себе.

— Разве ты не хочешь посмотреть шествие? — спросила она, всем телом притискивая его к перилам.

Оказавшись к ней спиной, Карл услышал, как она спрашивает у Деламарша: «Ты не знаешь, что там происходит?» — и непроизвольно, но без успеха, сделал попытку освободиться из ее объятий. Он с тоской глянул вниз, на улицу, как будто именно там, внизу, причина всех его несчастий.

Деламарш, скрестив руки на груди, немного постоял у Брунельды за спиной, потом сбегал в комнату и принес ей театральный бинокль. Тем временем внизу вслед за музыкантами на улицу вползла главная часть шествия. На плечах у здоровенного детины важно восседал некий господин, — отсюда, с высоты, можно было раз-

глядеть только его отсвечивающую лысину, над которой он приветственно помахивал цилиндром. Вокруг него толпа несла, очевидно, плакаты на фанерных щитах, — с балкона они казались совершенно белыми; задумано все было так, чтобы плакаты буквально облепляли господина со всех сторон, а он возвышался над ними в центре. Поскольку шествие двигалось, стена из плакатов то и дело разваливалась, но всякий раз выравнивалась и сплачивалась снова. Во всю свою ширину и во всю длину — впрочем, в темноте смутно угадывался лишь короткий ее отрезок — улица была запружена сторонниками господина, они дружно хлопали в ладоши, торжественным хором распевая его имя, краткое, но все равно неразборчивое. То тут, то там, умело рассеянные в толпе, внизу виднелись люди с автомобильными фарами в руках — их резкие, направленные лучи медленно шарили по стенам домов по обе стороны улицы. Здесь, на самом верху, они уже не ослепляли, но было хорошо видно, как люди на нижних балконах, попадая в пятно нестерпимо яркого света, поспешно прикрывают руками глаза.

По просьбе Брунельды Деламарш осведомился у жильцов с соседнего балкона, по какому слу-

чаю торжество. Карлу не терпелось услышать, что тому ответят, а главное как. И в самом деле — Деламарш переспросил трижды, но ответа не удостоился. Он уже с риском для жизни свесился через перила, а Брунельда, злясь на соседей, даже в нетерпении притопнула ногой, слегка задев Карла коленкой. Наконец снизу что-то ответили, но одновременно с балкона, битком забитого людьми, раздался дружный взрыв хохота. Разъяренный Деламарш, в свою очередь, что-то крикнул соседям, да так громко, что, если бы не сплошной гул с улицы, все вокруг наверняка умолкли бы от неожиданности. Как бы то ни было, этот окрик возымел свое действие, и смех на балконе подозрительно быстро затих.

— Завтра в нашем округе выбирают судью, и вон тот, которого несут, кандидат, — как ни в чем не бывало сообщил Деламарш, снова подходя к Брунельде. — Да-а, — протянул он, ласково похлопав Брунельду по спине, — этак мы совсем от жизни отстанем!

— Деламарш, — произнесла Брунельда, все еще не в силах забыть о поведении соседей, — с каким бы удовольствием я отсюда съехала, не будь это так утомительно. Но, к сожалению, здоровье мне не позволяет. — И, продолжая тяжело вздыхать,

она в рассеянности принялась беспокойно теребить рубашку на груди у Карла, который, в свою очередь, по возможности незаметно пытался отстранить от себя эти маленькие жирные лапки, что ему, кстати, легко удалось, ибо Брунельда, погруженная в свои мысли, не обращала на него ни малейшего внимания.

Но и Карл вскоре позабыл о Брунельде и терпеливо сносил тяжесть ее рук на своих плечах, настолько увлекли его новые события на улице. Повинуясь указаниям группы мужчин, что, энергично жестикулируя, прокладывали кандидату дорогу и, вероятно, сообщали о чем-то важном, — было видно, как все, почтительно прислушиваясь, оборачиваются в их сторону, — толпа неожиданно остановилась перед рестораном. Один из этой командной группы поднял руку, подавая знак одновременно и толпе и кандидату. Толпа послушно умолкла, а кандидат, несколько раз попытавшись привстать с сиденья, водруженного на плечах у носильщика, и столько же раз плюхнувшись обратно, произнес краткую речь, подкрепляя ее широкими и энергичными взмахами цилиндра. Все это было легко разглядеть, поскольку, едва он начал говорить, лучи всех автомобильных фар разом уткнулись в него,

так что он оказался как бы в центре огромной светящейся звезды.

Теперь стал заметен и интерес всей улицы к происходящему. С балконов, где расположились болельщики кандидата, слышались голоса, в пении скандирующие его имя, тянулись через перила руки, торопясь примкнуть к ритмичным, в такт музыке, рукоплесканиям. С остальных балконов — таких, пожалуй, было даже побольше — в ответ раздавался мощный встречный хор, поначалу, впрочем, не столь слаженный, ибо состоял он из приверженцев разных кандидатов. Но вскоре все противники кандидата нашли способ объединить свои усилия в дружном свисте, а некоторые вдобавок запустили граммофоны. Между отдельными балконами начали назревать политические конфликты, острота которых усугублялась непривычно поздним временем и, соответственно, чрезмерным возбуждением участников. Большинство повыскакивали на балконы в ночных рубашках, в пижамах, наспех накинув халаты, женщины кутались в большие темные платки, оставленные без присмотра дети с леденящей душу решимостью карабкались на балконные решетки и во все большем числе вышмыгивали из темных комнат, где они толь-

ко что спали спокойным сном. То с одного, то с другого балкона уже летели трудноразличимые предметы, запущенные особо разгоряченными гражданами в своих политических противников, иногда они даже попадали в цель, но чаще падали вниз, в толпу, вызывая в месте падения яростный вопль негодования. Когда командной группе становилось невмоготу от шума, барабанщики и трубачи получали приказ вступать, и их громоподобный, нескончаемый глас в один миг перекрывал своей мощью разномастный людской галдеж, заполняя все пространство улицы от тротуаров до самых высоких крыш. И потом, всегда с удивительной внезапностью — даже не верилось, — обрывался, после чего толпа на улице, явно специально этому обученная, пользуясь мгновением ошеломленного безмолвия, дружным ревом затягивала свой гимн — в свете фар хорошо были видны самозабвенно разинутые рты, пока их противники, придя в себя после секундного замешательства, не отвечали со всех балконов и подоконников вдесятеро громче, принуждая неприятеля, одержавшего было кратковременную победу, к полному — так по крайней мере казалось отсюда, сверху, — молчанию.

— Ну что, малыш, тебе нравится? — спросила Брунельда, налегая на Карла пуще прежнего, поскольку вертелась во все стороны, стараясь все разглядеть в бинокль. Карл в ответ только кивнул. Краем глаза он успел заметить, как Робинсон что-то быстро-быстро нашептывает Деламаршу, очевидно, торопясь доложить о неблаговидном поведении Карла, но Деламарш, судя по всему, не придавал этому никакого значения: обняв Брунельду правой рукой, левой он все время пытался отпихнуть от себя назойливого Робинсона.

— Не хочешь посмотреть в бинокль? — спросила Брунельда и слегка похлопала Карла по груди, давая понять, что имеет в виду именно его.

— Мне и так видно, — ответил Карл.

— А ты попробуй, — настаивала Брунельда, — будет еще лучше.

— У меня хорошее зрение, — заверил ее Карл, — я все вижу.

Когда же она все-таки приблизила бинокль к его лицу, Карл усмотрел в этом жесте отнюдь не любезность, а скорее намеренную навязчивость, тем более что прозвучало при этом одно лишь властное словечко «Ну!», произнесенное хоть и нараспев, но с угрозой в голосе. И вот уже бинокль уткнулся Карлу прямо в глаза, и Карл

действительно перестал что-либо видеть.

— Я же ничего не вижу, — сказал он, пытаясь отстраниться, но не тут-то было: бинокль был прижат плотно, голова Карла утонула в пышной груди Брунельды, как в подушках, — ни повернуть ее, ни отклонить назад он не мог.

— Но теперь-то видишь? — нетерпеливо спросила Брунельда, крутя ручку настройки.

— Нет, не вижу, — ответил Карл, успев подумать, что, сам того не желая, уже облегчил жизнь Робинсону: теперь вот Брунельда на нем, а не на Робинсоне вымещает свои несносные капризы.

— Да когда же ты наконец будешь видеть? — раздраженно спросила Брунельда, крутя ручку и обдавая все лицо Карла своим тяжелым дыханием. — А теперь?

— Да нет же, нет, не вижу! — крикнул Карл, хотя теперь-то как раз он видел, правда, еще очень расплывчато, почти все. Но тут Брунельда отвлеклась на Деламарша, слегка отодвинула бинокль от лица Карла, так что он мог теперь незаметно для нее смотреть на улицу поверх бинокля. А потом она уже не настаивала на своей прихоти и смотрела в бинокль сама.

Тем временем внизу из ресторана выскочил официант и, мечась на пороге от одного распо-

рядителя демонстрации к другому, торопливо принимал заказы. Было видно, как он, вытянув шею, высматривает в глубине зала своих товарищей, чтобы позвать их на подмогу. Во время этих приготовлений, предшествовавших, очевидно, задуманной организаторами щедрой бесплатной выпивке, сам кандидат не умолкал ни на секунду. Его носильщик, огромный и только ему одному подчинявшийся детина, после каждых нескольких фраз слегка поворачивался на месте, как бы равномерно распределяя содержание речи среди всех столпившихся. Кандидат же, с трудом сохраняя равновесие при каждом таком повороте и скрючившись как наездник в седле, резко выбрасывал над головой то одну, свободную, руку, то другую, с цилиндром, стараясь придать своей речи максимально возможную убедительность. Но время от времени, с почти безупречной регулярностью, его будто пронзало током, — он весь вскидывался и, обнимая руками воздух, обращался уже не к какой-то группе в отдельности, а ко всем собравшимся, включая и местных жителей вплоть до самых последних этажей, хотя было совершенно ясно, что даже на нижних этажах его никто не слышит, и более того — никто не хочет слушать и с удовольствием бы не слушал,

будь такая возможность, — ибо теперь в каждом окне и на каждом балконе уже нашелся по меньшей мере один свой громогласный оратор. Официанты между тем вынесли из ресторана огромный, величиной с бильярдный стол, поднос с наполненными до краев золотисто искрящимися кружками. Распорядители немедленно организовали раздачу, которая совершалась как бы в форме парадного марша толпы вдоль ресторанного подъезда. Но хотя пустые кружки на подносе обновлялись мгновенно, на всех этого было явно мало, поэтому официанты, образовав справа и слева от подноса две живые цепочки, сновали взад-вперед из ресторана и обратно, пытаясь таким образом обслужить всех желающих. Кандидат, разумеется, на это время прервал свою речь и, пользуясь паузой, собирался с силами. В стороне от толпы и яркого света носильщик неспешным шагом прогуливал его туда и обратно, и только несколько ближайших соратников семенили рядом, время от времени почтительно, снизу вверх, к нему обращаясь.

— Посмотри-ка на малыша, — сказала Брунельда. — Так загляделся, что просто забыл, где находится. — Неожиданно для Карла она схватила его за голову обеими руками и, с силой

повернув к себе лицом, взглянула ему прямо в глаза. Правда, смотрела она недолго — Карл отбросил ее руки и, злясь на то, что его ни на секунду не оставляют в покое, испытывая желание поскорее побежать на улицу, самому вблизи посмотреть на все, что там происходит, изо всех сил рванулся из объятий Брунельды.

— Пожалуйста, отпустите меня, — попросил он.

— Ты останешься у нас, — бросил Деламарш, не отрывая взгляда от улицы, только руку вытянул, преграждая путь Карлу.

— Брось, — сказала Брунельда, отводя руку Деламарша, — он и так никуда не уйдет.

И еще крепче притиснула Карла к перилам, — теперь, захоти он освободиться, ему пришлось бы попросту бороться с ней. Но и тогда, в случае успеха, чего бы он достиг? Слева от него стоял Деламарш, справа как бы невзначай пристроился Робинсон, да он просто в плену.

— Скажи спасибо, что тебя вообще не выбрасывают, — вставил Робинсон, ухитрившись просунуть руку под локтем у Брунельды и похлопать Карла по плечу.

— Зачем же выбрасывать? — рассудительно сказал Деламарш. — Беглых воров положено не

выбрасывать, а выдавать полиции. И завтра же утром я могу ему это устроить, если он не утихомирится.

С этой секунды грандиозное зрелище внизу перестало радовать Карла. Лишь поневоле — объятия Брунельды все равно не давали ему как следует выпрямиться — смотрел он на улицу, слегка склонившись над перилами. Поглощенный своими тревогами, он рассеянным взглядом следил за тем, как люди внизу, сбиваясь в группы человек по двадцать, подходят к ресторанному подъезду, словно по команде, хватают кружки, а затем, дружно повернувшись кругом, салютуют ими кандидату, который даже не смотрел в их сторону, выкрикивают партийное приветствие, опустошают кружки и — наверняка с грохотом, хотя отсюда, с высоты, грохота не слышно — ставят кружки обратно на поднос, чтобы уступить место очередной возбужденно галдящей группе. По команде одного из распорядителей оркестр, игравший до этого в ресторане, теперь в полном составе вышел на улицу, мощные духовые инструменты золотисто поблескивали в черной толпе, но самой музыки было почти не слышно, она терялась во всеобщем шуме. Улица — по крайней мере та ее сторона, где находился ресто-

ран, — была уже битком забита народом. С горы, откуда Карл вчера приехал на автомашине, люди стекались вниз, снизу, где был мост, они со всех ног бежали в гору, и даже те, кто сидел по домам, не устояли перед соблазном, так сказать, приложить руку к даровому угощению, — на балконах и в окнах остались теперь почти сплошь женщины и дети, зато мужчины валом валили из ворот и подъездов. Но, видимо, музыка и выпивка уже сделали свое дело, народу скопилось достаточно, поэтому один из распорядителей, эскортируемый светом двух автомобильных фар, взмахом руки остановил оркестр и громко свистнул — тут все снова увидели носильщика, уже порядком взмыленного; с кандидатом на плечах он спешно пробирался сквозь толпу по проходу, который прокладывала для него группа помощников.

Едва добравшись до входа в ресторан и снова очутившись в кольце автомобильных фар, на сей раз, правда, наставленных на него почти в упор, кандидат немедленно начал новую речь. Но теперь все шло куда тяжелей, чем раньше, носильщику, стиснутому со всех сторон, было уже не до поворотов, а толпа все напирала. Ближайшие сторонники кандидата, стремившиеся прежде всеми возможными средствами усилить

эффект его речи, теперь помышляли лишь об одном — как бы от него не отбиться; человек двадцать из них вцепились в носильщика и держались за него изо всех сил. Но даже этот богатырь не мог уже и шага ступить по своей воле, а уж о том, чтобы как-то повлиять на толпу, подчинить ее каким-то своим маневрам — двинуться вперед, уклониться, отступить, — нечего было и думать. Толпа бурлила водоворотами, люди наваливались друг на друга, всех куда-то несло, армия противников кандидата, похоже, за счет новоприбывших сильно увеличилась, носильщик какое-то время еще стойко держался подле ресторана, но потом, судя по всему, прекратил сопротивление и вверил себя людскому потоку, который бросал его, как щепку, из стороны в сторону, кандидат у него на плечах по-прежнему говорил без умолку, но было не вполне ясно, излагает ли он свою предвыборную программу или просто зовет на помощь; к тому же, насколько можно было понять, у него обнаружился соперник, и даже не один, ибо то тут, то там в беспорядочных вспышках света над толпой вдруг появлялась фигура то одного, то другого оратора, — бледный, со вскинутым кулаком, он произносил свою речь, сопровождаемую бурны-

ми возгласами одобрения.

— Что там происходит? — воскликнул Карл и в полном смятении оглянулся на своих тюремщиков.

— Смотри-ка, как малыш разволновался, — сказала Брунельда Деламаршу и взяла Карла за подбородок, намереваясь снова прижать его голову к своей груди. Но Карлу это решительно не понравилось, и он, видимо, тоже одичав от уличной сумятицы, дернулся с таким остервенением, что Брунельда не только отпустила, но даже оттолкнула его от себя, неожиданно возвращая ему свободу. — Ну, хватит, насмотрелся уже, — сказала она, явно рассерженная строптивостью Карла. — А теперь отправляйся в комнату, постели постель и приготовь все на ночь.

И она властно указала рукой в направлении комнаты. То есть в ту сторону, куда Карл уже который час тщетно рвался — теперь он, естественно, ни словом не возразил. Но тут с улицы донесся звон разбитого стекла, потом еще и еще. Карл не удержался и подскочил к перилам, чтобы напоследок еще разок глянуть вниз. Очередная и, по всей видимости, решающая атака противников кандидата увенчалась успехом, автомобильные фары в руках его приверженцев, чей сильный

свет позволял по крайней мере основным событиям протекать на глазах общественности и как-то сдерживать их в известных границах, были все и, очевидно, разом разбиты, кандидат и его носильщик мгновенно потерялись в слабом уличном освещении, скудость которого по внезапности контраста смахивала скорее на кромешный мрак. Теперь при всем желании даже приблизительно невозможно было догадаться, где находится кандидат, а обманчивое впечатление полной тьмы только усилилось, когда откуда-то снизу, со стороны моста, вдруг грянуло и, грозно приближаясь, разнеслось по улице мощное многоголосое пение.

— Тебе, по-моему, сказано, чем заняться, — напомнила Брунельда. — Поторопись, я устала, — добавила она и, раскинув руки, потянулась, выпятив свой и без того необъятный бюст. Деламарш, все еще обнимая ее за плечи, увлек ее в угол балкона. Робинсон поспешил за ними, чтобы успеть убрать остатки еды, которые все еще лежали там на полу.

Столь благоприятную возможность Карлу нельзя было упустить, сейчас не время глазеть на улицу, он еще успеет наглядеться — и не издали, сверху, а там, вблизи. В два прыжка проскочив

красноватый полумрак комнаты, Карл очутился у двери, но дверь оказалась заперта, и ключа в замке не было. Надо сейчас же его найти, но где же его найдешь в этом бедламе, особенно в спешке, в считанные драгоценные минуты, что у Карла в распоряжении. Подумать только, он бы уже мог быть на лестнице, и уже бежал бы, бежал без оглядки! А он все ищет этот проклятый ключ! Шарит по всем ящикам, роется на столе, где все свалено в кучу — всевозможная посуда, салфетки, какое-то незаконченное вязанье, — тут его взгляд упал на кресло со сваленным на него ворохом старого тряпья, среди которого, возможно, и спрятан ключ, только попробуй его найти в этой груде, потом он кинулся к кушетке, от которой и вправду воняло какой-то дрянью, намереваясь перерыть ее всю в надежде нащупать ключ в складках покрывала или под подушкой. Наконец он бросил поиски и, не зная, как быть, остановился посреди комнаты. Ну конечно, ключ висит у Брунельды на поясе, догадался он, у нее там бог весть что понавешено, так что искать бесполезно.

В отчаянии он схватил два ножа и просунул их лезвиями между дверных створок, один сверху, другой снизу, чтобы распоры получились в двух

местах. Едва он нажал на рукоятки, ножи, разумеется, тут же обломились. Карлу только того и надо было, он еще глубже вогнал рукоятки в образовавшуюся щель — лучше будут держаться. И, для упора расставив ноги пошире, обеими руками что есть сил навалился на рукоятки, постанывая от натуги, но при этом внимательно следя за дверью. Долго она не выдержит, Карл с радостью это понял по тихому скрежету защелки в замке, но чем медленнее она подавалась, тем лучше, выламывать замок было никак нельзя, треск наверняка услышат с балкона, нет, его надо именно разжать, раздвинуть, и как можно аккуратней, что Карл и стремился сейчас проделать, все ниже склоняясь над замком.

— Ты посмотри, — услышал он вдруг голос Деламарша. Все трое стояли в комнате, портьера была уже задернута, — видимо, Карл не услышал, как они вошли, теперь же от неожиданности выпустил рукоятки ножей. Но что-либо объяснить или хоть слово сказать в свое оправдание он не успел: в приступе дикой ярости, чрезмерной для столь ничтожного предлога, Деламарш бросился на него — полы распахнутого халата взметнулись в воздухе, как крылья. Карл, однако, в последнюю секунду сумел увернуться, он мог

бы, кстати, и ножи выхватить из дверной щели, чтобы обороняться с оружием в руках, но не стал, а вместо этого, поднырнув под Деламарша и внезапно выпрямившись, ухватил того за ворот халата и что есть силы дернул вверх, а потом еще и еще, пока — благо халат был Деламаршу очень велик — весьма ловко не натянул его Деламаршу на голову; первое время Деламарш, ошалев от неожиданности, беспомощно молотил кулаками воздух и только немного погодя, но зато уже со всей мощью, обрушил свои удары на спину Карла, который, стараясь защитить лицо, прятал теперь голову на груди противника. Терпеливо, хотя и содрогаясь от боли, Карл сносил эти удары, с каждым разом все более чувствительные, но он знал, что все стерпит, ибо уже предчувствовал победу. Еще крепче ухватив голову Деламарша, большими пальцами уже нащупывая под халатом его глаза, он тащил его за собой через весь этот беспорядочный лабиринт мебели и еще пытался по пути мысками ботинок зацепить шнур халата и обвить этим шнуром ноги Деламарша, чтобы повалить своего врага на пол.

Но поскольку он всецело сосредоточился только на Деламарше, тем более что сопротивление того возрастало и он чувствовал, как все яростней

упирается упругое тело противника, он начисто забыл, что дерется с Деламаршем не один на один. Однако скоро, слишком скоро ему пришлось об этом вспомнить, ибо внезапно ноги перестали его слушаться — это Робинсон, подкравшись сзади, с гиканьем бросился на пол и схватил его за лодыжки. Карл со вздохом отпустил Деламарша, который и после этого по инерции все еще пятился. Необъятная фигура Брунельды возвышалась посреди комнаты: широко расставив ноги и слегка присев от возбуждения, она жадно следила за развитием событий. Словно сама участвуя в драке, она пыхтела как паровоз, грозно вращала глазами и, сжав кулаки, наносила незримому противнику короткие, неуклюжие удары. Деламарш сдернул с головы халат, ну и теперь, когда он снова все видел, поединок как таковой кончился — началось наказание. Схватив Карла за грудки, Деламарш шутя оторвал его от пола и, даже не удостоив взглядом, с такой силой отшвырнул от себя, что Карл, отлетев на несколько шагов и со всего маху врезавшись в шкаф, в первый миг оглушительной боли, молнией пронзившей затылок и позвоночник, даже не понял, что это от удара о шкаф, и решил, что Деламарш каким-то образом ухитрился напасть на него сзади.

— Ах ты, мразь, — услышал он сквозь черноту, зыбкой пеленой подступающую к глазам, гневный крик Деламарша.

Теряя силы, он стал медленно оседать на пол, и следующие слова Деламарша: «Ну, подожди у меня!» — донеслись до него уже только слабым отголоском.

Очнулся он в полной темноте, видимо, была еще глубокая ночь, и только из-за портьеры в комнату проникал робкий отсвет лунного сияния. Где-то рядом слышалось ровное дыхание спящих, по самому громкому он сразу узнал Брунельду — когда разговаривала, она пыхтела точно так же; однако точнее установить, кто и где спит, было совсем непросто — казалось, мерное сопение заполнило собой всю комнату. Лишь теперь, оглядевшись и мало-помалу придя в себя, Карл вспомнил, где находится, и тут не на шутку испугался, ибо, хотя все тело у него ныло и от боли страшно было шелохнуться, он только сейчас сообразил, что, возможно, серьезно ранен и истекает кровью. И действительно, в голове он чувствовал непривычную тяжесть, а все лицо, шея и грудь под рубашкой были мокрые, — неужто от крови? Надо поскорее на свет, как следует разглядеть, что с ним, может, его вообще

изувечили, тогда-то уж Деламарш наверняка его отпустит, только калекой кому он нужен, тогда он и вправду пропал. Ему вспомнился парень с провалившимся носом, и на секунду он даже закрыл руками глаза.

Потом он непроизвольно вспомнил о двери и, ползком, на четвереньках, ощупью двинулся в ту сторону. Вскоре пальцы его наткнулись на сапог, а в сапоге нащупали чью-то ногу. Это, конечно, Робинсон, кто же еще додумается спать в сапогах? Значит, ему приказали лечь в прихожей перед дверью, чтобы не дать Карлу улизнуть. Но разве они не знают, в каком он состоянии? Он пока что и не помышляет о бегстве, ему бы на свет выбраться. Что ж, раз в дверь нельзя, надо ползти на балкон.

Обеденный стол оказался совсем не там, где стоял вечером, а тахта, к которой Карл, разумеется, приближался с особой осторожностью, вообще была пуста, зато посредине комнаты, на самом ходу, он наткнулся на какую-то странную, но очень плотно сложенную груду из одежды, покрывал, занавесок, подушек и ковров. Сперва он решил, что это просто небольшая куча разного тряпья наподобие той, что он вчера переворошил в кресле, когда искал ключ, — наверно, ее вто-

ропях сбросили на пол, — но, ползя дальше, он с изумлением обнаружил, что это целая свалка вещей, зачем-то специально извлеченных на ночь из шкафов, где они хранились днем. Ползком огибая груду, он вскоре догадался, что это грандиозное спальное ложе, на котором, как он убедился путем осторожного ощупывания, почивают Деламарш и Брунельда.

Теперь он знал наконец, кто где спит, и поспешил на балкон. Здесь, за портьерой, был совсем другой мир, очутившись в котором, Карл с облегчением встал на ноги. Наслаждаясь свежестью ночной прохлады и ярким светом луны, он несколько раз прошелся по балкону туда и обратно. Потом глянул вниз, на улицу: там было совсем тихо, правда, из ресторана еще доносилась музыка, но приглушенно, да дворник у подъезда подметал тротуар, — с трудом верилось, что там, где совсем недавно в несусветном тысячеголосом гаме беспомощно тонули вопли кандидата, теперь только мягкое шарканье метлы по мостовой нарушает сонную тишину.

Скрип отодвинутого стола на соседнем балконе привлек внимание Карла — там, оказывается, кто-то сидел и занимался. Это был молодой человек с острой бородкой, которую он, склонившись

над книгой и сосредоточенно шевеля губами, то и дело пощипывал. Он сидел лицом к Карлу за маленьким, заваленным книгами столиком, лампу со стены он снял и приспособил тут же, зажав патрон между двумя толстенными книгами, яркий свет этой лампы освещал его с ног до головы.

— Добрый вечер, — сказал Карл, так как ему показалось, что молодой человек на него смотрит.

Но, по-видимому, он ошибся — молодой человек, похоже, даже не видел его; прикрыв ладонью глаза от слепящего света, он теперь тщетно пытался разглядеть, кто это с ним здоровается, а потом, поскольку разглядеть все равно не удалось, слегка приподнял лампу, чтобы осветить соседний балкон.

— Добрый вечер, — ответил он наконец, какое-то время пристально вглядываясь в Карла, а потом добавил: — Ну, и дальше что?

— Я вам мешаю? — спросил Карл.

— Да уж конечно, — ответил тот, определяя лампу на прежнее место.

После этих слов все пути к знакомству были отрезаны, однако Карл все равно не уходил из балконного угла, откуда до молодого человека было ближе всего. Он молча наблюдал, как тот читает свою книгу, переворачивает страницы,

время от времени — неизменно с молниеносной быстротой — хватает другую книгу, чтобы что-то в ней посмотреть, и то и дело что-то записывает в толстую тетрадь, почему-то низко-низко склоняя над ней лицо.

Может, это и есть тот самый студент? Похоже на то, ведь он явно что-то учит. Почти совсем как когда-то Карл, — как же давно все это было! — сидя дома за родительским столом, писал свои домашние задания; отец в это время либо газету читал, либо делал записи в конторской книге и отвечал на корреспонденцию фирмы, а мама шила, высоко выдергивая из ткани иголку на длинной нитке. Чтобы не мешать отцу, Карл клал перед собой на столе только тетрадь и ручку, а учебники и задачники по порядку раскладывал в креслах. Как же тихо было дома! Как редко заходили к ним в комнату чужие люди! Еще совсем маленьким Карл очень любил смотреть, как мама вечером запирает дверь их комнаты щелкающим поворотом ключа. Ей и невдомек, до чего докатился ее сыночек: взламывает чужие двери ножами!

Да и много ли проку было от его ученья? Ведь он же все позабыл, и, случись вдруг снова пойти здесь, в Америке, в школу, ох и трудно бы ему

пришлось. Он же помнит, как однажды, еще дома, целый месяц проболел и каких трудов и мучений стоило ему тогда наверстать упущенное. А теперь тем более: ведь, кроме английского учебника коммерческой корреспонденции, он давным-давно ни одной книги в руки не брал.

— Эй, молодой человек! — услышал вдруг Карл обращенные к нему слова. — Вы не могли бы встать где-нибудь в другом месте? Сколько можно глазеть, вы же ужасно мешаете. В два часа ночи на собственном балконе — и то спокойно поработать не дадут. Или вам что-нибудь от меня надо?

— Вы занимаетесь? — спросил Карл.

— Да, да! — ответил молодой человек, используя эти все равно уже потерянные для работы мгновенья, чтобы навести какой-то новый порядок в своих книгах.

— Тогда не буду вам мешать, — сказал Карл, — я вообще уже ухожу. Спокойной ночи.

Молодой человек далее не ответил: в приступе внезапной решимости, благо помеха теперь была устранена, он с новыми силами уткнулся в свои книги, подперев лоб правой рукой.

Только тут, уже вплотную подойдя к портьере, Карл вспомнил, зачем он, собственно, сюда вышел: он же хотел посмотреть, что с ним. Почему у

него такая тяжесть в голове? Он потрогал голову и, к немалому своему изумлению, обнаружил на ней не кровавую ссадину, а тугую и все еще влажную повязку наподобие тюрбана. Судя по свисавшим остаткам кружева, это было старое Брунельдино белье, очевидно, наспех разорванное на бинты, которыми кто-то, скорее всего Робинсон, и обмотал Карлу голову. Только потом забыл снять, и, пока Карл лежал в беспамятстве, вода стекала по лицу и под рубашку Карла, отчего он потом и напугался.

— Вы все еще тут? — спросил молодой человек, подслеповато щурясь на Карла.

— Теперь я и правда ухожу, — успокоил его Карл. — Просто хотел рассмотреть кое-что, а в комнате темно.

— А кто вы такой, собственно? — спросил молодой человек, положив ручку на раскрытую книгу и подходя к перилам. — Как вас зовут? Что вы делаете у этих людей? Вы давно здесь? И что это вам понадобилось рассматривать? Да включите наконец лампу, вас же не видно.

Карл включил, но, прежде чем ответить, поплотнее задернул портьеру, чтобы свет не заметили из комнаты.

— Извините, — сказал он полушепотом, — что я

так тихо говорю. Но если они услышат, мне опять устроят взбучку.

— Опять? — переспросил молодой человек.

— Ну да, — с готовностью пояснил Карл. — Я и так сегодня вечером с ними поссорился. Шишка у меня, наверно, здоровущая. — И он осторожно пощупал свой затылок.

— Из-за чего же вы поссорились? — спросил молодой человек и, поскольку Карл замялся с ответом, поспешно добавил: — Можете спокойно выкладывать все, что имеете против этих господ. Я-то их всех троих ненавижу, в особенности мадам. Не удивлюсь, впрочем, если они уже наговорили вам обо мне кучу гадостей. Меня зовут Йозеф Мендель, я студент.

— Да, — сказал Карл, — мне про вас рассказывали, но ничего плохого. Ведь это вы помогли госпоже Брунельде, правильно?

— Точно, — подтвердил студент и засмеялся. — Что, от тахты все еще воняет?

— Еще как!

— Весьма рад, — с удовлетворением произнес студент, проводя рукой по волосам. — А за что вам набивают шишки?

— Поссорились, — задумчиво сказал Карл, не зная, как бы получше все объяснить студенту.

Но потом передумал и спросил: — А я вам не мешаю?

— Во-первых, — сказал студент, — вы мне уже помешали, а у меня так плохо с нервами, что, если меня прервут, мне потом долго нужно сосредотачиваться. С тех пор как вы устроили себе моцион на балконе, я ни на йоту не продвинулся. А во-вторых, в три я всегда делаю перерыв. Так что рассказывайте спокойно. К тому же мне это интересно.

— Да все очень просто, — начал Карл, — Деламарш хочет, чтобы я стал у него слугой. А я не хочу. Будь моя воля, я бы еще вечером ушел. Но он меня не пускал, дверь запер, я хотел ее взломать, потом дошло до драки. Мне не повезло, и вот я пока что здесь.

— А у вас есть другое место? — поинтересовался студент.

— Нет, — ответил Карл, — но мне это не важно, мне лишь бы вырваться отсюда.

— Послушайте-ка, — спросил студент, — для вас, значит, это не важно? — Оба немного помолчали. — А почему вы так не хотите у них остаться?

— Деламарш очень скверный человек, — объяснил Карл. — Я давно его знаю. Однажды я с ним

целый день прошел пешком и был до смерти рад, когда от него избавился. А теперь мне у него слугой быть? Нет уж.

— Если бы все слуги, выбирая себе хозяев, были столь же щепетильны, — сказал студент и, похоже, усмехнулся. — Взять хотя бы меня: днем я работаю продавцом, причем младшим продавцом, скорее даже мальчиком на побегушках в универмаге Монтли. Этот Монтли, мой хозяин, несомненно, подлец из подлецов, но меня это совершенно не волнует, в ярость меня приводит только мое убогое жалованье. Вот и берите пример с меня.

— Как? — изумился Карл, — Днем вы, значит, продавец, а ночью учитесь?

— Ну да, — ответил студент. — Иначе не выходит. Я уже все перепробовал, и поверьте, такой способ существования еще самый благополучный. Когда-то я был просто студентом, так сказать, и днем, и ночью, так я едва не умер от голода, спал чуть ли не в собачьей будке, а одевался так, что стыдно было ходить на лекции. Но с этим покончено.

— Но когда же вы спите? — спросил Карл, удивляясь все больше.

— Когда сплю? — переспросил тот. — Вот до-

учусь, тогда и высплюсь. А пока что пью черный кофе. — И с этими словами он нагнулся, вытащил из-под стола большую бутыль, налил себе чашечку кофе и залпом выпил, как горькое лекарство, которое торопятся проглотить, чтобы не успеть почувствовать его вкус. — Отличная штука — черный кофе, — проговорил студент. — Жалко, что вы так далеко, а то я бы и вас угостил.

— Я не люблю черный кофе, — сказал Карл.

— Так я тоже не люблю. — Студент засмеялся. — Но что прикажете делать? Если бы не кофе, Монтли бы и часа меня не продержал. Да что там, это я только так говорю — Монтли, хотя сам Монтли, конечно, даже не подозревает о моем существовании. Не знаю, право, как бы я смог работать, если бы не держал под прилавком такую же вот бутыль, она у меня всегда под рукой, я еще ни разу не пробовал обойтись без кофе, а если б попробовал, можете не сомневаться, так прямо за прилавком бы и заснул. К сожалению, на работе об этом пронюхали, они меня там так и прозвали — «черный кофе», идиотская кличка, из-за нее-то я наверняка и не могу продвинуться по службе.

— И когда же вы закончите университет? — спросил Карл.

— Это долгое дело, — ответил студент, опустив

голову. Он отошел от перил и снова сел за стол, оперев локти на раскрытую книгу, зарылся руками в волосы и потом добавил: — Еще год, а то и два.

— Я тоже хотел учиться, — сказал Карл, словно это желание давало ему право на еще большее доверие, чем то, которое уже проявил к нему студент, снова сосредоточенно умолкший.

— Вот как, — откликнулся тот, и было неясно, то ли он уже углубился в чтение, то ли смотрит в книгу просто так. — Так скажите спасибо, что не учитесь. Я и сам-то последние годы учусь скорее по привычке — просто бросать неохота. Радости от этого мало, а видов на будущее и того меньше. Да какие там виды! В Америке полно шарлатанов с липовыми дипломами.

— А я хотел стать инженером, — торопливо сказал Карл, видя, что студент снова теряет к нему всякий интерес.

— А вместо этого приходится стать слугой, да еще у этих. — Студент мельком взглянул на Карла. — Обидно, конечно.

Столь безусловный вывод относительно будущего Карла был, конечно, недоразумением, но, как знать, может, ему это даже на руку. И он спросил:

— А нельзя ли и мне получить место в универмаге?

Вопрос этот настолько озадачил студента, что на миг тот даже позабыл о своих книгах; видимо, мысль о том, чтобы помочь Карлу устроиться на работу, ему даже в голову не приходила.

— Попробуйте, — вяло сказал он, — хотя лучше и не пытайтесь. Место у Монтли — это пока что самый большой успех в моей жизни. И если бы вопрос встал ребром — либо работа, либо университет, я бы, уж конечно, выбрал работу. Другое дело, что саму возможность такого выбора я изо всех сил стараюсь предотвратить.

— Значит, так сложно получить там место, — то ли подумал вслух, то ли спросил Карл.

— А вы как думали? — воскликнул студент. — Да легче стать здесь окружным судьей, чем швейцаром у Монтли!

Карл молчал. Этот студент, а он куда опытней Карла и к тому же по каким-то неизвестным причинам ненавидит Деламарша, а Карлу, напротив, вовсе не желает зла, — и однако же, услышав о желании Карла уйти от Деламарша, он не нашел для него ни слова ободрения. А ведь он и представить себе не может, чем грозит Карлу встреча с полицией, от которой его только один Деламарш

и способен хоть как-то защитить.

— Вы ведь видели вчерашнюю демонстрацию? Видели? Так вот, несведущий человек может подумать, что этот кандидат — фамилия его Ломтер — вправе рассчитывать на успех или по крайней мере имеет хоть какие-то шансы, верно?

— Я не разбираюсь в политике, — признался Карл.

— И напрасно, — укорил его студент. — Но все равно, глаза и уши-то у вас есть. И вы не могли не заметить, что у этого человека есть и друзья, но есть и враги. Так вот, представьте себе, у него, по моему прогнозу, нет ни малейших шансов на избрание. По чистой случайности мне все про него известно, живет тут у нас один, он хорошо его знает. Человек он не без способностей, и по своим политическим взглядам, да и по политической биографии именно он больше всего подошел бы для нашего округа на место судьи. Вы думаете, кто-нибудь полагает всерьез, что его выберут? Да ни одна душа! Он провалится, причем с таким треском, что дальше некуда, только зря потратится на предвыборную кампанию, считай что выбросит деньги на ветер, вот и все.

Некоторое время Карл и студент молча смотрели друг на друга. Потом студент с улыбкой кивнул

и пальцами провел по усталым глазам.

— Ну как, вам еще спать не пора? — спросил он. — А то мне ведь тоже пора заниматься. Видите, сколько еще проработать надо. — С этими словами он быстро пролистнул полкниги, чтобы Карл мог воочию убедиться, какая большая работа ему предстоит.

— Тогда спокойной ночи, — сказал Карл и вежливо поклонился.

— Заходите как-нибудь к нам, — пригласил студент, поплотнее устраиваясь за столом, — если захочется, конечно. У нас тут всегда большое общество. С девяти до десяти вечера у меня и для вас найдется время.

— Значит, вы советуете мне остаться у Деламарша? — спросил Карл напоследок.

— Безусловно, — ответил студент, снова склоняя голову над книгой. И Карлу почудилось, что это вовсе не студент ему ответил, а чей-то другой, мощный и басовитый, голос, эхо которого, казалось, все еще звучит у него в ушах. Медленно подошел он к портьере, оглянулся еще раз на студента, который сидел теперь совершенно неподвижно, один посреди бескрайней тьмы, выхваченный ярким кругом света, — и проскользнул в комнату. Со всех сторон его сразу

обдало мерное, напористое посапывание. Двигаясь по стенке, он стал искать тахту и, найдя, спокойно растянулся на ней, словно это давнее и привычное его ложе. Раз уж студент, который хорошо знает и Деламарша и здешние порядки, и вообще человек образованный, посоветовал ему остаться, значит, пока и думать не о чем. Таких непомерных целей, как студент, он перед собой не ставит, еще неизвестно, удалось ли бы ему дома закончить школу, а если уж даже дома это казалось делом почти невозможным, то тем более никто не вправе требовать этого от Карла здесь, в чужой стране. Зато надежда найти работу, на которой он смог бы проявить себя и, соответственно, чего-то добиться в жизни, — такая надежда будет верной, если он пока что займет место слуги у Деламарша и уж отсюда, из безопасного укрытия, станет поджидать благоприятную возможность. А на этой улице, судя по всему, полным-полно контор — и средней руки, и совсем третьеразрядных, и уж наверное их хозяева в случае надобности не слишком придирчиво набирают служащих. А он, если надо, с удовольствием пойдет в такую контору даже рассыльным, но ведь, в конце концов, не исключено, что ему предложат и чисто канцелярскую работу,

так что со временем, быть может, и он когда-нибудь будет сидеть за своим письменным столом и изредка — но недолго — беззаботно поглядывать в окно, как тот чиновник, которого он сегодня видел, когда они с Деламаршем шли дворами. Он уже закрыл глаза, когда в голову пришла новая успокоительная мысль: он еще очень молод, а Деламарш рано или поздно все-таки должен вернуть ему свободу — ведь и вправду не похоже, что они с Брунельдой обосновались тут на веки вечные. Ну, а уж если он получит место в бюро, он ничем другим, кроме своей канцелярской работы, заниматься не будет и в отличие от студента не станет распылять свои силы. Если понадобится, он и ночами будет работать — пожалуй, при скудных азах его коммерческого образования вначале это даже неизбежно от него потребуется. Он будет думать только об интересах дела, которому служит, и не погнушается никакими обязанностями — даже такими, которыми другие чиновники будут пренебрегать, считая их ниже своего достоинства. Благие намерения сонмом роились у него в голове, словно его будущий начальник уже стоит над тахтой и пристально вглядывается в лицо Карла.

С этими мыслями Карл заснул, но уже в полусне

его вспугнул могучий вздох Брунельды, — вероятно, ей привиделся скверный сон, и она тяжело заворочалась на своем ложе.

Глава восьмая

— Вставай-вставай! — услышал Карл голос Робинсона, едва он на следующее утро открыл глаза. Балконная портьера была задернута, но по пробившимся в щели ровным, сильным лучам теплого солнца чувствовалось, что близится полдень. Робинсон с озабоченным лицом метался по комнате взад-вперед, неся в руках то полотенце, то ведро с водой, то различные предметы белья и одежды, и всякий раз, пробегая мимо Карла, кивками головы призывал того вставать поскорее и, приподняв над собой очередную вещь, как бы показывал Карлу: вот, мол, последний раз за тебя отдуваюсь, но уж так и быть, поскольку ты сегодня первый день и все равно не знаешь всех тонкостей службы.

Вскоре, однако, Карл увидел и тех, кого Робинсон обслуживает. В углу, отгороженном от остальной комнаты двумя шкафами, — Карл вчера этого закутка не заметил, — происходила ответственная процедура: там мыли Брунельду. Над шкафом возвышалась ее голова, голая шея — волосы облепили ей лицо — и бычий загривок,

вокруг нее то и дело мелькала рука Деламарша с брызжущей во все стороны мыльной губкой. Слышались отрывистые команды, отдаваемые Деламаршем Робинсону, который выполнял их, доставляя требуемые вещи не через проход в закуток — проход этот был сейчас заставлен ширмой, — а воровато просовывал в узкую щель между ширмой и шкафом, причем всякий раз, боязливо протягивая руку, он отворачивал лицо в противоположную сторону.

— Полотенце! Полотенце! — орал Деламарш. И не успевал Робинсон, который как раз в это время лихорадочно нашаривал что-то под столом, вздрогнуть от этого нового приказа и вынырнуть из-под стола, как уже звучал следующий: — Да где же вода, черт возьми! — И разъяренное лицо Деламарша грозно взмывало над шкафом.

Все, что, по мнению Карла, может понадобиться нормальному человеку для мытья и одевания только один раз, здесь требовалось и доставлялось многократно и в самой немыслимой последовательности. На электрической плитке постоянно подогревалось ведро с водой, и то и дело Робинсон, согнувшись и раскорячив ноги, таскал это тяжеленное ведро к банному закутку. При таком объеме работы было неудивительно,

что он не всегда точно придерживается указаний, а однажды, когда в очередной раз потребовалось полотенце, просто схватил рубашку с большого спального ложа в центре комнаты и, скомкав ее узлом, перебросил за шкаф.

Но и Деламаршу приходилось не легче, и, возможно, он только потому и злился на Робинсона — в своем раздражении Карла он просто не замечал, — что сам не мог угодить Брунельде.

— Ах! — вопила она, и даже непричастный к мытью Карл вздрагивал от испуга. — Ты мне делаешь больно! Убирайся! Лучше уж самой мыться, чем так мучиться! Опять вся рука онемела — чуть не оторвал. Кто же так трет — этак и изувечить недолго. У меня, наверное, вся спина в синяках. Ты-то, конечно, мне не скажешь. Вот погоди, я попрошу Робинсона посмотреть или нашего малыша. Нет-нет, я этого не сделаю, но будь же немного поласковей. Осторожнее надо, Деламарш, осторожнее, но тебе хоть каждое утро об этом тверди — все без толку. Робинсон! — позвала она вдруг, призывно помахивая над головой кружевными трусиками. — Робинсон! Иди сюда, помоги мне, взгляни, как я страдаю! И эту пытку он еще называет мытьем, этот Деламарш. Робинсон, где же ты? Или у тебя тоже нет сердца?

Карл молча подал Робинсону знак, пальцем указав в сторону Брунельды, но тот только прикрыл глаза и умудренно покачал головой: мол, мне лучше знать.

— Ты что, спятил? — шепнул он, наклоняясь к уху Карла. — Это она только так, в шутку. Один раз я сдуру сходил, с меня хватит. Они в меня как вцепятся — и с головой в ванну, я чуть не утонул. А потом Брунельда целыми днями меня изводила, бесстыдником обзывала, да еще и приставала: «Что-то давненько ты со мной не мылся», или: «Когда же ты снова придешь посмотреть, как я моюсь?» И только после того, как я несколько раз на коленях просил у нее прощения, перестала. Нет, этого я никогда не забуду.

Пока он все это рассказывал, Брунельда то и дело его звала:

— Робинсон! Робинсон! Да где же этот негодник Робинсон!

И хотя никто на помощь к ней не шел и даже на зов не откликался — Робинсон уселся рядом с Карлом, и они оба молча поглядывали на шкафы, над которыми попеременно высовывались головы Брунельды и Деламарша, — несмотря на это, громкие сетования Брунельды на неуклюжесть Деламарша не прекращались.

— Ну же, Деламарш, — негодовала она. — Теперь я совсем ничего не чувствую! Разве так трут! Где у тебя губка? Так пошевеливайся! Если б я могла нагнуться, если б я сама двигалась! Уж я бы тебе показала, как надо мыть. Где мои девичьи годы, где поместье моих родителей, когда я каждое утро купалась в Колорадо, а уж как плавала — никто из подружек не мог за мной угнаться. А теперь! Когда же ты научишься меня мыть, Деламарш! Ты только губкой туда-сюда водишь и вроде стараешься, а я ничего не чувствую. Если я просила не тереть меня до крови, это еще не значит, что я намерена торчать тут на сквозняке и простудиться. Прямо хоть прыгай из ванны и беги в чем мать родила.

Но до исполнения этой угрозы — хотя Брунельда так и так не в состоянии была ее исполнить — дело не дошло: по-видимому, Деламарш, не на шутку перепуганный упоминанием о простуде, силой запихнул ее в ванну, о чем свидетельствовал мощный бухающий всплеск.

— Это ты умеешь, Деламарш, — послышалось немного погодя, но уже тише. — Подлизываться, только подлизываться, вместо того чтобы хоть что-то сделать как надо.

Потом наступила тишина.

— Теперь они целуются, — сообщил Робинсон, многозначительно вскинув брови.

— Так, какая дальше работа? — спросил Карл. Раз уж он решил здесь остаться, надо немедля приступать к своей новой службе. И, махнув рукой на Робинсона, который, ничего ему не ответив, продолжал сидеть на тахте, Карл принялся разбирать огромное, плотно утрамбованное за ночь телами спящих ложе, намереваясь каждую вещь, извлеченную из этой груды, сложить аккуратно и как следует, что не делалось, по-видимому, уже давным-давно.

— Взгляни-ка, Деламарш, — услышал он вдруг голос Брунельды, — по-моему, они разбрасывают нашу постель. Нет, обо всем надо помнить, ни минуты покоя в доме! Надо тебе быть с ними построже, иначе они совсем отобьются от рук.

— Это, конечно, малыш выслуживается, черт бы его побрал! — воскликнул Деламарш, собираясь, очевидно, выскочить из закутка, — Карл от испуга все выронил из рук, — но, к счастью, его удержала Брунельда.

— Не уходи, Деламарш, — произнесла она томным голосом, — не уходи. Ах, какая вода горячая, я так устала. Останься со мной, Деламарш, прошу тебя.

Почему-то только сейчас Карл заметил поднимающийся над шкафами легкий, клубистый парок.

Робинсон, приложив руку к щеке, смотрел на Карла так, будто тот и вправду совершил нечто ужасное.

— Все оставить как есть! — гремел грозный голос Деламарша. — Вы что, забыли, что Брунельда после ванны еще час отдыхает? Ублюдки несчастные! Ну, подождите, я еще до вас доберусь. Робинсон, ты опять там заснул? Учти, ты, ты один мне за все ответишь! Присматривай за мальчишкой, пусть не вздумает наводить здесь свои порядки! Как что надо, их не дождешься, а как делать нечего — у них, видите ли, зуд работать! Убирайтесь куда-нибудь и замрите, пока вас не позовут.

Но в тот же миг все было забыто, ибо Брунельда еле слышно, словно совсем обессилев в горячей воде, прошептала:

— Духи! Принесите мне духи!

— Духи! — вскричал Деламарш. — Пошевеливайтесь!

Хорошо, но только где они? Карл посмотрел на Робинсона, тот — на Карла. Придется ему все брать в свои руки, подумал Карл, — Робинсон

понятия не имел, где духи, а потому поспешно улегся на пол и принялся обеими руками шарить под тахтой, но извлек оттуда лишь клубок пыли да спутанных женских волос. Карл первым делом поспешил к умывальному столику, что стоял в прихожей у двери, но там, в ящике, обнаружил только несколько старых английских романов, какие-то журналы и ноты, причем все это в таком беспорядке, что, выдвинув ящик, тщетно было бы пытаться задвинуть его обратно.

— Духи! — тем временем причитала Брунельда. — Сколько же можно! Дождусь я сегодня своих духов или нет?!

Ее нетерпение подгоняло Карла, мешая как следует сосредоточиться: пришлось ограничивать поиски поверхностным и торопливым осмотром. В шкафчике над умывальником флакона не было, на шкафчике вообще стояли только старые пузырьки с лекарствами и какими-то мазями, все остальное, очевидно, уже было отнесено Брунельде в закуток. Может, флакон в ящике обеденного стола? Но, направляясь к столу, Карл — ни о чем, кроме духов, он уже думать не мог — со всего маху налетел на Робинсона, который прекратил наконец поиски под тахтой и, вдруг сообразив, где еще можно поискать, духи, в по-

рыве внезапного озарения мчался наперерез Карлу. Послышался глухой удар двух лбов, Карл, оглушенный, молча остановился, а Робинсон, хоть и взвыл, но побежал дальше, продолжая истошно подвывать, чтобы смягчить боль и всех оповестить о своих страданиях.

— Им велено искать духи, а они дерутся! — возмущенно воскликнула Брунельда. — Эти негодяи меня доконают, учти, Деламарш, и я умру у тебя на руках. Духи мне! — крикнула она, с шумом вскидываясь в ванне. — Я требую! Не вылезу из ванны, пока мне не принесут духи, хоть до вечера буду сидеть! — И даже кулаком по воде пристукнула — во все стороны с шумом полетели брызги.

Но и в ящике обеденного стола духов не было, хоть здесь и вправду хранились сплошь туалетные принадлежности Брунельды: старые пудреницы, горшочки с румянами, щетки для волос, накладные локоны и еще ворох всякой иной, замызганной и перепутанной, всячины, — но духов там не было. И Робинсон, все еще подвывая, копошившийся в углу над кучей — не меньше сотни — шкатулок и коробочек, каждую из которых он поочередно открывал, вороша и вываливая половину содержимого — по большей

части шитье и старые письма — прямо на пол, где они так и валялись, Робинсон тоже не мог найти духов, о чем время от времени нервно сигнализировал Карлу покачиванием головы и пожатием плеч.

Тут из закутка в одном исподнем выскочил Деламарш — Брунельда тем временем зашлась безутешным, судорожным плачем. Карл и Робинсон, прекратив поиски, уставились на Деламарша, который, мокрый до нитки, с волос и по лицу тоже текло, заорал:

— А теперь извольте начать искать! Ты — здесь! — приказал он Карлу. — А ты — там! — это Робинсону.

Карл-то и вправду искал, успевая заодно проверить и те места, что поручены Робинсону, но проку от этого было ничуть не больше, чем от суеты Робинсона, который не столько искал, сколько испуганно косился на Деламарша — тот в ярости топтался по комнате, как зверь в клетке, и, уж конечно, с величайшей радостью предпочел бы просто их обоих избить.

— Деламарш! — крикнула Брунельда. — Иди сюда, вытри меня по крайней мере. Эти балбесы все равно духи не отыщут, только всю квартиру перевернут. Пусть прекратят искать. Но сейчас

же! Пусть все немедленно бросят! И ничего больше не трогают! Им лишь бы превратить дом в свинарник. Сверни им шею, Деламарш, если они сейчас же не перестанут! Как, они все еще безобразничают? Я же слышу, шкатулка упала. Пусть не поднимают, все оставят как есть, и вон из комнаты! Запри за ними дверь и иди ко мне. Я и так слишком долго лежу в воде, ноги совсем застыли!

— Сейчас, Брунельда, сейчас, — отвечал Деламарш, подталкивая Карла и Робинсона к двери. Но прежде чем выпроводить, он велел им принести завтрак и, если найдут, одолжить у кого-нибудь для Брунельды хорошие духи.

— Ну у вас и грязь, ну и беспорядок, — сказал Карл, едва они очутились в коридоре. — Сразу после завтрака начнем уборку.

— Будь у меня здоровье получше, — заныл Робинсон. — А это обхождение!

Конечно, Робинсону было обидно, что Брунельда не делает между ним, который прислуживает ей уже много месяцев, и Карлом, заступившим только вчера, ни малейшего различия. Но лучшего он и не заслуживал, поэтому Карл сказал:

— Тебе надо чуть-чуть собраться. — Но, чтобы уж не совсем оставлять его в отчаянии, добавил:

— Это же работа только на один раз. Я устрою тебе за шкафом спальное место, и после того, как мы для начала все хоть немного приберем, будешь лежать там целыми днями, ни о чем не беспокоиться и скоро поправишься.

— Вот, теперь ты и сам видишь, как мне худо, — всхлипнул Робинсон, отворачивая от Карла лицо, чтобы побыть наедине с собой и своим страданием. — Как же, дадут они мне спокойно полежать, жди…

— Если хочешь, я сам поговорю об этом с Деламаршем и Брунельдой.

— Да разве Брунельде есть до кого-нибудь дело?! — горестно воскликнул Робинсон и с досадой, — совершенно неожиданной для Карла, — ткнул кулаком в дверь, к которой они как раз подошли.

Они очутились в кухне, где от плиты, очевидно, нуждавшейся в руке печника, едкими облачками поднимался к потолку даже не сизый, а черный сажистый дым. Перед печной дверцей на коленях стояла старуха, которую Карл вчера мельком видел в коридоре, и голыми руками подкладывала в огонь большие куски угля, стараясь равномерно распределить пламя по всей топке. При этом она кряхтела и постанывала, как это свойственно лю-

дям ее возраста в столь неудобном положении.

— Ну конечно, еще и эти на мою голову заявились, — произнесла она, завидев Робинсона, и тяжело поднялась с колен, опершись на ящик с углем, после чего закрыла дверцу, прихватив ее ручку передником. — Пришли, да? В четыре часа дня (Карл с изумлением глянул на часы) завтрак им подавай! Паразиты! — Потом добавила: — Садитесь и ждите, когда у меня руки до вас дойдут.

Робинсон потянул Карла на скамеечку у двери и прошептал:

— Надо ее слушаться. А что делать — мы от нее зависим. Она сдает нам комнату и, конечно, в любой день может отказать. А менять квартиру никак нельзя — куда мы столько вещей денем, а главное, Брунельду невозможно перевезти.

— А здесь, в коридоре, другую комнату снять нельзя? — спросил Карл.

— Нас же не возьмет никто, — вздохнул Робинсон. — Во всем доме никто нас не возьмет.

Так они и сидели на скамеечке и терпеливо ждали. Старуха хлопотала по хозяйству, мечась между двумя столами, плитой и стиральным корытом. Из ее крикливых причитаний малопомалу выяснилось, что дочь ее занемогла и вся работа — а у нее тридцать человек жильцов, каж-

дого накорми, за каждым убери — свалилась на нее одну. А тут еще печка дымит и еда никак не поспеет — в двух огромных кастрюлях у нее варилась густая похлебка, и сколько старуха ее ни мешала, сколько ни поднимала над кастрюлей половник, сколько ни сливала его содержимое с большой высоты, похлебка ни в какую не хотела поспевать, наверно, все из-за плохой тяги, и тогда она, садясь перед плитой чуть ли не на пол, яростно шуровала раскаленные угли кочергой. Дым, наполнявший кухню, вызывал у нее приступы кашля, иногда столь сильные, что старуха, схватившись за стул, долго за него держалась, не в силах продыхнуть от кашля. Она уже не в первый раз обронила, что завтрака они сегодня, наверно, вообще не получат, нет у нее на это ни времени, ни охоты. Но поскольку у Карла и Робинсона, с одной стороны, был строжайший приказ принести завтрак, с другой же стороны — ни малейшей возможности это сделать, они на замечания старухи не отвечали и продолжали молча сидеть, как будто их это не касается.

Между тем вокруг на стульях и скамейках, на столах и под столами и даже просто в углу на полу — всюду стояла оставшаяся после завтрака грязная посуда жильцов. Были тут кофейнич-

ки и молочники с остатками кофе и молока, на иных тарелках налипло недоеденное масло, из перевернувшейся жестяной банки горкой просыпалось печенье. При желании вовсе нетрудно собрать из всего этого приличный завтрак, к которому даже Брунельда не придерется, если не узнает о его происхождении. Едва Карл так подумал, едва взгляд на часы показал ему, что они ждут уже полчаса и что Брунельда, наверно, уже в ярости и опять натравливает Деламарша на нерадивых слуг, как старуха, зайдясь в новом приступе и выпученными глазами глядя прямо на Карла, сквозь кашель прокричала:

— Можете ждать сколько угодно, завтрака вы не получите! Вместо завтрака часа через два будет ужин.

— Давай, Робинсон, — сказал Карл, — мы сами соберем себе завтрак.

— Что? — вскричала старуха, грозно набычив голову.

— Прошу вас, будьте же благоразумны, — попытался урезонить ее Карл, — почему вы не хотите дать нам завтрак? Мы уже полчаса ждем, это достаточно долго. Мы вам за все платим, притом платим наверняка лучше, чем все остальные. Конечно, для вас это хлопотно, что мы так поздно

завтракаем, но мы ваши квартиранты и у нас такая привычка — завтракать поздно, значит, пора бы и вам немного к этому приспособиться. Сегодня из-за болезни дочери вам это, конечно, особенно сложно, но и мы зато, со своей стороны, готовы сами собрать себе поесть из этих вот остатков, раз уж иначе нельзя и свежий завтрак вы нам дать не можете.

Но к дружественным переговорам с кем-либо старуха была явно не расположена, а для этих жильцов ей, должно быть, даже объедки чужих завтраков казались слишком шикарной трапезой, но, с другой стороны, их назойливые слуги ей тоже поднадоели, посему она схватила поднос и ткнула его в живот Робинсону, который не сразу понял, — а поняв, страдальчески скривился, — что ему надо держать поднос, куда старуха, так и быть, сложит для них еду. И она действительно на скорую руку побросала на поднос много всего, но в целом это выглядело скорее как гора грязной посуды, нежели как приготовленный для постояльцев завтрак. Еще по дороге, когда старуха выталкивала их из кухни, а они, пригнувшись, точно опасаясь оскорбления или удара, торопились к выходу, Карл перехватил поднос у Робинсона из рук, ибо не слишком на его руки

полагался.

В коридоре, подальше от старухиной двери, Карл, не выпуская поднос из рук, уселся на пол: первым делом надо почистить сам поднос и рассортировать еду — слить в один кувшинчик молоко, соскрести с нескольких тарелок остатки масла, потом устранить все следы предыдущего использования — значит, обтереть ножи и ложечки, надкусанные ломтики хлеба подровнять ножом и вообще придать всему более или менее приличный вид. Робинсон считал всю эту возню совершенно напрасной, уверяя, что им здесь случалось видеть завтраки и похуже, но Карл на эти уверения не поддался и был только рад, что Робинсон не встревает в его работу своими грязными пальцами. Чтобы как-то его успокоить, Карл сразу же милостиво разрешил ему — но, как он подчеркнул, в первый и последний раз — съесть несколько печений и допить толстый слой гущи, оставшейся в кувшинчике из-под шоколада.

Когда они подошли к дверям квартиры и Робинсон без церемоний ухватился за дверную ручку, Карл его остановил: он не знал, можно ли им войти.

— Ну конечно, — удивился Робинсон, — сейчас

он ее причесывает, только и всего.

И действительно, посреди комнаты, по-прежнему зашторенной и непроветренной, в кресле, широко расставив ноги, сидела Брунельда, а Деламарш, стоя у нее за спиной и низко над ней склонившись, расчесывал ее короткие, густые и, судя по всему, очень жесткие, спутанные волосы. На Брунельде снова было очень свободное платье, на сей раз блекло-розовое, но, видимо, покороче вчерашнего — во всяком случае, ее ноги в белых, грубой вязки шерстяных чулках оно открывало почти до колен. Утомленная бесконечным ритуалом причесывания, Брунельда в нетерпении водила кончиком толстого красного языка по губам, а иногда с истерическим криком: «Ну же, Деламарш!» — и вовсе вырывалась от Деламарша, который, приподняв гребень, спокойно ждал, пока она снова не откинет голову на спинку кресла.

— Долго же вы ходили, — встретила их Брунельда, а затем, обращаясь уже к Карлу отдельно, добавила: — Надо быть порасторопнее, если хочешь, чтобы тебя хвалили. И не вздумай брать пример с этого лодыря и обжоры Робинсона. Сами-то, наверно, уже успели где-то позавтракать, так учтите, впредь я этого не потерплю.

Это была вопиющая несправедливость, в опровержение которой Робинсон энергично затряс головой и даже зашевелил губами, правда, беззвучно. Карл, однако, уже смекнул, что убедить хозяев можно лишь безупречностью своей работы. Поэтому он выдвинул из угла низкий японский столик, накрыл его скатертью и быстро расставил принесенную еду. Знающий о происхождении завтрака был бы, несомненно, удовлетворен таким поразительным результатом, но в целом, как отметил про себя Карл, до совершенства было еще далеко.

К счастью, Брунельда была голодна. Наблюдая за приготовлениями Карла, она благосклонно кивала ему, но и мешала изрядно, поскольку ее неопрятная жирная рука, давя и размазывая все на своем пути, то и дело торопилась схватить какой-нибудь лакомый кусочек.

— Он хорошо все сделал, — сказала она, громко чавкая и увлекая Деламарша — который, видимо, на потом, так и оставил гребень в ее волосах — в соседнее с собой кресло.

И Деламарш при виде еды тоже подобрел, они оба сильно проголодались, — их руки так и замелькали над столом. Карл понял: чтобы им угодить, надо просто приносить как можно боль-

ше и, вспомнив, сколько еще на кухне на полу осталось съестного, сказал:

— На первый раз я не знал как и что, но завтра обязательно сделаю лучше.

Однако, еще не докончив фразу, он вспомнил, кому все это говорит, — слишком он был захвачен своим новым делом.

Брунельда удовлетворенно кивнула Деламаршу и в награду протянула Карлу пригоршню печенья.

Фрагмент первый
Отъезд Брунельды

Однажды утром Карл выкатил коляску, в которой восседала Брунельда, из ворот дома. Произошло это намного позже, чем он рассчитывал. Они-то замышляли тронуться в путь еще с ночи, дабы не привлекать к себе чрезмерного внимания прохожих, что при свете дня — даже учитывая похвальную скромность Брунельды, которая по такому случаю хотела с головой укрыться большим серым платком — все равно было неизбежно. Но спуск Брунельды по лестнице отнял слишком много времени, несмотря на самоотверженную помощь студента, который, как выяснилось при этой оказии, был куда слабее Карла. Сама Брунельда держалась геройски, почти не стонала и как могла стремилась облегчить своим носильщикам их нелегкую работу. Но дело все равно продвигалось медленно, через каждые пять ступенек приходилось сажать Брунельду на лестницу, чтобы и ей, и себе дать необходимую передышку. Утро выдалось прохладное, с улицы веяло стылым, как из погреба, сквозняком, тем

не менее Карл и студент напрочь взмокли и во время остановок то и дело утирали потные лица каждый своим концом Брунельдиного платка, которые та, кстати, сама весьма любезно им протягивала. Вот и вышло, что они лишь через два часа спустились вниз, где еще с вечера стояла коляска. Водрузить туда Брунельду тоже стоило немалых усилий, но когда они и с этим управились, самое трудное, можно считать, было позади, ибо катить удобную, на высоких колесах коляску представлялось делом в общем-то нехитрым и тревожило лишь одно — как бы коляска под Брунельдой не развалилась. Что ж, этот риск Карлу просто пришлось взять на себя, не тащить же, в самом деле, еще и запасную коляску, раздобыть и везти которую, не то в шутку, не то всерьез, вызвался студент. Тут они со студентом распрощались, и даже весьма сердечно. Все раздоры между Брунельдой и студентом были разом забыты, он даже извинился за какое-то давнее оскорбление, сорвавшееся у него с языка, когда Брунельде было плохо, но та ответила, что все это быльем поросло и давно с лихвой заглажено. А напоследок попросила студента принять от нее в подарок доллар, который она потом долго выискивала, роясь в своих необъятных юбках.

Учитывая жадность Брунельды, подарок был просто царский и, кстати, весьма обрадовал студента — от радости он даже подбросил монету высоко в воздух. Потом, правда, пришлось ему, бедняге, эту монету долго искать, а Карлу помогать ему в поисках — в конце концов именно Карл ее и нашел у Брунельды под коляской. Прощание Карла со студентом было, разумеется, намного проще: они протянули друг другу руки и оба выразили надежду, что наверняка еще встретятся и что тогда один из них — студент уверял, что это будет Карл, а Карл — что студент, — непременно прославится, хотя пока что этого про них, увы, сказать нельзя. Ну, а потом Карл, собравшись с духом, ухватился за поперечину, стронул коляску с места и выкатил ее со двора. Студент смотрел им вслед и, пока они не скрылись из виду, махал платком. Карл тоже время от времени оглядывался и кивал на прощанье, да и Брунельда с радостью бы обернулась, будь это в ее силах. Все же, давая ей такую возможность, Карл в самом конце улицы описал вместе с коляской широкий круг, так что и Брунельда смогла напоследок еще разок посмотреть на студента, который, видя это, особенно энергично замахал платком.

Но уж после этого Карл твердо сказал, что боль-

ше они себе ни единой задержки не позволят, путь неблизкий, а они и так выехали гораздо позже, чем он надеялся. И действительно, то тут, то там по улицам уже громыхали подводы, да и первые, правда, редкие, прохожие спешили на работу. И хотя Карл своим замечанием хотел сказать только то, что сказал, Брунельда при ее душевной тонкости поняла его иначе и с головой накрылась серым платком. Карл не стал возражать: разумеется, покрытая серым платком ручная тележка тоже — и даже очень — бросается в глаза, но все-таки несравненно меньше, чем просто непокрытая Брунельда в тележке. Ехал он очень осторожно, прежде чем завернуть за угол, пристально осматривал улицу, в которую собирался направиться, а при необходимости даже бросал коляску и забегал вперед, если же замечал неладное, то останавливался и выжидал, пока опасность не минует, а то и вовсе выбирал другую дорогу. Он и в этих случаях был уверен, что не даст слишком большого крюка, ибо заблаговременно и тщательно изучил все закоулки и даже проходные дворы по пути следования. Впрочем, все же попадались препятствия, которых хоть и надлежало опасаться, но предусмотреть, а тем более каждое в отдельности предотвратить,

не было никакой возможности. Так, на одной из улиц — с пологим подъемом, прямой и легко обозримой, к тому же, по счастью, совершенно безлюдной (удача, которую Карл особенно торопился не упустить, прибавляя ходу) — навстречу им из глухой подворотни внезапно вышел полицейский и спросил у Карла, что это за поклажу он так заботливо укутал в своей тележке. Но, сколь ни суров был полицейский на вид, однако и он не смог удержаться от улыбки, когда, слегка раздвинув складки покрывала, обнаружил под ним раскрасневшуюся и перепуганную Брунельду.

— Как? — воскликнул он. — Я-то думал, у тебя тут мешков десять картошки, а это, оказывается, всего одна баба. Куда это вы едете? И кто вообще такие?

Брунельда, не осмеливаясь взглянуть на полицейского, с отчаянием смотрела на Карла, явно сомневаясь, сумеет ли даже он ее спасти. Карлу, однако, было уже не впервой иметь дело с полицией, и на сей раз он не видел особых причин для страха.

— Покажите же, сударыня, — обратился он к Брунельде, — документ, который вам прислали.

— Ах да! — спохватилась Брунельда и принялась искать, но с такой неуклюжей суетливостью,

что это и впрямь выглядело подозрительно.

— Сударыня документ не найдет, — с нескрываемой иронией произнес полицейский.

— Ну что вы, — как можно спокойнее возразил Карл. — Документ при ней, просто она его куда-то засунула.

Пришлось Карлу искать самому, и вскоре он действительно извлек бумагу у Брунельды из-под спины. Полицейский пробежал ее глазами.

— Вот оно что, — протянул он с ухмылкой. — Вот, значит, сударыня, какая вы сударыня! А вы, малыш, выходит, обеспечиваете клиентов и доставку? Что, получше занятия не нашлось?

На это Карл только передернул плечами, полиции вечно надо во все соваться.

— Ну, тогда счастливого пути, — так и не дождавшись ответа, сказал полицейский.

В его тоне, вполне возможно, звучало презрение, зато и Карл поехал дальше, не попрощавшись, а презрение полиции куда лучше, чем ее пристальный интерес.

Немного погодя их поджидала еще более неприятная встреча. На сей раз к ним привязался какой-то мужик, он толкал перед собой тачку с молочными бидонами, и ему до смерти захотелось узнать, что это такое Карл везет. Навряд

ли им было по пути, однако мужик пристроился рядом и не отставал, в какие бы глухие переулки Карл ни сворачивал. Сперва он ограничивался общими замечаниями вроде: «Тяжеленько тебе приходится, верно?» или: «Плоховато нагрузил, верх вон заваливается». Но потом, обнаглев, спросил напрямик:

— Что у тебя там?

— Тебе-то какое дело? — огрызнулся Карл, но, поскольку такой ответ мужика только пуще раззадорил, в конце концов сказал: — Яблоки это.

— Столько яблок! — удивился мужик и, не переставая удивляться, время от времени на все лады повторял свое восклицание. — Это же целый урожай, — заключил он наконец.

— Ну да, — нехотя отозвался Карл.

Но то ли мужик ему не поверил, то ли хотел позлить — во всяком случае, он пошел в своих домогательствах еще дальше: сперва — и все это на ходу — как бы в шутку тянул к платку руку, а под конец уже просто внаглую стал его щупать. Каково было Брунельде все это вынести! Из страха за нее Карл не хотел ввязываться в ссору, а потому просто свернул в первые же открытые ворота, будто ему туда и надо.

Мужик, опешив, остался у ворот и смотрел

вслед Карлу, который невозмутимо двигался дальше, готовый хоть весь двор пройти насквозь и, если надо, углубиться в следующий. Поняв, что Карл не врет, и желая напоследок хоть как-то выместить досаду, мужик бросил свою тачку, мелкой вороватой побежкой нагнал Карла и с такой силой дернул за платок, что чуть было не сорвал его с головы у Брунельды.

— Это чтоб твои яблоки малость подышали! — злобно крикнул он и кинулся обратно.

Карл, так и быть, стерпел и это, лишь бы избавиться от мужика окончательно. Он завел коляску поглубже во двор, в самый угол, где кучей громоздились сваленные пустые ящики, чтобы там, в укромном месте, шепнуть Брунельде несколько утешительных слов. Но ему пришлось долго ее успокаивать — вся в слезах, она совершенно всерьез умоляла его пробыть весь день здесь, за ящиками, а уж ночью двигаться дальше. Карлу, возможно, так и не удалось бы отговорить ее от этой безумной идеи, но, как только по другую сторону кучи ухнул и с жутким грохотом покатился по брусчатке сброшенный кем-то пустой ящик, она так перепугалась, что, не издав больше ни звука, мгновенно накрылась платком и, должно быть, себя не помнила от счастья, когда

Карл не долго думая снова тронулся в путь.

Между тем на улицах становилось все оживленней, но коляска, вопреки опасениям Карла, отнюдь не привлекала к себе чрезмерного внимания. По здравому размышлению, может, вообще стоило выбрать для перевозки Брунельды другое время. Если понадобится повторить поездку, Карл, пожалуй, рискнет предпринять ее в середине дня. Наконец, проделав остаток пути без сколько-нибудь серьезных злоключений, он свернул в узкий сумрачный переулок, где и располагалось заведение № 25. У дверей, видимо, давно их поджидая, стоял управляющий с часами в руках.

— Ты всегда так опаздываешь? — напустился он на Карла

— Были затруднения, — ответил Карл.

— Затруднения, как известно, имеются всегда, — изрек управляющий. — Но для нас это не оправдание, запомни.

Однако Карл давно уже пропускал подобные речи мимо ушей: на слабом всякий норовит отыграться, власть свою хочет показать, да еще и обругает в придачу. Привыкнув, обращаешь на это не больше внимания, чем на исправный бой часов. Гораздо больше испугала его грязь

в помещении, куда он вкатил коляску, хоть он и не ждал, что здесь будет образцовая чистота. Но эта грязь, если присмотреться, была какая-то особенная, неосязаемая. И каменный пол вестибюля вроде бы выметен, покраска стен тоже как будто не старая, искусственные пальмы в кадках лишь слегка запылились — и все же на всем лежал какой-то липкий, мерзкий налет, словно все нарочно осквернили и теперь, сколько ни наводи чистоту, от этой пакости уже не избавиться. Во всяком новом месте Карл, осмотревшись, первым делом любил прикинуть, что тут можно улучшить, испытывая радость при мысли об этой работе и желание немедленно за нее взяться, каких бы, пусть даже бесконечных, трудов она ни потребовала. Но сейчас он не знал, что и как тут можно поправить. Медленно снял он с Брунельды платок.

— Добро пожаловать, сударыня, — заворковал управляющий.

Несомненно, Брунельда произвела на него самое наилучшее впечатление. Едва заметив столь благоприятный эффект, она, к вящему удовольствию Карла, весьма умело им воспользовалась. Все ее недавние страхи как рукой сняло. Она…

Фрагмент второй

На углу улицы Карл увидел большое объявление с броской надписью, которая гласила:

> На ипподроме в Клейтоне сегодня с шести утра до полуночи производится набор в летний театр Оклахомы! Великий театр Оклахомы приглашает вас! Приглашает только сегодня, сегодня или никогда! Кто упустит свой шанс сегодня, упустит его безвозвратно! Если тебе небезразлично собственное будущее – приходи к нам! Мы всякому говорим: добро пожаловать! Если ты хочешь посвятить себя искусству – отзовись! В нашем театре каждому найдется дело – каждому на своем месте! Если ты остановил свой выбор на нас, – поздравляем. Но поторопись, чтобы успеть до полуночи! В двенадцать прием заканчивается и больше не возобновится! Кто не верит – пусть пеняет на себя! Все в Клейтон!

Перед объявлением хоть и толпились люди, но

особого восторга оно не вызывало. Объявлений всяких много, да только кто им верит? А в этом, похоже, правды еще меньше, чем в остальных. Главное же упущение — ни слова об оплате. Будь оплата хоть сколько-нибудь приличной, о ней наверняка бы упомянули, такую приманку не забывают. Просто «посвятить себя искусству» охотников нету, а вот от работы за деньги какой же дурак откажется?

И все же одно место в объявлении звучало для Карла необыкновенно заманчиво. Ведь написано же: «Мы всякому говорим: добро пожаловать!» Всякому — значит, и Карлу тоже. Обо всем, чем он занимался прежде, можно забыть, и никто не попрекнет его этим неприглядным прошлым. Ему предлагают работу, которая не считается зазорной, напротив, — на нее даже приглашают во всеуслышанье. И так же, во всеуслышанье, обязуются принять! Большего ему и не надо, он давно мечтает отыскать достойную дорогу в жизни, может, именно сейчас она ему и открылась! Пусть даже все зазывные слова в объявлении — сплошное вранье, пусть это не великий театр Оклахомы, а всего лишь маленький бродячий цирк, — там требуются люди, этого довольно. Карл не стал перечитывать объявление еще раз,

только выхватил глазами запомнившееся место: «Мы всякому говорим: добро пожаловать!»

Сперва он хотел пойти в Клейтон пешком, но это часа три напряженной ходьбы, и не исключено, что придет он, как говорится, к шапочному разбору. Правда, судя по объявлению, число мест не ограничено, но это только так пишут. В общем, рассудил Карл, надо либо распроститься с надеждами на место, либо ехать. Он пересчитал деньги — если не ехать, хватило бы еще на восемь дней, — и погрузился в задумчивость, перебирая на ладони эти свои последние гроши. Какой-то мужчина, понаблюдав за Карлом, хлопнул его по плечу и сказал:

— Счастливо съездить в Клейтон!

Карл молча кивнул и продолжал считать. Но вскоре решился, приготовил деньги на билет и побежал к подземке.

В Клейтоне, едва сойдя с поезда, он сразу услышал голоса множества труб. Шум стоял невообразимый, ибо трубы играли не в унисон, а каждая сама по себе, зато тем громче. Но Карла это не смутило, скорее даже обрадовало: значит, оклахомский театр и вправду солидное предприятие. Но то, что он увидел, выйдя из вестибюля станции, превзошло все его ожидания — тако-

го размаха он и вообразить не мог и просто не понимал, что же это за предприятие, способное только ради вербовки персонала пойти на такие несусветные расходы. Перед воротами ипподрома был выстроен длинный невысокий помост, на котором, переодетые ангелами, в белых хитонах и с крыльями за спиной, сотни женщин дули в длинные, золотистые трубы. Но стояли они не прямо на помосте, а каждая на своем пьедестале, причем самих пьедесталов видно не было — длинные, ниспадающие одеяния ангелов скрывали их целиком. Поскольку пьедесталы были высокие, иные до двух метров, фигуры женщин выглядели гигантскими, только их маленькие головы несколько нарушали это впечатление величия, да и распущенные волосы казались коротковатыми, даже смешными, куце свисая между огромными крыльями или просто падая на плечи. Во избежание однообразия пьедесталы сделали разной высоты, поэтому и среди женщин одни были низкие, немногим выше нормального человеческого роста, но рядом с ними другие взмывали в такую высь, что при малейшем дуновении ветерка за них становилось боязно. И все они дули в трубы.

Слушателей у них было немного. Коротышки

в сравнении с высоченными ангелами, молодые парни, человек десять, слонялись взад-вперед вдоль помоста, поглядывая на женщин. Указывали друг другу на ту, на эту, но видимых намерений идти наниматься на работу не обнаруживали. И лишь один пожилой мужчина робко стоял в сторонке. Этот зато пришел сразу с женой, а заодно и с ребенком в детской коляске. Жена одной рукой придерживала коляску, другой опиралась мужу на плечо. На их лицах, хоть и захваченных диковинным зрелищем, все же читалось нескрываемое разочарование. Видимо, оба всерьез надеялись получить работу, теперь же вой труб сбивал их с толку.

Карл был в таком же положении. Он подошел к мужчине поближе, еще немного послушал трубы и потом спросил:

— Скажите, ведь это здесь принимают в театр Оклахомы?

— Я тоже так думал, — ответил мужчина. — Но мы уже час ждем и, кроме труб, ничего не слышим. Нигде ни объявления, ни зазывалы, даже спросить и то не у кого.

— Может, ждут, пока народ соберется, — предположил Карл. — Вон людей-то мало.

— Может быть, — согласился мужчина, и они

снова замолчали.

Впрочем, в таком грохоте вообще было трудно разговаривать. Но потом женщина что-то шепнула мужу, тот кивнул, и она тотчас же крикнула Карлу:

— Вы не могли бы сходить на ипподром и узнать, где они принимают?

— Да, но ведь это через помост пробираться надо, мимо всех этих ангелов, — заколебался Карл.

— Разве это так уж трудно? — удивилась женщина.

Для Карла, значит, это сущие пустяки, а мужа послать побоялась.

— Ладно, — сказал Карл. — Схожу.

— Вы очень любезны, — обрадовалась женщина, и оба, и она и муж, пожали Карлу руку.

Парни сбежались посмотреть, как Карл полезет на помост. Казалось, что и женщины громче задули в трубы, приветствуя первого смельчака, рискнувшего попытать счастья. А те, мимо чьих пьедесталов Карл проходил, даже отрывали трубы ото рта и наклонялись, глядя ему вслед. На другом конце помоста Карл увидел мужчину, который в нервном ожидании ходил взад-вперед, очевидно, готовый дать желающему любую справку. Карл уже направился было в его сторону,

но тут услышал прямо над собой голос, окликающий его по имени.

— Карл! — звал его один из ангелов.

Карл поднял глаза и от радостного изумления даже рассмеялся: это была Фанни.

— Фанни! — крикнул он и помахал ей рукой.

— Иди же сюда! — позвала Фанни. — Ты, надеюсь, не пройдешь мимо?

И она распахнула полы своего одеяния, освобождая от их белоснежного покрова пьедестал и ведущую на него узенькую лесенку.

— А можно подняться? — спросил Карл.

— Кто же нам запретит пожать друг другу руки? — воскликнула Фанни и даже возмущенно оглянулась, словно ища глазами того, кто осмелился бы подступиться к ней с таким запретом.

Но Карл уже взбегал по лесенке.

— Осторожно, — крикнула Фанни. — А то еще свалимся оба.

Но ничего не случилось, Карл благополучно добрался до последней ступеньки.

— Ты посмотри, — сказала Фанни, когда они поздоровались. — Ты только посмотри, какая у меня работа!

— Красиво, — согласился Карл, оглядываясь по сторонам. Все женщины поблизости, конечно,

уже заметили Карла и хихикали. — Ты почти самая высокая, — сказал он и вытянул руку, сравнивая, насколько Фанни выше остальных.

— А я тебя сразу увидела, — тараторила Фанни, — как только ты со станции вышел. Но я, к сожалению, здесь в последнем ряду, так что меня не видно, а кричать ведь нельзя. Я, правда, трубила изо всех сил, но ты меня не услышал.

— Трубите вы все ужасно плохо, — сказал Карл. — Дайка я попробую.

— Ну конечно. — Фанни протянула ему трубу. — Только не выбивайся из хора, а то меня уволят.

Карл начал трубить, он-то думал, что это просто какая-нибудь дудка, так, для шума, но оказалось, что это довольно тонкий инструмент, способный выводить любую мелодию. Если и остальные трубы не хуже, значит, используют их из рук вон плохо. Вдохнув полной грудью и стараясь не обращать внимания на окружающий шум, Карл сыграл песенку, которую однажды слышал в каком-то кабачке. Он был рад, что встретил давнюю приятельницу, что его уже выделили, позволив сыграть на трубе, и что, возможно, он совсем скоро получит хорошее место. Многие женщины прекратили трубить и слушали, как он играет; когда он внезапно оборвал мелодию,

чуть ли не половина труб безмолвствовала, и лишь постепенно вокруг восстановился прежний невообразимый разнобой.

— Да ты просто артист! — восхитилась Фанни, когда Карл протянул ей трубу. — Просись в трубачи.

— А мужчин тоже принимают? — спросил Карл.

— Конечно, — ответила Фанни. — Мы трубим два часа, а потом нас сменяют мужчины, переодетые чертями. Половина трубит, половина барабанит. Очень красиво, да и вообще тут все оформлено шикарно. Посмотри на наши платья — разве не красиво? А эти крылья? — Она оглядела себя.

— Ты думаешь, — спросил Карл, — мне тоже еще достанется место?

— А как же! — воскликнула Фанни. — Ведь это самый большой театр в мире. Как удачно сошлось, что мы снова будем вместе! Правда, еще неизвестно, какую работу ты получишь. Может выйти и так, что работать будем вроде бы в одной фирме, а видеться не сможем.

— Неужто там все такое огромное? — изумился Карл.

— Это самый большой театр в мире, — повто-

рила Фанни. — Я, правда, сама еще не видела, но некоторые из наших сотрудниц уже побывали в Оклахоме и говорят, что театр почти не имеет границ.

— Но охотников что-то не много, — заметил Карл, указывая на парней и мужчину с семьей.

— Верно, — согласилась Фанни. — Но ты не забывай: мы набираем людей по всем городам, наша рекламная труппа постоянно переезжает с места на место, и таких трупп у нас еще много.

— А разве театр еще не открылся? — спросил Карл.

— Что ты! Это очень старый театр, но он постоянно расширяется.

— Удивляюсь, — сказал Карл, — почему люди не валят к вам толпами.

— Да, — подтвердила Фанни, — мне самой странно.

— Может, — предположил Карл, — вся эта кутерьма с чертями и ангелами не столько привлекает народ, сколько отпугивает?

— Ишь ты какой умный, — сказала Фанни. — Хотя, возможно, ты и прав. Скажи об этом нашему директору, вдруг он твоим советом воспользуется.

— А где он? — спросил Карл.

— На ипподроме, — кивнула Фанни, — на судейской трибуне.

— Этого я тоже понять не могу, — продолжал удивляться Карл. — Почему вы набираете людей именно на ипподроме?

— Понимаешь, — объяснила Фанни, — мы везде принимаем максимальные подготовительные меры к максимальному скоплению людей. Ну а на ипподроме места много. И во всех городах, там, где обычно принимаются ставки на скачки, мы оборудовали свои приемные канцелярии. Говорят, у нас двести таких канцелярий…

— Но откуда, — воскликнул Карл, — откуда у театра такие сумасшедшие доходы, чтобы держать столько рекламных трупп?

— Нам-то какое дело? — беззаботно ответила Фанни. — А теперь, Карл, иди, а то все упустишь, да и мне, сам понимаешь, трубить надо. Постарайся, если получится, устроиться в нашу труппу, а потом сразу приходи ко мне, все расскажешь. Учти, я буду беспокоиться и ждать.

Она пожала ему руку, велела спускаться по лестнице осторожно, снова приставила трубу к губам, но трубить начала лишь после того, как убедилась, что Карл внизу и в полной безопасности. Карл аккуратно прикрыл лестницу полами

ее одеяния, чтобы все было как раньше, Фанни благодарно кивнула, и Карл, обдумывая и со всех сторон взвешивая услышанное, направился к мужчине, который давно уже заприметил Карла рядом с Фанни на пьедестале и в нетерпении сам двинулся ему навстречу.

— Желаете к нам поступить? — спросил он. — Я в этой труппе ведаю отделом найма и рад сказать вам: «Добро пожаловать!»

От избытка вежливости он, казалось, никогда не разгибается и, хоть и не двигаясь с места, слегка пританцовывает, поигрывая цепочкой от часов.

— Благодарю, — сказал Карл учтиво. — Я прочел объявление вашей фирмы и вот явился, как там указано.

— И очень правильно сделали, — горячо подхватил мужчина. — К сожалению, отнюдь не каждый ведет себя здесь столь же правильно.

Карл подумал было сказать мужчине о том, что рекламные средства их труппы, возможно, не действуют именно по причине их чрезмерности. Но говорить не стал: ведь это даже не руководитель труппы, а кроме того, вряд ли хорошо вот так, с порога, еще не будучи принятым, предлагать свои усовершенствования. Поэтому он

сказал только:

— Там еще один ждет, он тоже хотел явиться, но послал меня разузнать. Можно, я его приведу?

— Разумеется, — ответил мужчина. — Чем больше придут, тем лучше.

— Но у него там еще жена и маленький ребенок в коляске. Им тоже приходить?

— Разумеется, — снова повторил мужчина и, казалось, даже улыбнулся при виде столь странных сомнений. — У нас каждому найдется дело.

— Я сейчас вернусь, — сказал Карл и бегом бросился обратно к краю помоста.

Он махнул супружеской паре и громко крикнул, что приходить можно всем. Потом помог поднять на помост коляску, и они, теперь уже вместе, двинулись к мужчине. Парни, видя это, посовещались между собой и нерешительно, все еще колеблясь, тоже влезли на помост и медленно, руки в карманах, последовали за Карлом и семейством. Как раз в эту же минуту из станции подземки вывалилась большая группа пассажиров, которые при виде ангелов на помосте начали изумленно размахивать руками. Похоже, желающих получить место не так уж мало и дело наконец сдвинулось. Карл был очень рад, что пришел так рано, вероятно, даже самый первый,

супруги же, напротив, явно робели и наперебой расспрашивали, какие — и не слишком ли строгие — предъявляются требования. Карл ответил, что в точности еще сам ничего не знает, но, насколько он понял, принимают действительно всех без исключения. Так что, на его взгляд, тревожиться не о чем.

Начальник отдела найма уже спешил им навстречу, он был очень доволен, что их столько пришло, потирая руки, каждого в отдельности поприветствовал легким поклоном, а потом выстроил их всех в очередь. Карл был самый первый, за ним стояла супружеская чета, а уж потом и остальные. Когда они все наконец выстроились — парни сперва устроили толкучку, и понадобилось время, чтобы они успокоились, — трубы внезапно стихли, и начальник сказал:

— От имени театра Оклахомы рад приветствовать вас. Вы пришли заблаговременно, — между тем был уже почти полдень! — наплыв еще не столь велик, тем скорее можно будет уладить все формальности вашего приема. Разумеется, удостоверения личности у всех при себе?

Парни немедленно извлекли из карманов какие-то бумаги и помахали ими, показывая начальнику, мужчина подтолкнул свою жену, и та

вытащила из коляски спрятанный под матрасом целый сверток бумаг, — и только у Карла ничего не было. Неужели без документов совсем не принимают? Не исключено, что так. Но по опыту Карл уже знал: немного решимости — и все эти неукоснительные предписания легко можно обойти. Начальник оглядел очередь, удостоверился, что у всех документы при себе, и, поскольку Карл тоже поднял руку, правда, пустую, решил, очевидно, что и у него все в порядке.

— Прекрасно, — сказал он и отмахнулся от парней, которые все еще протягивали свои бумаги, ожидая, когда он их проверит. — Документы у вас проверят в приемной канцелярии. Как вы уже знаете из нашего объявления, у нас каждому найдется дело. Но, разумеется, мы должны знать, кто чем раньше занимался, чтобы поставить каждого на то место, где ему легче будет применить свои навыки.

«Но ведь это же театр», — мысленно возразил Карл и стал слушать еще внимательней.

— Поэтому, — продолжал начальник отдела найма, — мы оборудовали в букмекерских кабинках приемные канцелярии, по одной канцелярии для каждой профессиональной группы. Члены семьи, как правило, проходят прием по профессии

мужа. Немного погодя я каждого из вас направлю в соответствующую канцелярию, где сперва ваши документы, а затем и ваши знания будут проверены специалистами, — экзамен короткий, простой, бояться не надо. После чего вас сразу и оформят и дадут дальнейшие указания. Итак, начнем. Вот это — первая канцелярия, предназначенная, как явствует уже из этой таблички, для инженеров. Может, среди вас есть инженеры?

Карл поднял руку. Он полагал, что раз уж у него нет документов, надо как можно скорее проскочить все формальности, тем более что кое-какие основания вызваться у него были — ведь он и правда хотел стать инженером. Однако парни, заметив, что Карл вызвался, вероятно, позавидовали и тоже подняли руки, — словом, руки подняли все. Привстав на цыпочки и через голову Карла обращаясь к парням, начальник спросил:

— Вы все инженеры?

Тогда все они медленно опустили руки, Карл же, напротив, продолжал свою тянуть. Начальник, хоть и посмотрел на него недоверчиво — слишком жалко одет, да и слишком молод для инженера, — но ничего не сказал, возможно, из благодарности за то, что Карл — во всяком случае, он считал, что это Карл, — привел ему

столько претендентов. Поэтому он просто жестом пригласил Карла пройти в канцелярию, что Карл и сделал, а сам снова обратился к оставшимся.

В канцелярии для инженеров по бокам большого прямоугольного пульта сидели два господина и сверяли два длинных списка, положив их перед собой. Один зачитывал фамилии, другой их из своего списка вычеркивал. Как только Карл вошел и поздоровался, оба немедленно отложили списки в сторону и взялись за огромные конторские книги, раскрыв их, как по команде. Один, очевидно, просто секретарь, сказал:

— Попрошу ваше удостоверение личности.

— К сожалению, у меня нет с собой удостоверения, — сказал Карл.

— У него нет с собой удостоверения, — сообщил секретарь второму господину и тут же записал ответ Карла в свою книгу.

— Вы инженер? — спросил тот. Похоже, он-то и был начальник канцелярии.

— Пока что нет, — быстро начал Карл, — но…

— Достаточно, — еще быстрее оборвал его господин. — Вы не к нам. Внимательней читайте таблички. — Карл стиснул зубы, и, очевидно, его досада от господина не укрылась. — Ничего страшного, — успокоил он Карла. — У нас каж-

дому найдется дело. — И взмахом руки подозвал одного из служителей, что без толку слонялись между конторскими барьерами. — Отведите этого молодого человека в канцелярию для людей с техническими познаниями.

Служитель воспринял приказ буквально и схватил Карла за локоть. Они пошли бесконечной вереницей комнатушек, по пути Карл увидел одного из парней, того уже приняли, и он благодарно тряс чиновнику руку. В канцелярии, куда Карла доставили на сей раз, произошло, как он и ожидал, примерно то же, что и в первой. Правда, отсюда, услышав, что он учился в средней школе, его отослали в канцелярию для бывших учеников средней школы. Но и там, едва Карл заикнулся, что учился в Европе, с ним не пожелали разговаривать, заявив, что это не по их части, и отправили в канцелярию для бывших учеников европейской средней школы. Это была комнатушка в самом конце, не только меньше, но почему-то еще и ниже остальных. Служитель, приведя его сюда, был уже в бешенстве от долгих хождений и все новых отказов, в которых, как он считал, виноват только сам Карл и больше никто. Здесь он даже не стал дожидаться вопросов и сразу убежал. Впрочем, дальше этой

канцелярии, вероятно, и идти было некуда. Завидев начальника канцелярии, Карл чуть не вздрогнул от неожиданности, настолько тот был похож на учителя, который, должно быть, и сейчас еще вел уроки в его, Карла, бывшей школе. Сходство, как тут же выяснилось, было, разумеется, лишь частичным, но водруженные на толстой картофелине носа очки, окладистая, безупречно ухоженная, будто напоказ выставленная русая борода, сутуловатый изгиб спины и резкий, каркающий, а потому всегда как бы неожиданный голос на какое-то время повергли Карла едва ли не в оторопь. К счастью, особой внимательности от него не потребовалось, тут все шло как-то попроще, чем в других канцеляриях. Правда, и здесь в соответствующей графе пометили, что у него нет с собой удостоверения, а начальник даже успел назвать это необъяснимой халатностью, но секретарь, который, похоже, здесь верховодил, быстро это дело замял и вскоре, как только начальник, задав первые нехитрые вопросы, изготовился наконец приступить к вопросу посложней, неожиданно объявил, что Карл принят. Начальник с разинутым ртом уставился на секретаря, но тот, решительно рубанув рукой воздух, еще раз повторил: «Принят» — и тут же

занес этот вердикт в свою книгу. Очевидно, по мнению секретаря, факт обучения в европейской средней школе был уже сам по себе настолько постыдным, что всякий, кто имел мужество в этом признаться, заслуживал безусловного доверия. Со своей стороны и Карл не усмотрел в этом ничего обидного и подошел к секретарю, намереваясь его поблагодарить. Однако тут возникла еще одна заминка: был задан вопрос, как его зовут. Он ответил не сразу, он боялся назвать свое настоящее имя, не хотел, чтобы его записывали. Вот получит хоть самое никудышное местечко, покажет себя дельным работником, тогда пусть и узнают его настоящее имя, а сейчас — нет, слишком долго он его утаивал, чтобы теперь так сразу выдать. И он назвал — поскольку ничего другого в голову не пришло — кличку, которая прилипла к нему на последней работе: Нэгро.

— Нэгро? — переспросил начальник, оборачиваясь к Карлу с такой гримасой, будто в своей лжи тот достиг пределов наглости.

Даже секретарь смерил Карла долгим, испытующим взглядом, но потом повторил: «Нэгро» — и записал в свою книгу.

— Надеюсь, вы не написали «Нэгро»? — напустился на него начальник.

— Ну да, Нэгро, — невозмутимо ответил секретарь и жестом показал начальнику, чтобы тот занимался своим делом и, главное, поскорее его заканчивал.

Тогда, скрепя сердце, начальник встал и объявил:

— Итак, театр Оклахомы… — Но продолжить не смог и, не в силах совладать с собственной совестью, снова сел, сокрушенно уронив: — Его зовут не Нэгро.

Секретарь вскинул брови, но, раз такое дело, встал сам и произнес:

— В таком случае я уведомляю вас, что вы приняты в театр Оклахомы и сейчас будете представлены нашему директору.

Снова позвали служителя, который препроводил Карла к судейской трибуне.

Внизу у лестницы Карл увидел коляску, а по лестнице уже спускалась и знакомая супружеская чета, женщина несла на руках ребенка.

— Вас приняли? — спросил мужчина. Вид у него был куда веселей, чем прежде, да и женщина радостно улыбалась у него из-за плеча. Карл ответил, что его только что приняли и он идет на представление к директору. — Тогда поздравляю, — сказал мужчина. — Нас тоже приняли,

фирма вроде и вправду хорошая, только вот вникнуть во все поначалу трудновато, но это везде так.

Они сказали друг другу «До свидания», и Карл полез на трибуну. Он поднимался не спеша, все равно около крохотной площадки наверху теснился народ, ему толкаться не хотелось. Он даже приостановился, засмотревшись на округлый простор скакового поля, окаймленный со всех сторон кромками леса. Ему вдруг страстно захотелось побывать на скачках, в Америке у него пока не было такой возможности. В Европе, еще ребенком, его однажды брали на скачки, но с того раза ему запомнилось только, как мама тащила его через толпу людей, которые нипочем не желали расступаться. То есть, можно считать, он самих скачек вообще еще не видел. Он услышал за спиной механический треск, обернулся и увидел, как на огромном фанерном барабане, с помощью которого во время скачек объявляются имена победителей, теперь поползла вверх табличка с надписью: «Коммерсант Калла с женой и ребенком». Таким образом, очевидно, имена принятых сотрудников сообщались всем канцеляриям.

Тут вниз по лестнице навстречу Карлу бодро сбежали, оживленно о чем-то беседуя, три госпо-

дина с карандашами и блокнотами в руках. Карл прижался к перилам, давая им дорогу, и, раз уж наверху все равно освободилось место, поднялся на площадку. Там в самом углу огороженной перилами платформы — со стороны все это выглядело как плоская крыша узкой башни — сидел, небрежно бросив руки на перила, важный господин, через всю грудь которого тянулась широкая, белого шелка, лента с надписью: «Директор десятой рекламной труппы театра Оклахомы». Возле него на столике стоял телефонный аппарат, который наверняка тоже использовался во время скачек, но сейчас по этому телефону директор, очевидно, еще до представления узнавал все необходимые данные о кандидатах, поскольку сперва он Карла вообще ни о чем не спрашивал, только бросил другому господину, что, скрестив ноги и обхватив рукой подбородок, прислонился рядом с ним к перилам:

— Нэгро, ученик европейской средней школы.

И, словно после этого его интерес к Карлу иссяк окончательно, устремил взгляд на лестницу, не идет ли кто еще. Но, поскольку никто больше не шел, он иногда прислушивался к разговору, который вел с Карлом другой господин, однако чаще просто смотрел на скаковое поле, постукивая

пальцами по перилам. Эти длинные, холеные, но сильные и подвижные пальцы то и дело отвлекали Карла, хотя казалось бы, другой господин вовсе не дает ему отвлекаться.

— Так вы были без места? — спросил он для начала.

И этот, и почти все последующие вопросы, которые он задавал, были очень просты, без малейшего подвоха, к тому же он не прерывал ответа уточнениями и промежуточными вопросами, — тем не менее во всей его повадке, в том, как он, округляя глаза, тщательно выговаривает слова, как, весь подавшись вперед, жадно следит за их действием, как, уронив голову на грудь, задумчиво выслушивает ответы, иногда громко их повторяя, — чувствовалось, что он придает своим вопросам какой-то особый смысл, собеседнику хоть и неясный, но наполнявший его душу томительной и безотчетной тревогой. Поэтому, наверно, Карла то и дело подмывало, уже ответив на вопрос, тут же свой ответ опровергнуть, заменить другим, возможно, более благоприятным, — но он всякий раз сдерживался, зная, сколь неприглядное впечатление производят подобные колебания, тем более что последствия ответов, как правило, все равно предугадать

невозможно. К тому же его прием был вроде бы делом уже решенным, мысль об этом давала ему спасительную опору.

На вопрос, был ли он без места, Карл ответил простым «да».

— А ваше последнее место работы? — поинтересовался господин. И, не успел Карл ответить, со значением повторил, строго воздев указательный палец: — Последнее!

Карл и так прекрасно понял вопрос, уточнение показалось ему излишним, он даже непроизвольно отбросил его, мотнув головой, и ответил:

— В конторе.

Пока что он сказал правду, но если господину потребуются более точные сведения об этой конторе, придется врать. Господин, однако, об этом не спросил, а, напротив, задал вопрос, на который вообще было легче легкого ответить правду:

— Вам нравилось там работать?

— Нет! — выкрикнул Карл, даже не дав господину закончить. Краем глаза он заметил, как улыбнулся директор, и пожалел о своей запальчивости, но слишком уж соблазнительно было крикнуть это «Нет!», ведь на той работе Карл каждый день только и мечтал, чтобы к ним зашел какой-нибудь чужой хозяин и задал ему этот

вопрос. Однако ответ его был еще и тем плох, что господин теперь мог поинтересоваться, что именно Карлу не нравилось. Но господин вместо этого спросил:

— К какой же работе вы чувствуете склонность?

Этот вопрос, видимо, уж точно был с подвохом, иначе зачем бы его задавать, раз Карла все равно уже наняли актером, но, даже распознав ловушку, не мог он выдавить из себя, что чувствует особую склонность к актерской профессии. Поэтому он уклонился от ответа и, рискуя навлечь на себя подозрение в упрямстве, сказал:

— Я прочел объявление в городе, там написано, что у вас каждому найдется дело, вот я и пришел.

— Это мы знаем, — заметил господин и умолк, всем видом показывая, что продолжает настаивать на вопросе.

— Меня приняли актером… — неуверенно произнес Карл, давая почувствовать господину всю затруднительность своего положения.

— И это верно, — согласился господин и снова выжидательно замолчал.

— Так вот, — решился Карл, и все его надежды получить место разом заколебались, — не знаю,

гожусь ли я для театра. Но я буду стараться и готов выполнять любые обязанности.

Господин глянул на директора, оба кивнули, очевидно, Карл ответил правильно. Он снова воспрянул духом и, ободренный удачей, ждал следующего вопроса. Вопрос оказался вот какой:

— Какой же профессии вы намеревались себя посвятить? — И, желая уточнить вопрос — точности он вообще придавал очень большое значение, — господин добавил: — Я имею в виду — еще в Европе.

Тут он даже отнял руку от подбородка и сопроводил сказанное невнятным жестом, словно желая обозначить, как далеко затерялась Европа и сколь ничтожны давнишние планы, когда-то с нею связанные.

— Я хотел стать инженером, — сказал Карл.

Слова эти дались ему не без труда: оглядываясь на бесславный путь, пройденный тут, в Америке, смешно было воскрешать в памяти детскую мечту, к тому же почти несбыточную — да разве сумел бы он даже в Европе стать инженером? — но другого ответа он не знал, поэтому ответил так.

Однако господин отнесся к его словам серьезно, он ко всему относился серьезно.

— Ну, инженером так сразу не становятся, — сказал он. — Но, быть может, на первых порах вас устроит какая-нибудь несложная техническая работа?

— Конечно, — ответил Карл с радостью: хоть его и переводили из разряда артистов в технический персонал, он и сам надеялся, что на этой работе сумеет лучше проявить себя. А кроме того — это он повторял себе непрестанно, — не важно, какая будет работа, лишь бы получить место и хоть за что-то уцепиться.

— А вы справитесь с тяжелой работой? — спросил господин.

Господин поманил Карла к себе и пощупал его мускулы.

— Сильный мальчик, — заключил он и, все еще удерживая Карла за бицепс, подвел его к директору.

Директор с улыбкой кивнул, не меняя своей расслабленной позы, протянул Карлу руку и сказал:

— Ну вот мы и закончили. В Оклахоме все еще раз проверят. Не уроните честь нашей рекламной труппы!

Карл поклонился, потом хотел попрощаться и с другим господином, но тот с видом человека,

закончившего все дела, уже прогуливался по платформе, глядя куда-то в небо. Когда Карл спускался по лестнице, сбоку от него на фанерном барабане появилась и поползла вверх табличка с надписью: «Нэгро, технический сотрудник». Раз уж тут во всем такой порядок, Карл, пожалуй, теперь не слишком бы огорчился, если бы увидел на табличке свое настоящее имя. Да, продумано тут все было даже с чрезмерной тщательностью: у подножия лестницы Карла уже поджидал служитель, повязавший ему нарукавную повязку. Карл выставил локоть, посмотрел, что написано на повязке, — все правильно: «технический сотрудник».

Впрочем, куда бы сейчас Карла ни собирались вести, сперва надо сбегать к Фанни, доложить ей, как удачно все прошло. Но, к немалой своей досаде, Карл узнал от служителя, что ангелы, равно как и черти, уже отбыли к новому пункту назначения, где им предстоит все подготовить к приезду рекламной труппы на завтра.

— Жаль, — вздохнул Карл, это было его первое разочарование на новой работе. — У меня там среди ангелов знакомая.

— В Оклахоме увидитесь, — сказал служитель. — А теперь пойдемте, вы и так последний.

И он повел Карла вдоль тыльной стороны помоста, где еще недавно стояли ангелы, а теперь сиротливо возвышались пустые пьедесталы. Однако предположение Карла, что без труб и ангелов желающих получить место будет больше, не подтвердилось: теперь перед помостом взрослых вообще не было, и лишь несколько детей затеяли возню из-за длинного белого пера, очевидно, оброненного кем-то из ангелов. Один мальчишка держал перо на вытянутой руке, а остальные прыгали вокруг него, норовя пригнуть ему голову и выхватить желанную добычу.

Карл кивнул на детей, но служитель, даже не взглянув в их сторону, сказал:

— Пойдемте скорей, вас и так очень долго принимали. Вероятно, были сомнения?

— Не знаю, — удивленно ответил Карл, он по крайней мере так не считал.

Почему всегда, даже при самых безоблачных обстоятельствах, непременно отыщется собрат, готовый испортить тебе настроение? Однако отрадная картина, открывшаяся ему при виде зрительской трибуны, к которой они приближались, заставила Карла забыть о неприятном вопросе служителя. На этой трибуне целая скамья во всю длину была накрыта белой скатертью,

а на нижней скамье, спиной к полю, сидели все новопоступившие, приглашенные за этот праздничный стол. Все были радостно возбуждены, и, как раз когда Карл, стараясь проскользнуть незамеченным, тихо присел на край скамьи, многие вскочили, подняв бокалы, и кто-то стал произносить тост за директора десятой рекламной труппы, называя его «отцом всех, кто без места». Тут же кто-то другой заметил, что директора отсюда можно увидеть, и действительно, — судейская трибуна находилась отсюда не слишком далеко и два господина на ней были хорошо различимы. Все, конечно, протянули бокалы в ту сторону, Карл тоже схватил стоявший перед ним бокал, но сколько они ни кричали, сколько ни пытались обратить на себя внимание, ни малейшее движение на судейской трибуне не свидетельствовало о том, что их заметили или хотя бы пожелали заметить. Директор, по-прежнему откинувшись, сидел в своем углу, а другой господин все так же стоял рядом, обхватив рукой подбородок.

Слегка разочарованные, все снова сели, еще какое-то время то один, то другой изредка оглядывался на судейскую трибуну, но вскоре всех увлекло богатое угощение — носили на блюде какую-то диковинную огромную птицу, Карл

таких и не видел никогда, с множеством вилок, воткнутых в сочное, с хрустящей корочкой мясо, беспрерывно и как-то незаметно подливали вино, — только склонишься над тарелкой, а в бокал уже падает искристая бордовая струя, — а кто не склонен был участвовать в общей беседе, мог рассматривать открытки с видами театра Оклахомы, которые стопкой лежали на другом конце стола и, по замыслу, должны были передаваться из рук в руки. Но открытки мало кого занимали, и получилось так, что до Карла, который сидел последним, дошла лишь одна. Но, судя по ней, в остальных тоже было на что посмотреть. На этой же была запечатлена ложа президента Соединенных Штатов. С первого взгляда вообще можно было решить, что это не ложа, а, наоборот, сцена, — так плавно, величаво и непреклонно взмывал ее парапет над окружающим пространством. Сам парапет — до последней мелочи — был из чистого золота. Между точеными, словно вырезанными тончайшими ножичками, столбиками балюстрады были укреплены медальоны с портретами бывших президентов, особенно выделялся один, с надменным прямым носом, выпяченными губами и угрюмым, неподвижным взглядом из-под набрякших, приспущенных век. Со всех сторон,

по бокам и сверху, ложа была высвечена снопами мягкого света; этот свет, достаточно яркий и одновременно ласковый, буквально заливал ложу снаружи, тогда как глубины ее, надежно укрытые пурпурными складками тяжелого, переливчатого бархата, который окаймлял ложу по всему периметру и раздвигался на шнурах, таили в себе темную, зияющую красноватыми отблесками пустоту. Почти немыслимо было вообразить в этой ложе человека — настолько царственно выглядела она сама по себе. Не забывая о еде, Карл время от времени все же поглядывал на картинку, положив ее рядом со своей тарелкой.

В конце концов ему захотелось взглянуть еще хотя бы на одну из открыток, но пойти и попросить он не осмелился, поскольку служитель в конце стола прикрыл стопку ладонью и, видимо, следил за соблюдением очередности, — тогда Карл оглядел стол, пытаясь обнаружить, нет ли у кого открытки на руках и не передают ли ее в его сторону. И тут с изумлением, поначалу даже не поверив своим глазам, среди физиономий, с особым усердием склонившихся над едой, заметил хорошо знакомую — ну конечно, это Джакомо! Карл радостно кинулся к нему, окликая по имени, Джакомо, как всегда смущенный в минуты

неожиданности, оторвался от еды, пытаясь неловко повернуться в узкой щели между скамейками и поспешно утирая рот рукой, но, увидев Карла, очень обрадовался, предложил сесть рядом с собой или, наоборот, перебраться туда, где сидит Карл, — им хотелось многое порассказать друг другу и вообще больше не разлучаться. Но Карл не стал никого беспокоить, пусть пока что каждый сидит, где сел, обед все равно скоро кончится, а уж потом они, конечно же, всюду будут держаться вместе. Однако возвращаться на место не спешил, уж очень приятно было смотреть на Джакомо. Сколько же воды утекло! Где-то теперь главная кухарка? И что поделывает Тереза? Сам Джакомо внешне ничуть не изменился, предсказание главной кухарки, что он через полгода превратится в настоящего, крепкого американца, не сбылось, он по-прежнему был хрупкий, худенький, с впалыми щеками, — сейчас, правда, щеки как раз были круглые, потому что он засунул в рот и тщетно пытался прожевать огромный кусок мяса, то и дело недоуменно извлекая оттуда кости и бросая их на тарелку. Надпись на его нарукавной повязке свидетельствовала, что и Джакомо взяли не артистом, а лифтером, похоже, театр Оклахомы и вправду любому готов был подыскать занятие.

Но, заглядевшись на Джакомо, Карл и так слишком надолго покинул свое место — только он надумал вернуться, как появился начальник отдела найма, влез на одну из скамеек над ними, хлопнул в ладоши и произнес краткую речь, во время которой большинство сразу встали, а те, кто, не в силах оторваться от еды, продолжали сидеть, сделали это чуть позже, понуждаемые тычками и шиканьем остальных.

— Хочу надеяться, — произнес он, пока Карл на цыпочках пробирался к своему месту, — что вы довольны нашим торжественным обедом. Наша рекламная труппа вообще славится своими обедами. К сожалению, я вынужден завершить вашу трапезу, так как поезд, на котором вы отправитесь в Оклахому, отходит через пять минут. Путь хоть и неблизкий, но, как вы сами убедитесь, о вас хорошо позаботились. Сейчас я вам представлю господина, который отвечает за вашу транспортировку и которому вы должны беспрекословно подчиняться.

Тощий низенький господин вскарабкался на ту же скамью, в спешке не счел нужным даже поклониться, а сразу же, нервно размахивая ручонками, принялся объяснять и показывать, где, кому, как и в каком порядке строиться и куда

направляться. Но сперва его не послушались, поскольку тот из их компании, кто уже произносил тост за директора, теперь хлопнул ладонью по столу и начал длинную благодарственную речь, хотя — Карл уже не на шутку беспокоился — ясно ведь было сказано, что поезд вот-вот отходит. Но речистый, не смущаясь даже тем, что начальник давно его не слушает, а поспешно отдает их провожатому последние указания, все не унимался, похоже, он задумал целый доклад, перечислял все блюда, которые им подали, оценивал каждое из блюд по отдельности и, наконец, завершил свое выступление шутливым возгласом:

— Господа, только так нас и надо завоевывать!

Все, кроме тех, к кому он, собственно, обращался, рассмеялись, но правды в этом возгласе было, пожалуй, больше, чем шутки.

За эту его речь всем им вдобавок пришлось расплачиваться ускоренной пробежкой к вокзалу. Что, впрочем, оказалось не так уж тяжело, ибо — Карл только сейчас это заметил — багажа ни у кого не было, единственным предметом багажа была разве что коляска, которая, ведомая отцом семейства, трясясь и подпрыгивая на ухабах, мчалась во главе их странной, неудержимой колонны. Что же это за неимущий, подозрительный

сброд, ради которого столь пышный прием и вообще все эти хлопоты? А провожатый так и вовсе, можно подумать, им отец родной: то, ухватившись одной рукой за коляску, другой призывно машет в воздухе, подбадривая колонну, то, уже в самых последних рядах, подгоняет отстающих, то, пристроившись сбоку и выразительно поглядывая на уставших, энергично работает локтями, показывая, как надо бежать.

Когда они ворвались на вокзал, поезд уже стоял под парами. Люди на вокзале оживленно показывали на них друг другу, слышались возгласы вроде: «Эти из театра Оклахомы», похоже, театр пользовался куда большей известностью, чем Карл предполагал, впрочем, он никогда и не интересовался театром. Для их группы был выделен целый вагон, провожатый руководил их погрузкой куда более рьяно, чем кондуктор. Сперва он тщательно осмотрел каждое купе, кто как расселся, все ли у всех в порядке, и только потом отправился на свое место. Карлу повезло, ему досталось место у окна и он успел усадить рядом с собой Джакомо. Притиснутые друг к другу, они ждали отправления и, стараясь ни о чем больше не думать, радовались предстоящей поездке — ведь так, без забот, без хлопот, им по

Америке путешествовать не приходилось. Когда поезд тронулся, они начали махать из окна, а ребята напротив, подталкивая друг друга локтями, смеялись над ними.

Они ехали два дня и две ночи. Только теперь Карлу открылось величие Америки. Без устали смотрел он в окно, и Джакомо так долго и так упорно тянулся туда же, что ребятам, беспрерывно игравшим в карты, это стало надоедать и они сами предложили ему место напротив. Карл их поблагодарил — английский язык Джакомо не каждому был понятен, — и мало-помалу, как это и водится между дорожными попутчиками, они стали вести себя куда дружелюбней, но и дружелюбие их нередко становилось в тягость, когда, например, у них падала карта и они, ползая за ней по полу, пребольно щипали Карла или Джакомо за ногу. Джакомо всякий раз испуганно орал от боли и неожиданности и вскидывал ноги, Карл же иногда пытался ответить пинком, но в основном сносил эти шутки молча. Что бы ни происходило в тесном, даже при открытом окне насквозь прокуренном и дымном купе, все это меркло в сравнении с тем, что он видел в окно.

В первый день они ехали через высокие горы. Черно-синие каменистые громады острыми кли-

ньями подступали вплотную к путям, и, сколько ни высовывайся из окна, тщетно было разглядеть их вершины; мрачные, узкие, обрывистые долины открывались внезапно и тут же исчезали, так что палец, едва успев показать на них, вновь утыкался в каменную стену; мощные горные потоки, упруго вскидываясь на перекатах, неся в своих кипящих водах тысячи пенистых волн, всей тяжестью рушились под опоры моста, по которому торопился проскочить поезд, и были так близко, что их холодное, влажное дыхание ветерком ужаса обдавало лицо.